

Журнал основан в 1918 г.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАВРИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО

Научный журнал

Том 27 (66). № 2

Серия «Исторические науки»

Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь, 2014

Редакционный совет журнала**«Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского»:****Багров Н. В.** – д. г. н, проф., академик НАН Украины, (главный редактор)**Шульгин В. Ф.** – д. хим. н., проф. (зам. главного редактора)**Дзедолик И. В.** – д. ф.-м. н, доц. (отв. секретарь)**Члены совета (редакторы серий):****Бержанский В. Н.** – д. ф.-м. н., проф.**Богданович Г. Ю.** – д. филол. н., проф.**Вахрушев Б. А.** – д. г. н., проф.**Казарин В. П.** – д. филол. н., проф.**Климчук С. В.** – д. э. н., доц.**Копачевский Н. Д.** – д. ф.-м. н., проф.**Непомнящий А. А.** – д. ист. н., проф.**Подсолонко В. А.** – д. э. н., проф.**Темурьянц Н. А.** – д. б. н., проф.**Ротань В. Г.** – д. ю. н., проф.**Шоркин А. Д.** – д. филос. н., проф.**Редакционный совет серии «Исторические науки»:****Непомнящий А. А.**, доктор исторических наук, профессор (редактор серии) (aan@home.cris.net)**Герцен А. Г.**, кандидат исторических наук, профессор (ответственный секретарь)**Бачинская Е. А.**, доктор исторических наук, профессор**Ганкевич В. Ю.**, доктор исторических наук, профессор**Петрова Э. Б.**, доктор исторических наук, профессор**Платонова Н. И.**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник**Смынтына Е. В.**, доктор исторических наук, профессор**Тихонов И. В.**, доктор исторических наук, доцент**Тункина И. В.**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник**Филимонов С. Б.**, доктор исторических наук, профессор**Хмарский В. М.**, доктор исторических наук, профессор**Храпунов И. Н.**, доктор исторических наук, профессор**Щевелев С. С.**, доктор исторических наук, профессорПечатается по решению Ученого Совета Таврического национального университета
им. В.И. Вернадского, протокол № 10 от 14.11.2014 г.Подписано в печать 17.11.2014 г. Формат 70x100 1/16. 7,64 усл. п. л. Тираж 500. Заказ № 12/14-УЗ.
Отпечатано в информационно-издательском отделе ТНУ. пр. Академика Вернадского, 4, г. Симферополь, 95007**«Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського»**

Науковий журнал. Серія «Історичні науки». Том 27 (66), № 2

Сімферополь, Таврійський національний університет ім. В. І. Вернадського, 2014

Журнал заснований у 1918 р.

Адреса редакції: пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

Надруковано в інформаційно-видавничому відділі Таврійського національного університету

ім. В. І. Вернадського. Пр. Академіка Вернадського, 4, м. Сімферополь, 95007

<http://science.crimea.edu/zapiski/zapis.html>

© Таврический национальный университет, 2014 г.

УДК 910.4(477.75)+908(047.2)

КРЫМ ГЛАЗАМИ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: НОВЫЕ ОТРЫВКИ ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК ЯНОША КАРОЙ БЕША

Авсенёва С. Н.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь
E-mail: lindabright@mail.ru*

Присоединение Крымского полуострова к России в конце XVIII в. открыло новую волну интереса для российской и западноевропейской общественности, стремящейся наглядно ознакомиться с далеким прошлым Тавриды. Число желающих посетить загадочный полуостров постепенно возрастало и уже ко второй четверти XIX в. путешествия приобрели широкий размах. В большинстве своем сюда направлялась интеллектуальная элита. Однако далеко не всегда путешествия являли собой целенаправленную миссию, Крым посещали также люди, не ставившие целью детальное научное изучение края. Кроме различного рода официальных и служебных визитов, научных и описательных экспедиций, совершалось огромное количество культурно-эстетических вояжей с целью поиска вдохновения, туристических и миссионерских поездок. В статье представлен авторский перевод с французского отрывков с описанием Крыма сочинения венгерского путешественника Яноша Карой Беша, который в рамках своей этнографической экспедиции 1829–1830 годов, посетил и описал многие города и селения полуострова. Автором дан научный комментарий, показана ценность записок путешественников как исторического источника по истории Крыма.

Ключевые слова: записки путешественников; Крым; сочинение; путешествие; Янош Карой Беш.

Путевая литература, будучи одним из важнейших источников по истории России, все же до начала XIX века не испытывала должного внимания ученых. Сочинения целого ряда путешественников по Крыму по сей день остаются неизвестными или малоизученными в научном мире. Отсюда – необходимость поиска, исследования и публикации всех имеющихся в распоряжении трудов вояжеров по Крыму и России конца XVIII – первой половины XIX в.

Некоторые аспекты заявленной нами темы – записки путешественников о Крыме конца XVIII – первой половины XIX века в Крыму – исследованы в работах крымских историков А. А. Непомнящего [1–2], Е. Н. Деремедведь [3–5], А. В. Мальгина [6], а также молодых специалистов – С. В. Громенко [7], Г. С. Каушлиева [8–10], Н. И. Храпунова [11–13], Т. А. Прохоровой [14–17].

Отсутствие специальных работ и слабое внимание исследователей к труду путешественника Яноша Карой Беша (в научной литературе на сегодняшний день представлен перевод и анализ отрывков его сочинения лишь с описанием Кавказа) обусловили необходимость данного исследования.

С присоединением Крымского полуострова к России в конце XVIII в. сюда открылся путь для интеллектуальной элиты, стремящейся наглядно ознакомиться с далеким прошлым Крыма. В большинстве своем, сюда направились люди образованные, имевшие целью приумножить количество знаний по разным отраслям науки.

Одним из таких путешественников, отправившихся сюда с целью изучения местной этнографии, стал венгр Янош Карой Беш (Жан-Шарль де Бесс во фран-

пузской транскрипции) (1765–1842?) [18, р. 7]. Участник событий Французской революции [19, р. 127], этнограф, занимавшийся изучением этногенеза и древней истории венгров [20, с. 330], сотрудник парижского журнала «Хроника иностранной литературы», автор «Грамматики тюркского языка», в 1829 г. он начал путешествие в поисках следов пребывания предков венгров на Востоке. По результатам этого вояжа опубликовал сочинение «Поездка в Крым, на Кавказ, в Грузию, Армению, Малую Азию и в Константинополь в 1829 и 1830 гг.», остающийся по сей день неизвестным широкой общественности, несмотря на его чрезвычайную ценность и информативность.

Путешествие стартовало в мае 1829 г. выездом из Вены, откуда через Одессу Янош Карой Беш направился в Крым. Первая остановка здесь произошла в Перекопе: «Перекоп – это небольшой город с крепостью на восточной окраине перешейка, который соединяет Крым с восточными ногайцами и имеет в этом месте географически мило в ширину <...>. Татары называют этот город Ор или Ор-Капи. К югу от города есть два больших соленых озера около двух миль в окружности каждый, один расположен к востоку, а другой – к западу.

Пятью верстами дальше находится татарский город Армянск <...>. Здесь мне предоставили комнату, похожую на чердак, но заставили заплатить столько, сколько стоит самая красивая комната. В этом месте музыку исполнял полковой оркестр, сыгравший несколько военных мелодий, которые составили мне некоторое развлечение в этом печальном месте <...>» [21, р. 30].

После короткого отдыха путешественник взял курс на Керчь, прибыв куда, пробыл там совсем недолго, так как направлялся в Ени-Кале, откуда планировал отправиться на Тамань. В описании первого своего пребывания в Ени-Кале, Беш говорит об удобном расположении крепости, живописных окрестностях. Рассказывает о местном населении, которое состоит практически из греков, но есть также русские и татары. Хозяйство жителей в основном рыболовецкое, некоторый доход, говорит путешественник, они также получают, занимаясь перевозкой на противоположных берег пролива пассажиров и различный груз: «Керчь – Пролив – Тамань – Степи вдоль линии Кавказа.

Я, наконец, прибыл в город, где я остановился только на ужин, так как торопился в этот же день посетить Ени-Кале, где через пролив короче всего попасть на Тамань. Ени-Кале расположена на возвышенности с видом на пролив и Азовское море, которое омывает собой мыс, ее расположение очень выгодно и очень живописно. Поднявшись на плато над городом, вы видите сразу и Азовское море, и Черное. В городе проживают греки, русские и татары, которые занимаются рыбной ловлей и прибрежным судоходством; они перевозят через пролив товары и пассажиров в Ставрополь на Кавказ и в Грузию» [21, р. 35].

В свое кратчайшее пребывание в городе, путешественник завязал дружественные отношения с градоначальником И. А. Стемковским и попечителем керченской торговли с черкесами Р. Скасси, о гостеприимстве которых приятно отзывался.

Переправившись через Керченский пролив в Тамань, Беш проехал вдоль Кубани в Екатеринодар (Краснодар), а затем в Ставрополь. Здесь вояжер узнал, что командующий войсками на Кавказской военной линии генерал Эммануэль организо-

вал экспедицию с целью восхождения на Эльбрус, и решил присоединиться к ней, не оставляя своего главного задания в дороге – поиск следов мадьяров на этой территории. Он находился в базовом лагере экспедиции во время подъема на Эльбрус кабардинца Килара – единственного из участников этого восхождения, кто 10 июля 1829 г. добрался до вершины горы [20, с. 329]. По завершении вояжа по территории Карачая, путь Яноша Карой Беша снова лежал в Крым через Керчь, куда он и прибыл с Тамани.

На протяжении трех дней, проведенных в городе, Беш посетил созданный незадолго до этого Музей керченских древностей, ознакомился с экономикой города, в частности с торговлей, конечно же, посетил раскопки. Обнаруженные находки поразили путешественника, однако, как и у большинства вояжеров того времени, побывавших в Керчи, большое негодование вызвало небрежное отношение к памятникам старины, которое несильно изменилось с обустройством музея: «В течение трех дней, что я провел в Керчи, я осмотрел этот город и музей древностей, раскопки за пределами города и находился под постоянным надзором г-на Дюбрюкса. К сожалению, найденные бюсты и вазы получили в свое время увечья. Главным образом хорошо сохранились некоторые женские безделушки, найденные в могилах. Есть пара золотых браслетов ручной работы. Эти драгоценности откладываются на хранение Стемповским, губернатором Керчи. Г-н Скасси был добр и дал мне некоторые выдержки из отчетов, написанные им, содержащие описание портов и торговли в этом растущем городе, среди которых был отрывок для обучения моряков в Черном море» [21, р. 205].

Из Керчи путешественник отправился в Симферополь: «Город Симферополь, расположенный на плато, виден издалека и очень выгодно расположен. Городской собор, смелые архитектурные формы которого возбуждают внимание, со всех четырех сторон украшен колоннами красивых пропорций, они увенчаны куполом, который делает все здание воздушным. Через долину на въезде в город протекает Салгир – это не глубокая, но достаточно быстрая река, на протяжении всей своей длины усаженная деревьями с обеих сторон, по берегу которой тут и там располагаются несколько отдельных домов» [21, р. 208–209].

Дальнейший путь Беша лежал на Южный берег Крыма, который, по его словам, «не может не посетить ни один путешественник».

Приложив немалые усилия, путешественник прибыл в Алушту, поразившую его своим расположением в столь живописном крае: «Те невзгоды, что мы испытали на протяжении езды по дороге длиной в две версты, были полностью компенсированы окружающим видом на море вокруг деревни Алушта...» [21, р. 225–226].

Пожелав осмотреть весь Южный берег как можно подробней, Янош Карой Беш решил задержаться на некоторое время в Кучук-Ламбате, в имении Таврического гражданского губернатора А. М. Бороздина, куда он был приглашен во время пребывания в Симферополе: «На следующий день я встал с рассветом, чтобы насладиться этим прекрасным видом, что открывали мне с одной стороны – огромные скалы, сложенные друг на друга таким образом, что казалось странным, что сейчас доступ к этим местам, столь любимым в отдаленной древности, столь затруднен. Это была невыразимая радость для меня исследовать этот восхитительный сад,

вдохнуть сладкий запах цветов, которые встречаются на каждом шагу <...> Я с удовольствием шел среди апельсиновых деревьев, инжира, миндаля и винограда...» [21, р. 227–228].

На следующий день – посещение Партенита, Алупки, Никитского ботанического сада, Фороса и Ореанды, чья красота не могла оставить равнодушным нашего вояжера: «По прибытии в Форос я испытал самый трудный из-за крутых холмов и очень узких трасс способ передвижения, которому препятствовали также массы горных пород. Ехали по этим извилистым тропинкам через скалистые страшные пропасти <...>».

Как только мы покинули деревню, мы должны были подняться на высоту около четырех тысяч метров <...>. При подъеме я почувствовал редкое удовольствие <...>. Я смотрел перед собой с каким-то ступором <...>. Скалы, горы вокруг меня, казалось, вырастали из чрева земли в красиво окрашенную путаницу и хаос, заполняющих ум тысячами пугающих образов разрушения <...>. Действительно это торжественный момент в жизни, когда человек, так сказать, между небом и землей!» [21, р. 241–243].

Возвращаясь в Симферополь, Беш посетил также Байдарскую долину и Бахчисарай, отметив при этом некоторое невнимание со стороны правительства Российской империи к столь привлекательным и плодородным землям: «Сейчас мы выходим из зелени, свежих лугов, лесов, что покрывали нас тенью, и видим степи, которые распространяются на Бахчисарай и тянутся к реке Альма. Этот город – бывшая резиденция крымских ханов, мы все еще можем увидеть остатки роскошного прошлого, город все еще хорошо заселен, имеет несколько мечетей и ряд построенных плотно домов. Недалеко от города произрастают хорошо ухоженные сады <...>. С учетом красоты этих мест, плодородия почвы и мягкого климата иностранцы уже начинают делать приобретения земли и, если их присутствие будет продолжаться, она будет оставаться хорошей и высоко ценится <...>» [21, р. 249–252].

Проведя немного времени в Симферополе, наш путешественник пустился в Феодосию, откуда ему предстояло отправиться в Трапезунд. В Феодосии Янош Карой Беш планировал найти корабль, на котором он бы мог отплыть до наступления зимы, однако получил отказ, так как все суда могли отправляться только весной. Большая задержка и неприятная погода заставили его бездельничать в течение продолжительного времени, и только с наступлением лучших погодных условий он решил выбраться и осмотреть город: «Древний город Каффа процветал здесь в значительной степени, остатки его все еще наблюдаемы. Развалины крепости к востоку от города, башни на высотах горы вокруг города в полукруге, много руин на западе показывают былую славу Каффы <...>».

Феодосия имеет особую смесь народов: русские, греки, армяне, татары, евреи, немцы и, наконец, европейские авантюристы, которые приехали в эту страну искать счастья <...>».

Это разнообразие народов также просматривается в различии религий и морали. Церкви, которые существовали со времен Генуи, были заменены под властью татар на мечети, которые заняли красивую главную площадь в центре города <...>» [21, р. 262–265].

Путешествие по территории Крыма закончилось в Феодосии, откуда весной 1830 г. последовало отплытие в Трапезунд, посещение территории Армении и Грузии. Последним пунктом назначения Яноша Карой Беша был Константинополь, после чего в июле 1830 г. он вернулся в Вену.

Выявление неизученных текстов сочинений путешественников, их перевод и анализ, восстановление биографических данных авторов, послужат получить более четкую картину исторического прошлого Тавриды, судьбы памятников древности, иным аспектам культуры и этнографии, как указанного региона, так и Европы в целом.

Подробный отчет Беша о его путешествии с описаниями природы, городов, селений, местных жителей и их быта, дает нам ценные сведения по истории и этнографии народов, обитавших в Крыму во второй четверти XIX в. Особый же стиль сбора наблюдений и составления путевых записок выгодно отличает их от иных видов письменных источников.

Список использованных источников и литературы

1. Непомнящий А. А. Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII – начало XX века) / А. А. Непомнящий ; Ин-т укр. археографии и источниковедения им. М. С. Грушевского НАН Украины. – К., 1999. – 212 с. – (Серия : «Научно-справочные издания по истории Украины» ; вып. 46).

Непомнящий А. А. Zapiski puteshestvennikov i putevoditeli v razvitii istoricheskogo kraevedeniya Kryma (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XIX veka) / A. A. Nepomnyashchii ; In-t ukr. arkeografii i istochnikovedeniya im. M. S. Grushevskogo NAN Ukrainy. – K., 1999. – 212 p. – (Seriya : «Nauchno-spravochnye izdaniya po istorii Ukrainy» ; vyp. 46).

2. Непомнящий А. А. Иностранные путешественники о колонизации Крыма в конце XVIII – XIX веке / А. А. Непомнящий // Заселення Півдня України : проблеми національного та культурного розвитку : міжн. наук.-метод. конф. : наук. доп. : у 2 ч. – Херсон, 1997. – Ч. 1. – С. 219–223.

Непомнящий А. А. Inostrannye puteshestvenniki o kolonizatsii Kryma v kontse XVIII – XIX veke / A. A. Nepomnyashchii // Zaselennya Pivdnia Ukraini : problemi natsional'nogo ta kul'turnogo rozvitku : mizhn. nauk.-metod. konf. : nauk. dop. : u 2 ch. – Kherson, 1997. – Ch. 1. – P. 219–223.

3. Деремедведь Е. Н. Английская литература путешествий XVIII–XX вв. о Крыме : реализация процесса коммуникации / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 49. – С. 112–115.

Deremedved' E. N. Angliyskaya literatura puteshestviy XVIII – XX vv. o Kryme : realizatsiya protsessu kommunikatsii / E. N. Deremedved' // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2004. – № 49. – P. 112–115.

4. Деремедведь Е. Н. Крымская Ривьера : авантурные приключения англичанок в Тавриде / Е. Н. Деремедведь. – Симферополь : Сонат, 2008. – 208 с.

Deremedved' E. N. Krymskaya Riv'era : avantyurnye priklyucheniya anglichanok v Tavride / E. N. Deremedved'. – Simferopol' : Sonat, 2008. – 208 p.

5. Деремедведь Е. Н. Крым глазами английского путешественника Р. Лайелла / Е. Н. Деремедведь // Культура народов Причерноморья. – 2002. – № 43. – С. 163–169.

Deremedved' E. N. Krym glazami angliyskogo puteshestvennika R. Layella / E. N. Deremedved' // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2002. – № 43. – P. 163–169.

6. Мальгин А. В. Крым глазами путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. / А. В. Мальгин // Крым сквозь тысячелетия / сост., науч. и лит. ред. Э. Б. Петрова ; отв. ред. И. Р. Лепешенко ; шеф-ред. Б. Д. Дейч. – Симферополь : ЛИРа, 2004. – С. 321–343.

Mal'gin A. V. Krym glazami puteshestvennikov kontsa XVIII – pervoy poloviny XIX v. / A. V. Mal'gin // Krym skvoz' tysyacheletiya / sost., nauch. i lit. red. E. B. Petrova ; otv. red. I. R. Lepeshchenko ; shef-red. B. D. Deych. – Simferopol' : LIRa, 2004. – P. 321–343.

7. Громенко С. В. Сtery, morze i gory : польские путешественники конца XVIII – начала XX века о Крыме / С. В. Громенко ; под ред. проф. А. А. Непомнящего ; Тавр. нац. ун-т им. В. И. Вернадского,

Крым. ун-т культуры, искусств и туризма, Крым. о-во поляков. – Симферополь : Антиква, 2011. – 304 с. – (Серия : «Биобиблиография крымоведения» ; вып. 14).

Gromenko S. V. Stepy, morze i gory : pol'skie puteshestvenniki kontsa XVIII – nachala XX veka o Kryme / S. V. Gromenko ; pod red. prof. A. A. Nepomnyashchego ; Tavr. nats. un-t im. V. I. Vernadskogo, Krym. un-t kul'tury, iskusstv i turizma, Krym. o-vo polyakov. – Simferopol' : Antikva, 2011. – 304 p. – (Seriya : «Biobibliografiya krymovedeniya» ; vup. 14).

8. Каушлиев Г. С. Вклад английских путешественников в историко-культурное освоение Крыма (конец XVIII – начало XIX века) / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского : сер. : «Исторические науки». – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – С. 100–113.

Kaushliev G. S. Vklad angliyskikh puteshestvennikov v istoriko-kul'turnoe osvoenie Kryma (konets XVIII – nachalo XIX veka) / G. S. Kaushliev // Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo : ser. : «Istoricheskie nauki». – 2010. – Т. 23 (62), № 1. – P. 100–113.

9. Каушлиев Г. С. Научно-исследовательская экспедиция А.Н. Демидова в историко-краеведческом познании Крыма / Г. С. Каушлиев // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. сер. : «исторические науки». – 2011. – Т. 24 (63), № 1. – С. 43–50.

Kaushliev G. S. Nauchno-issledovatel'skaya ekspeditsiya A.N. Demidova v istoriko-kraevedcheskom poznanii Kryma / G. S. Kaushliev // Uchenye zapiski Tavricheskogo nats. un-ta im. V. I. Vernadskogo. ser. : «istoricheskie nauki». – 2011. – Т. 24 (63), № 1. – P. 43–50.

10. Каушлиев Г. С. Отечественные путешественники в изучении историко-культурного ландшафта Крыма на рубеже XVIII–XIX ст. / Г. С. Каушлиев // Питання історії науки і техніки. – 2011. – № 4 (20). – С. 29–38.

Kaushliev G. S. Otechestvennye puteshestvenniki v izuchenii istoriko-kul'turnogo landshafta Kryma na rubezhe XVIII–XIX st. / G. S. Kaushliev // Pitannya istorii nauki i tekhniki. – 2011. – № 4 (20). – P. 29–38.

11. Храпунов Н. И. Крым в описаниях Реджинальда Хербера (1806 г.) / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2008. – Вып. 14. – С. 645–697.

Khrapunov N. I. Krym v opisaniyakh Redzhinal'da Kherbera (1806 g.) / N. I. Khrapunov // Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe отд. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy. – Simferopol', 2008. – Vup. 14. – P. 645–697.

12. Храпунов Н. И. Путешествие по Крыму Стивена Греллета / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь, 2009. – Вып. 15. – С. 656–681.

Khrapunov N. I. Puteshestvie po Krymu Stivena Grelleta / N. I. Khrapunov // Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe отд. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy. – Simferopol', 2009. – Vup. 15. – P. 656–681.

13. Храпунов Н. И. Херсонес в описаниях европейских путешественников конца XVIII – начала XIX в. / Н. И. Храпунов // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымское отд. Ин-та востоковедения им. А. Е. Крымского НАН Украины. – Симферополь ; Керчь, 2011. – Вып. 17. – С. 595–630.

Khrapunov N. I. Khersones v opisaniyakh evropeyskikh puteshestvennikov kontsa XVIII – nachala XIX v. / N. I. Khrapunov // Materialy po arkhologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskoe отд. In-ta vostokovedeniya im. A. E. Krymskogo NAN Ukrainy. – Simferopol' ; Kerch', 2011. – Vup. 17. – P. 595–630.

14. Прохорова Т. А. Анатолий Николаевич Демидов и его «Путешествие в Южную Россию и Крым» / Т. А. Прохорова // Культура народов Причерноморья. – 2009. – № 152. – С. 92–97.

Prokhorova T. A. Anatoliy Nikolaevich Demidov i ego «Puteshestvie v Yuzhnyuyu Rossiyu i Krym» / T. A. Prokhorova // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2009. – № 152. – P. 92–97.

15. Прохорова Т. А. Джеймс Александер и его путешествие в Крым в 1829 г. : к вопросу о роли иностранных путешественников в формировании науки о крымских древностях / Т. А. Прохорова // Межд. науч. конф. «Охрана культурного наследия : проблемы и перспективы» : тез. докл. и сообщ. / НЗ «Херсонес Таврический». – Севастополь, 2012. – С. 57–59.

Prokhorova T. A. Dzhejms Aleksander i ego puteshestvie v Krym v 1829 g. : k voprosu o roli inostrannykh puteshestvennikov v formirovanii nauki o krymskikh drevnostyakh / T. A. Prokhorova // Mezhd. nauch. konf. «Okhrana kul'turnogo naslediya : problemy i perspektivy» : tez. dokl. i soobshch. / NZ «Khersones Tavricheskij». – Sevastopol', 2012. – P. 57–59.

16. Прохорова Т. А. Крымские древности в произведениях малоизвестных путешественников первой половины XIX в. : на примере путевых заметок Ж. де Сен-Совера / Т. А. Прохорова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма / Ред.-сост. М. М. Чореф. – Севастополь–Тюмень, 2012. – Вып. 4. – С. 103–108.

Prokhorova T. A. Krymskie drevnosti v proizvedeniyakh maloizvestnykh puteshestvennikov pervoy poloviny XIX v. : na primere putevykh zametok Zh. de Sen-Sovera / T. A. Prokhorova // Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednekovogo Kryma / Red.-sost. M. M. Choref. – Sevastopol'–Tyumen', 2012. – Вып. 4. – Р. 103–108.

17. Прохорова Т. А. Проблемы поиска древних памятников Крыма путешественниками первой половины XIX века / Т. А. Прохорова // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма / ред.-сост. М. М. Чореф. – Севастополь–Тюмень, 2012. – Вып. 4. – С. 97–101.

Prokhorova T. A. Problemy poiska drevnikh pamyatnikov Kryma puteshestvennikami pervoy poloviny XIX veka / T. A. Prokhorova // Materialy po arkhologii i istorii antichnogo i srednekovogo Kryma / red.-sost. M. M. Choref. – Sevastopol'–Tyumen', 2012. – Вып. 4. – Р. 97–101.

18. Baumgarten S. L'orientaliste français Jean-Charles Besse et son voyage au Caucase / S. Baumgarten. – Paris, 1955. – 310 p.

19. Baumgarten S. Jean-Charles Besse : aventurier et philologue / S. Baumgarten. – Bologna : Patron, 1963. – 135 p.

20. Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII – XIX вв. / Ред. В. К. Гарданов. – Нальчик : Эльбрус, 1974. – 635 с.

Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeyskikh avtorov XIII – XIX vv. / Red. V. K. Gardanov. – Nal'chik : El'brus, 1974. – 635 p.

21. Besse Jean-Charles de. Voyage en Crimée, au Caucase, en Georgie, en Arménie, en Asie-Mineure en 1829 et 1830. Ourage orné de cinq planches lithographiées / Jean-Charles de Besse. – Paris : Delaunay, Libraire, au Palais-Royal, 1838. – 467 p.

Avseneva S. N. The Crimea through the eyes of travelers of the XIX century: New passages from travel notes of Janos Karoly Besh / S. N. Avseneva // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 3–9.

The addition of the Crimea to Russia toward the end of the 18th century opened a new wave of interest on the part of both the Russian and Western-European public who sought to get acquainted with the region and its history. The number of those wishing to visit the mysterious peninsula gradually increased and by the second quarter of the 19th century visitors to the Crimea were wide in scope. Many of the travelers were a part of the intellectual elite; however their travels did not always have a focused agenda. The Crimea was also visited by people who did not plan a detailed scientific study of the region. In addition to the various types of formal and official visits, and scientific expeditions, a substantial amount of cultural and aesthetic voyages were undertaken with the intent discovering inspiration, performing missionary trips, or simply tourism. This article presents the author's translation and analysis of the travel notes' passages of Janos Karoly Besh, a Hungarian explorer who traveled throughout the Crimean for his ethnographic expedition from 1829 to 1830. His work contains descriptions of many towns and villages throughout the peninsula. The analysis includes a scientific comment on the work and illustrates the value of traveler's notes as a historical source on the history of the Crimea.

Keywords: Traveler's notes; Crimea; an essay; a journey; Janosh Karoy Besh.

УДК 94(=512.145)-054.72

ПОСЛЕДСТВИЯ ЭМИГРАЦИИ КРЫМСКИХ ТАТАР В 60-Х ГГ. XIX ВЕКА: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Алиев Р. Д.

*Бахчисарайский историко-культурный заповедник
E-mail: psychodrom@mail.ru*

Рассмотрен широкий спектр последствий переселенческого движения в крымском регионе в контексте крымскотатарских миграций 60-х годов XIX века. Это касается экономического, демографического и культурного развития полуострова и его жителей.

Ключевые слова: эмиграция, Крым, крымские татары, Таврическая губерния, последствия.

Активное стремление к объединению и взаимопомощи в среде крымскотатарских сообществ и диаспор, наблюдаемое в последние десятилетия, обуславливает актуальность изучения истории миграций коренного населения Крыма в XIX веке. Проблематика эмиграционных процессов крымских татар середины XIX – начала XX вв. в целом, как и в частности их последствий, к сожалению, по сей день остается практически неизученной. Именно поэтому исследование ее включает в себе научную новизну. Целью данной научной статьи является изучение основных аспектов последствий эмиграций крымскотатарского населения в указанный период, их роль в социально-экономическом развитии региона и его обитателей.

Начиная с конца XVIII в., с приходом новой власти, на территории Крымского полуострова и за его пределами наблюдается такое явление, как массовые миграции местного населения за границу. В частности, это касается большинства крымских татар, поэтапно на протяжении полутора столетий переселявшихся за пределы своей исторической родины. Данное явление имеет как свои причины, так и последствия. Среди первых в основном можно выделить безземелье, воинскую повинность, притеснения и общее тяжелое положение крымских татар в изучаемый период. В свою очередь, к последствиям эмиграций преимущественно относят такие факторы как опустошение огромного количества земель, изменения этнического состава населения Крыма и его окраин, изменения в социально-культурном развитии крымских татар, упадок сельского хозяйства, нехватка рабочей силы по всему региону и невозможность срочного заселения края идентичным количеством новопоселенцев.

Хронологические рамки исследования (60-е годы XIX века) обусловлены наибольшим количеством примечательных проявлений изучаемых процессов, т. е. последствий эмиграций крымскотатарского населения. Что касается историографии вопроса, то целостных и всесторонних исследований по данной теме опубликовано не было. Это вполне объясняется крайней малоизученностью данной проблемы. Тема последствий эмиграций крымских татар, так или иначе, рассматривается в большей части литературы, посвященной исследованию социально-экономического положения крымского региона в указанный период. Среди наиболее примечательных работ можно выделить произведения научно-статистического и краеведческого характера. К первым относятся исследования С. А. Усова о демографической ситуа-

ции в Крыму [1], А. А. Сергеева об эмиграции ногайцев и крымских татар [2]. Большой интерес также представляет краеведческая литература о Крыме, в частности подробные живописные описания Е. Л. Маркова [3] и рассудительные изображения крымских реалий Э. И. Тотлебена [4].

Процесс эмиграций значительных масс крымскотатарского населения из Крыма берет свое начало в последней четверти XVIII века, что, прежде всего, связано с присоединением бывших территорий Крымского ханства к Российской империи. «Российское правительство поначалу видело только положительный эффект в начавшихся на полуострове миграционных потоках» [5, с. 155]. По мнению А. Фишера, «поощрение их выхода было результатом сознательной политики правительства» [6, с. 88].

Своей масштабности и национального характера эмиграционные процессы крымских татар достигли в середине XIX века и неоднократно продолжались вплоть до начала XX века. Исследуемый вопрос занимает одно из важнейших мест в истории Крыма XIX века. Несомненно, постоянные оттоки огромных масс коренного населения полуострова и близлежащих земель не могли не сказаться на дальнейшем развитии всего крымского региона. Эмиграции повлекли за собой значительные изменения в экономической, демографической и культурной сферах жизни Крыма и его обитателей.

Одним из первых проявлений массовых миграций крымскотатарского населения явился упадок сельского хозяйства и нехватка рабочей силы практически на всей территории Крыма. Несмотря на то, что немалую часть переселившихся татар составляли безземельные, в результате эмиграций на полуострове полностью или частично обезлюдело более 700 населенных пунктов и появилось много незанятых земель [7, с. 75; 3, с. 290]. Согласно Е. Л. Маркову, «после крымской войны, в 1860–1863 гг., переселились в Турцию из Крыма, по официальным сведениям, 192360 душ обоего пола, т. е. 2/3 всего населения» [3, с. 290]. Другой источник дает количество официально эмигрировавших в это время крымских татар в 181177 человек [8, с. 72]. В свою очередь, И. Гаспринский сообщал об около 200 тысячах переселенцев [9, с. 62]. Следует учитывать тот факт, что огромные массы переселялись нелегально, без каких-либо разрешительных документов. Именно поэтому, невозможно точно подсчитать количество всех эмигрировавших крымских татар в указанный период. Несмотря на условный характер приведенных выше чисел мигрантов, они все же дают нам возможность представить масштабность исследуемой проблемы.

Спустя некоторое время после массовых выселений крымскотатарского населения из Крыма стало выясняться полное опустошение края, особенно его центральных и северных районов. Заранее готовясь, крымские татары накануне переселений не обрабатывали поля, соответственно после их ухода огромные пространства земли остались незасеянными. Из-за низкого урожая цены на продукты резко возросли, а из-за отсутствия людей пустующие земли сильно упали в цене. К примеру, «ценность земли упала с 20 руб. до 6 и 3 руб. за десятину» [2, с. 213].

В сентябре 1860 г. исправляющий должность Таврического губернского предводителя дворянства А. Ф. Ревелиоти представил министру внутренних дел рапорт,

в котором выражал свои опасения по поводу сложившейся ситуации: «Вся степная часть полуострова представляет уже вид пустыни: села без жителей, поля не вспаханы, и нет сомнения, что с будущей весною и горная часть, в которой движение татар относительно к степной еще мало заметно, представит ту же пустынную картину». Подытоживая рапорт, он добавил, что «Едва ли самая кровопролитная война, общий голод, или моровая язва могли бы в столь короткое время обезлюдить край, как его опустошило самой администрацией ускоренное переселение татар» [4, с. 542–543]. Цитируя А. Ф. Ревелиоти, генерал-адъютант Э. И. Тотлебен сообщает: «Приведенный рапорт губернского предводителя представляет совершенно верно и без преувеличения настоящее положение края» [4, с. 545].

Последствия эмиграций, а именно опустошение крымских земель, нашли свое отображение и на страницах краеведческой литературы и путеводителей второй половины XIX в. В частности, Е. Л. Марков пишет: «Где была многолюдная, промышленная деревня, – там теперь пустырь; и эти пустыри, как прежние деревни, наполняют теперь целые уезды... Дороговизна рук и жизненных припасов с уходом татар возросла до невыносимых размеров» [3, с. 111]. Из путеводителя того времени мы узнаем, что «по Крымской степи можно проехать десятки верст, не встретив человеческого жилья, хотя остатки татарских кладбищ в виде разбросанных и торчащих из земли каменных плит указывают, что некогда здесь было густое население» [8, с. 74].

В опустевших после эмиграций крымских степях стали невозможными натуральные повинности. Численность населения снизилась не только в сельской местности, но и в городах. Так, в частности, Карасубазар опустел до того, что «... городской доход с домов, лавок и т. п. вместо прежних 4 или 7 тысяч, на будущий год (т. е. 1861 год – авт.) исчислен всего чуть ли не в сотню рублей» [10, с. 40]. На городской жизни Крыма также отобразились слабые урожаи и катастрофическая нехватка рабочих сил в регионе. До начала 60-х гг. XIX в. большинство продуктов и товаров в городах доставлялась крымскими татарами, проживавшими в сельской местности. В результате массовых эмиграций этой части населения, жители городов стали терпеть нужду в продовольствии [4, с. 534]. Говорилось даже про опасения, что в скором времени «... некому будет являться с припасами на базары» [10, с. 40].

Сложившееся после эмиграций крымских татар в начале 60-х гг. XIX в. положение края не могло остаться незамеченным. Из-за нехватки, как рабочих, так и производительных сил, местные землевладельцы стали проявлять опасения о возможных последствиях. Правительством было решено в крайние сроки заселить степную часть полуострова. Разрешение на переселение было выдано безземельному христианскому населению Крыма, безземельным горным и южнобережным крымским татарам. Но они не спешили менять обжитые места обитания и привычный образ жизни, поэтому оставалось еще много безлюдных степных районов.

В целях приостановления полного разорения сельского хозяйства крымских степей, правительству надо было предпринять определенные меры. Одной из таких мер в 1860 году явился временный запрет на эмиграции из региона. Последовало официальное распоряжение на приостановление выдачи паспортов. Несмотря на это, нелегальные выселения крымских татар все же продолжались. Правительством

была сформированы специальная комиссия, которой было поручено исследовать проблемы крымскотатарских миграций. После воспрещения на выезд из Крыма, комиссия пришла к выводу, что следует «... усилить береговую стражу и завести крейсера, которые перехватывали бы бегущих татар» [11, с. 813]. Случаи перехвата крымских татар, пытавшихся нелегально эмигрировать, и конфискации их движимого имущества представителями береговой стражи наблюдались и позже, в 70-х гг. XIX в. [12, л. 1–34].

После запрета на выезд из Крыма в начале августа 1860 года в Симферополе было срочно созвано Таврическое дворянство, чтобы обсудить сложившееся экономическое положение губернии. На данном собрании мнения по поводу крымскотатарских эмиграций и в целом демографической ситуации разделились. В итоге большинство дворянства пришло к убеждению, что рациональнее было бы позаботиться о заселении полуострова, нежели о воспрещении крымским татарам выезжать за границу. «Вопрос о прекращении эмиграции был оставлен» [10, с. 39]. Исследовавший эмиграционные процессы ногайцев Таврической губернии А. А. Сергеев сообщает, что «в сентябре (1860 года – авт.) губернатор и генерал-губернатор объезжали край и убеждали татар оставаться в России, уверяя их, что «правительство их не вытесняет». Однако увещания были бесполезны» [2, с. 212].

Политика заселения и колонизации опустевших от эмиграций крымских земель стала первоочередной задачей местной администрации. После предпринятого ряда мер и агитационной пропаганды в Крым стали направляться жители внутренних губерний Российской империи и колонисты из-за рубежа. «Правительство смотрело сквозь пальцы и на поселение в Крыму беглых помещичьих крестьян и беглых солдат» [1, с. 69]. Колонизация края продолжалась с перерывами до 1880-х годов. «Рядом с правительственной колонизацией с 70-х годов стала развиваться вольная колонизация – земледельцев, переселявшихся в Крым за собственный страх и риск и побуждаемых земельным простором и сравнительной дешевизной земель в Крыму» [1, с. 69]. Но относительно стремительное заселение полуострова не оправдало в полной мере, ни ожиданий местной администрации, ни ожиданий большей части новопоселенцев. Переселявшимся в Крым крепостным не были знакомы особенности крымского хозяйства, а дешевая работа выполнялась местными оставшимися крымскими татарами десятинщиками. Как отмечал С. А. Усов, «... татары, как работники по специальным культурам, стояли гораздо выше непривычных к этим культурам русских» [1, с. 70]. К этому можно добавить высказывание генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена: «Заменить татар, занимающихся издавна садоводством и виноделием, – невозможно без совершенного упадка этой части сельской промышленности» [4, с. 546].

Естественно, вследствие массовых эмиграций крымцев в Турцию и в условиях постоянного увеличения количества новопоселенцев в Крыму, численность крымскотатарского населения на полуострове значительно уменьшалась. Менялся этнический и конфессиональный облик всего региона. Эти изменения также отразилось и в топонимах края. Часть поселений оставались пустыми, а на некоторых основывались новые, с пришлым населением. Соответственно появлялось все больше новых названий населенных пунктов, и все меньше оставалось крымскотатарских.

Старинные топонимы огромных территорий степных районов Крыма, остававшихся безлюдными долгое время после эмиграций, были практически позабыты. Масштабность и безвозвратность этого явления нашли свое отображение в очерках Е. Л. Маркова: «Татарские названия урочищ, по-видимому, беспричинно относимые к пустынным местностям, напоминают вам имена населенных и богатых деревень, бывших здесь прежде. Эти имена так часты, что вы поражаетесь сравнительною многолюдностью, которая должна была быть здесь когда-то» [3, с. 281].

Как было выше сказано, вследствие эмиграций крымских татар в 60-х годах XIX века, преимущественная часть степных центральных и северных районов Крыма стала практически безлюдной. Это в первую очередь коснулось населенных пунктов сельской местности. Изменение распределения между городом и деревней, согласно исследованию С. А. Усова, является одним из основных процессов, характеризующих демографическую ситуацию в Крыму на протяжении XIX века [1, с. 68]. Эмиграция крымских татар в начале 1860-х годов явилась одним из переломных моментов, повлиявших на это изменение. Связано это с тем, что в составе эмигрантов 85 % составляли татары-земледельцы. Если еще в 1850 году численность сельского населения Крыма достигала 230 тыс. человек, то после эмиграции, в 1865 году она уже составляла приблизительно 112–115 тыс. человек [1, с. 80]. С другой стороны, рост городского населения на протяжении исследуемого периода явился также результатом естественного увеличения населения и высокой миграции в Крым новопоселенцев из центральных и южных районов Российской империи [13, с. 76].

Массовые эмиграции сказались не только на развитии экономики и демографии крымского региона, но и на судьбах самих эмигрантов и их соотечественников, оставшихся на родной земле. Известно, что в годы первых эмиграционных волн крымских татар в конце XVIII века, основную часть переселявшихся из Крыма составляли местные мурзы, беи и духовенство, т. е. представители правящей и интеллектуальной элиты крымскотатарского народа. Подобная ситуация наблюдалась и во время эмиграционных процессов середины XIX века. Как отмечал А. Фишер: «Крымская война оказалась последней каплей для большого числа татарских мурз, которые не могли адаптироваться к русским требованиям службы: после войны большое количество оставшейся крымскотатарской элиты эмигрировало в Османскую империю» [6, с. 88]. Постоянные выселения представителей интеллектуальной прослойки отразилась и на культурной развитости крымскотатарского населения, остававшегося в Крыму. У. Боданинский, исследуя культуру крымских татар, охарактеризовал период с конца XVIII века до начала XX века как «... паралич в области народного творчества» [14, с. 21]. В связи с эмиграциями все меньше оставалось в Крыму самих представителей крымскотатарской культуры. Тем не менее она сохранялась, но не получала какого-либо развития. Такая ситуация продолжалась вплоть до 80-х годов XIX века, т. е. до времени активности выдающихся крымскотатарских деятелей (в частности, И. Гаспринского) и постепенного пробуждения национального самосознания.

Что касается самих эмигрирующих крымских татар, то их последующие судьбы были очень разнородны. Одна их часть погибла на морском пути из Крыма, не доп-

львая до турецких территорий. В. Х. Кондараки сообщал, что лишь две трети крымских эмигрантов благополучно добралось до Турции. «Треть их, т. е. 60 тысяч человек, погибла в Черном море от качки, голода и крушений судов. Море каждый день выбрасывало на берег трупы переселенцев» [2, с. 205]. Большая часть мигрантов, добравшихся до турецких владений, преимущественно поселялась в районе Добруджи. Многие из них, разоренные и обнищавшие вследствие эмиграции, возвращались ни с чем обратно на родину.

Тонко ощущая природу Крыма и его обитателей, Е. Л. Марков писал, что «Крым погиб после удаления татар» [3, с. 111]. Добавим, что гибель эта выразилась в значительных преобразованиях, повлиявших на облик всего региона.

Подытоживая данную статью, можно аргументировать тот факт, что эмиграционные процессы крымских татар 60-х годов XIX века стали одной из важнейших причин экономического упадка, существенных демографических, этнических и конфессиональных изменений практически на всей территории Таврической губернии. Переселения огромных масс коренного населения Крыма отрицательно повлияло на социальный и культурный уровень жизни крымских татар, оставшихся на родине. Таким образом, сделанные в статье выводы дают возможность глубже понять отдельные аспекты исторического развития крымского региона и народов, проживавших на его территории в XIX веке.

Список литературы

1. Усов С. А. Население Крыма за 150 лет в связи с экономикой края / С. А. Усов // Крым. – 1928. – № 1 (5), вып. 1. – С. 64–85.
Usov S. A. Naseleniye Kryma za 150 let v svyazi s ekonomikoy kraya / S. A. Usov // Krym. – 1928. – № 1 (5), vyp. 1. – S. 64–85.
2. Сергеев А. А. Уход Таврических Ногайцев в Турцию в 1860 г. / А. А. Сергеев // ИТУАК. – 1913. – № 49. – С. 212–213.
Sergeyev A. A. Uhod Tavricheskikh nogaycev v Turciyu v 1860 g. / A. A. Sergeyev // ITUAK. – 1913. – № 49. – S. 212–213.
3. Марков Е. Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, истории и природы / Е. Л. Марков. – К.: Стило, 2009. – 512 с.
Markov E. L. Ocherki Kryma: Kartiny krymskoy jizni, istorii i prirody / E. L. Markov. – K.: Stilos, 2009. – 512 s.
4. Зыков С. П. О выселении татар из Крыма в 1860 году: Записка генерал-адъютанта Э. И. Тотлебена / С. П. Зыков // РС. – 1893. – № 6. – С. 531–550. – 636 с.
Zykov S. P. O vyselenii tatar iz Kryma v 1860 godu: Zapiska general-adyutanta E. I. Totlebena / S. P. Zykov // RS. – 1893. – № 6. – S. 531–550. – 636 s.
5. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / Отв. ред. С. Я. Козлов, Л. В. Чижова. – М.: Наука, 2003. – 459 с.
Tyurkskie narody Kryma: Karaimy. Krymskie tataru. Krymchaki / Otv. red. S. Ya. Kozlov, L. V. Chijova. – M.: Nauka, 2003. – 459 s.
6. Fisher, Alan W. The Crimean Tatars. – Stanford, Calif.: Hoover Institution Press. – 1978. – 264 p.
7. Коломийцева В. А. История финансов Тавриды. Хроники (1783–1917) / В. А. Коломийцева. – Симферополь: Симферопольская городская типография, 2010. – 412 с.
Kolomoitseva V. A. Istoriya finansov Tavridy. Hroniki (1783–1917) / V. A. Kolomoitseva. – Simferopol: Simferopol'skaya gorodskaya tipografiya, 2010. – 412 s.
8. Сосногорова М. А. Путеводитель по Крыму / М. А. Сосногорова, Г. Э. Караулов, К. А. Вернер, Н. А. Головкинский. – К.: Стило, 2010. – 416 с.
Sosnogorova M. A. Putevoditel' po Krymu / M. A. Sosnogorova, G. E. Karaulov, K. A. Verner, N. A. Golovkinskiy. – K.: Stilos, 2010. – 416 s.

9. Гаспринский И. М. О национальной идее: сб. стат / И. М. Гаспринский. – Симферополь: Стилос, Полуостров, 2009. – 96 с.
Gasprinskiy I. M. O nacional'noy idee: sb. stat / I. M. Gasprinskiy. – Simferopol: Stilos, Poluostrov, 2009. – 96 s.
10. Щербань Н. Переселение крымских татар / Н. Щербань // Забвению не подлежит. – Казань: Татарское кн. изд., 1992. – 255 с.
Sherban' N. Pereseleniye krymskih tatar / N. Sherban' // Zabveniuyu ne podlejit. – Kazan': Tatarskoe kn. izd., 1992. – 255 s.
11. Выселение татар из Крыма // Вестник Европы. – 1876. – Окт. – С. 811–817.
Vyseleniye tatar iz Kryma // Vestnik Evropy. – 1876. – Окт. – S 811–817.
12. Государственный архив Республики Крым. – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 247. – 34 л.
Gosudarstvenniy arkhiv Respubliki Krym. – F. 2. – Op. 1. – D. 247. – 34 l.
13. Хаяли Р. И. Крымские татары в этническом составе населения Крыма в конце XIX – начале XX ст. / Р. И. Хаяли // Культура народов Причерноморья. – 2005. – № 66. – С. 74–80.
Khayali R. I. Krymskiye tatory v etnicheskom sostave naseleniya Kryma v konce XIX – nachale XX st. / R. I. Khayali // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. – 2005. – № 66. – S. 74–80.
14. Боданинский У. Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму / У. Боданинский. – Симферополь, 1930. – 31 с.
Bodaninskiy U. Arkheologicheskoye i etnograficheskoye izucheniye tatar v Krymu / U. Bodaninskiy. – Simferopol, 1930. – 31 s.

Aliyev R. D. Consequences of emigration of crimean tatars in the 60-s of the 19th century: statement of the problem / R. D. Aliyev // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 10–16.

The author researchs a wide range of consequences of migration movement in the Crimean region in the context of the Crimean Tatar migrations in the 60-s of the 19th century. The article touches upon the economic, demographic and cultural development of the peninsula and its inhabitants.

Emigration movement of Crimean Tatars began at the end of the 19th century, when Crimea became a part of the Russian Empire. The largest peak of this movement was reached at the beginning of the 1860s. At this time a significant part of the Crimean Tatar population left their homeland and migrated to the territories of the Ottoman Empire.

Mass emigration of the indigenous population of Crimea fundamentally influenced on many spheres of life in the region. Decline of agriculture and labor shortages in practically all territory of Crimea was one of the first results of the mass migration of Crimean Tatar population. The utter devastation of the region, especially its central and northern parts, was found out some time after the mass migrations from Crimea.

Mass emigration influenced not only on the development of economy and demography of the Crimean region, but also on the fate of migrants and their compatriots who remained in their native land.

The subsequent fate of emigrating Crimean Tatars was very diverse. Some of them didn't migrate to new territories because of their death on the sea route from the Crimea. Many of migrants became ravaged and impoverished because of exile. As a result some of emigrants returned empty-handed back to their homeland.

Keywords: emigration, Crimea, Crimean Tatars, The Taurida Governorate, Consequence.

УДК 930.2 «1920»(477.75)

**ПОМОЩЬ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ ЧЕХАМ ЮГА УКРАИНЫ
В НАЧАЛЕ 20-Х ГОДОВ XX ВЕКА: ПО МАТЕРИАЛАМ НАЦИОНАЛЬНОГО
АРХИВА ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В г. ПРАГЕ**

Дмитрук С. А.

***Государственный университет телекоммуникаций, г. Киев, Украина
E-mail: dmytruksvitlana@ukr.net***

Рассматриваются вопросы организации Чехословакией материальной и продовольственной помощи чехам юга Украины в 20-х годах XX в. Организация Чехословацкой торгово-промышленной миссии и функционирование Чехословацкого комитета помощи голодающим в Украине.

Ключевые слова: Чехословакия, Юг Украины, чехи, помощь.

В начале 20-х годов XX века активизируются двусторонние связи аграрной Украины и промышленной Чехословакии. Эти отношения дополняли друг друга и стремительно развивались. Советское правительство в первые годы руководства страной всячески содействовало экономическому и дипломатическому сближению с Чехословацкой Республикой.

В мае 1921 года в Прагу приезжает глава торговой миссии УССР М. Левицкий. Министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш посещает Харьков. Ведутся двусторонние переговоры. В 1922 году в Праге был подписан временный торговый договор между УССР и ЧСР. В 1921–1922 годах украинский вопрос являлся одним из важнейших среди активной внешнеполитической деятельности правительства Чехословацкой Республики. Активное участие ЧСР принимала в предоставлении помощи Украине вследствие голода 1921–1922 годов, решении проблем беженцев, украинской эмиграции в ЧСР.

Чехи на юге Украины в основном проживали в основанных ранее колониях в Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерниях. И лишь незначительная часть чехов находилась в крупных городах – Екатеринославе (Днепропетровске), Одессе, Симферополе, Херсоне. Сельскохозяйственные особенности, экономическое развитие чехов южных регионов Украины значительно отличались от их соотечественников, проживающих в других регионах. На юге были поселения в основном специализирующиеся на выращивании зерновых культур (пшеница, рожь и др.). Однако послевоенные годы негативно отразились на развитии сельского хозяйства региона. Погодные условия 1921 года неблагоприятно повлияли на засев и сбор урожая, значительная часть которого была вывезена из Украины.

В связи с критической ситуацией в сельском хозяйстве, чехами было принято решение обратиться за помощью к своей этнической родине.

В июне 1922 года в Чехословацкую торгово-промышленную миссию в Украине поступало большое количество заявлений от чешских колонистов Богемки и Александровки (Крым), Чехограда (Запорожская область), Новой Маячки (Херсонская область) и др., жителей Екатеринослава и Одессы о предоставлении им необходи-

мой продовольственной помощи. С просьбами о помощи обращались приюты и больницы, принадлежащие чехам. Свыше двух тысяч человек обратилось к ЧСР за продовольственной помощью (крупой, мукой, сахаром, маслом). Представители чешских колоний (например, паны Сикора и Клинка) лично посещали с заявлениями Харьков, где располагалась Чехословацкая торгово-промышленная миссия в Украине. Переговоры велись достаточно активно. Центральный комитет помощи голодающим в Украине принял предложения и желание помочь и отвел для реализации планов Мелитопольский уезд Запорожской области – поселение Чехоград.

В результате был создан Чехословацкий комитет помощи голодающим в Украине, который на базе одного Мелитопольского уезда организовывал предоставление помощи голодающим, в том числе центр общественного питания.

Все переговоры, предполагаемые мероприятия по предоставлению помощи были одобрены министром иностранных дел Чехословакии Я. Гирсой и уполномоченным представителем УССР в Чехословакии. В том же 1922 году в Праге Чехословацкая торгово-промышленная миссия в Украине рассматривала ряд вопросов относительно предоставления помощи чешским поселениям на юге Украины – причины голода, необходимое продовольствие, количество необходимых семян зерновых для будущей посевной. Приоритетным был вопрос о предоставлении чехам южных поселений необходимого количества пшеницы и ржи. Изучалось бедственное положение и перспективы дальнейшего развития практически всех обратившихся за помощью поселений. Например, в Чехограде отмечалось количество населения – 798 человек, и из них бедствующих, количество недостающих посевов, случаи смертности от голода. Проводился сравнительный анализ с соседними нечешскими поселениями, и отмечалось их еще более худшее положение.

В крымских колониях Богемке и Александровке были отмечены свыше тысячи бедствующих жителей. Указывалось на критическое положение поселений в связи с нехваткой семян пшеницы и картофеля. Кроме того, многие из поселений наряду с продовольственной помощью не прочь были бы принять чешские учебные пособия и книги для чешских школ. В поселении Новая Маячка (Херсонская область) отмечалось, что среди жителей росло число голодающих, угрожало полное отсутствие продуктов питания к концу 1922 года.

С лета 1922 года по февраль 1923 года осуществлялась продовольственная помощь чехам юга Украины. Из Харьковских складов Чехословацкой промышленно-торговой миссии в Украине выдано на Екатеринославскую область (свыше 100 чехов) и Екатеринослав (свыше 20 чехов) в месяц – 675 кг муки, 250 кг сахара, 75 кг риса, 75 кг проса, 50 кг макаронных изделий, 60 мясных консервов. Кроме того, была предоставлена мужская и женская одежда и обувь.

В Мелитопольский уезд, а затем в Крым и Одесский регион, было направлено в 1922 году 20 тыс. кг муки, 37 тыс. кг различных круп, сахар, сало, маргарин, мясные консервы, какао, пшеница и рожь для посева.

Таким образом, правительство Чехословакии на Южную Украину направило несколько поездов с продовольственной помощью и продуктами питания для ликвидации последствий голода 1921–1922 годов. Свыше двух с половиной тысяч пострадавших чехов получили долгожданную помощь.

Приложение

Помощь Чехословацкой Республики чехам юга Украины.

Копия.

В ЧЕХОСЛОВАЦКУЮ ТОРГОВУЮ ДЕЛЕГАЦИЮ.

Граждан Поселка Ново-Маячковского
Трифоновской Вол. Херсон. уезда Ни-
колаевской губ.

ПРОШЕНИЕ.

Мы граждане поселка Ново-Маячковского Трифоновской волости, Херсонского уезда в числе 79 домохозяев и в количестве 443 едоков поименованные в прилагаемом к сему прошению списке обсудив на общем собрании продовольственный вопрос, нашли что продовольствие в поселке принимает критическое положение и комиссия в составе председателя М. Д а н и л ь ч е н к а и членов Н. П л у г а р я и А. Г у д и м а путем непосредственной проверки по квартирам нашли: что 30 домохозяев нуждаются в немедленной помощи, через две недели необходима помощь еще 28 домохозяевам и не более как через месяц и весь поселок без исключения будет нуждаться в усиленной помощи продовольствием. Просьба помощи необходима продуктами питания, для нас является в первый раз и непривычно для нас, так как мы были зажиточными хозяевами, но теперь мы принуждены прибегнуть к этой мере продовольственного обеспечения, хотя в ограниченном размере чтобы поддержать свое существование, которому угрожает настоящая реальная, а не призрачная опасность, если нам со стороны не будет помощи, мы обречены на вымирание. Причины которая вызвали у нас не бывалый голод заключаются в следующем: прекрасный урожай в 1919 году, вследствие хода революции и движения партизанских отрядов и равно красной и добровольческих армий, частью был не весь убран, а частью различными войсковыми частями забран уже зерном. Средней силы урожай в 1920 году, вследствие фронтной полосы и следовательно непрерывного отбывания натуральной повинности подводами, наполовину остался не убранным, а убранный половина пошла зерном на выполнение государственной разверстки. Посев же 1921 года совершенно не косился от постигшей страшной засухи, причины голода, как сказано выше необыкновенные и создали небывалое необыкновенное положение граждан поселка и вынудило нас обратиться в Чехословацкую Торговую Делегацию с почтительной просьбой, оказать нам помощь продовольствием, иначе мы трезвые земледельцы обречены на массовое вымирание.

Председатель Сельской Комиссии /Н. Плуگارь/
по голодающим.

Член /А. Гудыма/

Предсельсовета /Ф. Скалицкий/

Подлинную подпись председателя Ново-Маячковского Сельсовета Скалицкого Трифоновский Волревком подписью и приложением печати удостоверяет.

Предревкома /подпись/

Место печати

УПОВНОВАЖЕНЕ ПРЕДСТАВНИЦТВО
УКРАЇНСЬКОЇ СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РАДЯНСЬКОЇ
РЕСПУБЛІКИ
В ЧЕХОСЛОВАЧИНІ.

Телер. адреса: Укрполпред-Прага.

Місто: _____

SPLNOMOCNĚNÉ ZASTUPITELSTVÍ
UKRAJINSKÉ SOCIALISTICKÉ REPUBLIKY RAD
V ČESKOSLOVENSKU.

Adresa pro telegramy: Ukpropolpred-Praha.

Oddělení: _____

№ 573

Роман Мелитопольский

II/2 А

Прага 18-го Мая 1922 года

Ministerstvo zahraničních věcí
Došlo 20. V. 1922 Č.j. 077251
Přílohy: _____ Sekce: _____
Váha: _____ Odděl.: _____
Rež.: _____

Курт

Господин Министр!

*Українська Мелітопольська
область в Закарпатській (Україно-
літинської) губ. С. С.
Комітетів про форму блів
областей.*

Ссылаясь на мой с Вами, Господин Министр, разговор относительно желания Чехословацкого Комитета Помощи Голодающим взять на Украине один уезд для организации в нем помощи голодающим и общественного питания, настоящим имею честь сообщить, что Центральный Комитет Помощи Голодающим на Украине с радостью принял это предложение и отвел для Чехословацкого Комитета Помощи Голодающим - Мелитопольский уезд Запорожской /быв. Екатеринославской/ губерний.

Пользуясь случаем прошу Вас, Господин Министр, принять уверения в самом искреннем моем к Вам уважении.

Полномочный Представитель У.С.С.Р.

в Чехо-Словакии:

М. Дмитрук

Господину Г И Р С Е

Министру Иностранных Дел Чехословацкой
Республики.

23.5.22 m. m. m. m. m.

Spisovna:

24 5

Došlo dne:

№:

Pomoč Ruska
Pomoč Ruska Československa

№:

Melitopol

Melitopol

adres II Iny

<p>ČESKOSLOVENSKÁ OBCHODNÍ MISSE NA UKRAJINĚ.</p> <p>ЧЕШКОСЛОВАЦКАЯ ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАЯ МИССИЯ НА УКРАИНѢ.</p> <p>Čj. 263/22.</p> <p>Zástupci kolonie Čechohrad v Čs, obchodní missi a svaz jiho-ruských Čechů v Melitopoli.</p>	<p>Charkov, dne 19. února 1922.</p> <p><i>Smil.</i></p>
<p>Ministerstvu Zahraničních Věcí Politická Sekce</p> <p>v Praze.</p>	
<p>Do Čs. obchodní misse v Charkově dostavili se zástupci české kolonie Čechohrad u Melitopole, Zápороžské gub. občan Vincenc Balaš a Fr. Vavřín, kteří podali následující vysvětlení:</p> <p>Kolonie Čechohrad má 106 dvorů, 180 hospodářů s počtem 798 obyvatel. Orné půdy 5565 desj., z nichž na podzim bylo zaseto 712 desj., na jarní osev určeno je as 1000 desj., které však pro nedostatek semen nemohou být zasety. Tažných koní zůstalo 160, mladých 190 a krav přes 200.</p> <p>Pokud se týče jejich stavu sdělili, že začíná být kritickým. Potraviny, jakož i píce pro dobytek stačí na 1 měsíc. V ruských okolních vesnicích je stav mnohem horší, potravin nemají a používají surrogáty, následkem čehož jsou časté a četné případy úmrtí z hladu.</p> <p>Postavení smíšených kolonií v Krymu Bohemce a Alexandrovoe u Džankoje, čítající 1000 osob čsl. původu jest mnohem horší a nyní již hladoví.</p> <p>Zároveň předložili stanovы "Svazu jiho-ruských Čechů a občanů československého původu", jež přikládáme v příloze ve 3 exemplářích.</p> <p>Svaz tento jest význačný tím, že pokud je nám známo, jest to první čsl. spolek dovolený jak na Ukrajině, tak i v Rusku za sovětské vlády. Stanovы tohoto svazu jsou velice obsáhlé a dovolují rozvinouti jim širokou činnost.</p> <p>./.</p> <p><i>Wol. Spulky</i></p>	

Tak širokých stanov neměl ani dříve žádný spolek v Rusku.

Zástupci svazu obrací se prostřednictvím čs. obchodní misse se žádostí k čsl. vládě, aby jim byla poskytnuta pomoc, v první řadě potravinami; semeny pro osetí polí, semenými brambory a hospodářskými stroji.

Dále prosí o české knihy, lehké divadelní hry, časopisy a noviny /obzvláště hospodářské/, jakož i učební pomůcky pro českou školu.

Zároveň ventilovali otázku, nemohl-li by svaz obdržeti pro začátek své činnosti finanční pomoc buď výřčnou, nebo poskytnutím úvěru. Jejich garancie jest sklizeň, které obnášela v středně úrodných letech 150.000 pudů obilí.

Žádost uvědomělých občanů československého původu čs. obchodní misse vřele podporuje.

Předseda misse:

2 přílohy.

Список использованных источников

1. Národní archiv v Praze (Национальный архив Чешской Республики в г. Праге) (далее – NA v Praze), MZV-RPA, k. 15.
2. NA v Praze, MZV-RPA, k. 16.

Dmytruk S. A. Assistance of Czechoslovak Republic to the Czechs of Ukrainian South in the beginning 20th XX cent. (according to documents of National archive of Czech Republic in Prague) / S. A. Dmytruk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 17–23.

Problems of material and food aid to Czechs of Ukrainian South organized by Czechoslovakia in the beginning 20th XX cent. are considering in the article. Organization of Czechoslovakian trade-industrial mission and functioning of Czechoslovakian committee of aid to starving in Ukraine.

Key words: Czechoslovakia, Ukrainian South, Czechs, assistance.

УДК: 94 (477) «185/191»

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ДНЕПРОВСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА РАЗМНОЖЕНИЯ ОХОТНИЧЬИХ И ПРОМЫСЛОВЫХ ЖИВОТНЫХ И ПРАВИЛЬНОЙ ОХОТЫ»

Задерейчук А.А.

*Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: zadereychuka@mail.ru*

Статья посвящена истории создания и деятельности «Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты». В работе проанализирована историография проблемы, названы основные источники. Особое внимание уделено структуре и руководству данной организации. Выявлены территориальные наделы. Обозначены основные цели и задачи общества.

Ключевые слова: охота, Днепровский отдел охоты, Фальц-Фейн, Черноморье

Охота – одно из древнейших занятий в истории человечества. Отношение к нему менялось с развитием общества: от средства к добыче пропитания до строго регламентированного спортивного увлечения. Именно во второй половине XIX века остро встал вопрос о необходимости введения ограничений на охоту в Российской империи. Во всех регионах огромной империи стало наблюдаться существенное оскудение дичи. В связи с этим фактом правительство озаботилось введением ограничений на так называемую вольную охоту, а, следовательно, созданием специальных охотничьих обществ. Основной задачей последних становилось: ведение правильной в дозволенное законом время охоты; улучшение способов охоты, и в особенности улучшение пород охотничьих собак; изучение местной дичи, ее образа жизни, нравов и привычек, описания характера местности в крае, где она преимущественно водится; размножение дичи и охранения ее через содействие местным властям в преследовании охоты как в недозволенное законом время, так и запрещенными методами; истребление хищных зверей и птиц, вредных для сельского хозяйства; распространение понятий о правильной охоте, а также о полезных и вредных животных; упражнения в стрельбе.

Старейшее общество такого типа «Московское общество охоты имени Императора Александра II» начало свою деятельность в 1862 году. Через несколько лет после его основания появились еще два – Казанское общество и выделившееся в 70-е годы из состава «Московского общества охоты имени Императора Александра II» «Московское Императорское общество разведения промысловых и охотничьих животных и правильной охоты», открытие которого послужило стимулом к объединению охотников всей России. К концу XIX века его отделения существовали в 19 губерниях империи. В Таврической губернии оно официально именовалось «Днепровский отдел императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты» или же попросту Днепровский отдел охоты. Освещение истории создания и деятельности этого спортивно-охотничьего клуба является целью данной ста-

тьи. В ходе раскрытия темы предполагается решение следующих задач: во-первых, выяснить временные рамки существования отдела; проанализировать структуру и состав общества; раскрыть основные направления деятельности.

Необходимо отметить, что история создания и деятельности этого отдела до сегодняшнего дня не являлась предметом изучения профессиональных историков. Отдельные фрагменты, посвященные Днепропровскому отделу охоты можно встретить лишь в общих работах по истории охоты и охотничьих обществ в Российской империи. Источником для изучения заявленной темы послужила отчетная документация общества – «Списки мест...» и «Отчеты Днепропровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты», издававшиеся ежегодно.

Днепропровский отдел охоты начал свое существование в 1890 году. Инициатором создания этой организации в Таврической губернии выступил Александр Иванович Фальц-Фейн (1859–1908). Это был очень увлекающийся человек, слыл заядлым спортсменом и являлся членом ряда спортивных организаций и обществ Юга Российской империи. Самым страстным увлечением А. И. Фальц-Фейна была охота. Живя определенный период своей жизни в Москве, он стал активным членом «Московского Императорского общества разведения промысловых и охотничьих животных и правильной охоты» [1, с. 39, 130]. Вернувшись на жительство в Таврическую губернию, он посчитал необходимым открытие филиала этой организации в своем регионе. Соучредителями общества выступили племянники Александра Ивановича – Александр Эдуардович Фальц-Фейн и Фридрих Эдуардович Фальц-Фейн, а также Людвиг Иванович Хмелевский, А. К. Шлиппе, Григорий Львович Овсяннико-Куликовский [2, с. 17].

Общество состояло из председателя, товарища председателя, почетных, непременных и действительных членов, а также членов-любителей. Число членов общества постоянно менялось. В первый год оно не превышало 20 человек. Однако, очень быстро общество стало популярным среди землевладельцев Таврической губернии и в последующие годы в нем состояло в среднем около 100 человек. Как отмечали современники: «несмотря на присутствие в отделе лиц всевозможных характеров, положений и занятий, в нем никогда, за время его существования, не нарождалось ни малейших партийных раздоров и разногласий или каких бы то ни было столкновений между отдельными лицами... Такая тесная сплоченность между отдельными лицами этого товарищеского кружка сама по себе свидетельствует о самых чистых спортивных целях, поставленных себе задачею при самом основании Днепропровского отдела» [3, с. 3]. Члены отдела ежегодно отчисляли взносы. Например, в 1896 году сумма взноса от действительного члена составляла 20 рублей, а от члена-любителя – 10 рублей [4, с. 6–7]. Собранные с членов клуба средства шли на охрану участков и содержание сторожей, на призы от Отдела, на напечатание бланков, объявлений, содержание письмоводителю, а также на случайные расходы общества.

Для эффективной работы общества была создана четкая структура органов управления и контроля. В Днепропровском отделе охоты работал Совет, который состоял из 4-х человек, ревизионная и садовая комиссии по 4–5 человек.

Совет отдела работал на постоянной основе и решал все жизненно важные проблемы общества: арендовал по необходимости дачи для проведения охот, назначал сторожей на угодья, принадлежавшие обществу, составлял правила и график проведения охот, устраивал периодические общественные охоты и садки¹, собирал и анализировал данные о количестве убитой дичи и зверя в угодьях отдела, а также издавал «список мест Днепроовского отдела Императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты» и отчет о деятельности общества. В отчете публиковался список членов общества, денежные операции в отделе, сведения о садовой стрельбе и все структурные изменения, произошедшие в Отделе. В юбилейные годы подробно расписывались проведенные празднества и печатались поздравительные телеграммы, которые иллюстрируют контакты Днепроовского отдела охоты со многими охотничьими организациями Российской империи [5, С. III–V].

Общее собрание членов общества проводилось ежегодно. В год происходило, по меньшей мере, одно общее собрание, на котором подводились итоги о деятельности Днепроовского отдела охоты за истекший период и по необходимости проводились выборы должностных лиц Отдела. Кроме того, на общих собраниях членов общества поднимались и обсуждались наиболее значимые проблемы: например, строительство новых и ремонт старых павильонов для проведения спортивных стрельб, сообщалось о смерти членов общества, принимались решения о назначении памятных призовых фондов. Согласно отчетам Днепроовского отдела охоты в некоторые годы число заседаний общего собрания членов общества доходило до трех.

Общее руководство Отделом осуществлял председатель. В течение 18 лет с момента основания общества и до своей смерти эту должность занимал Александр Иванович Фальц-Фейн. В декабре 1908 года состоялось чрезвычайное собрание Отдела, на котором новым председателем единогласно избрали старшего сына покойного председателя Анатолия Александровича Фальц-Фейна. Последний занимал эту должность вплоть до самой революции, т.е. до момента прекращения деятельности самого общества [6, с. 7]. Председатель Отдела также возглавлял Совет и Садовую комиссию. В Отделе имелся собственный секретарь и казначей. В некоторые годы существования общества эти должности сосредотачивал в своих руках один человек. Должность председателя общества, а также секретаря и казначея были выборными. Избрание осуществлялось раз в три года на общем собрании членов Днепроовского отдела охоты.

У Днепроовского отдела охоты имелось свое недвижимое имущество и библиотека, состоявшая из журналов: «Природа и охота» и «Охотничья газета». Подписка на охотничьи газеты и журналы осуществлялась руководством общества ежегодно.

¹ Термины «садки», «садовая стрельба» имеют чисто российское происхождение от специфики устройства первых русских стрельбищ, на которых живую птицу по команде стрелка выпускали из корзины – садков. Позже, с развитием стрельбы по голубям, садками стали называть специальные ящики, из которых птица принудительно выбрасывалась особыми приспособлениями.

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ДНЕПРОВСКОГО ОТДЕЛА
ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА РАЗМНОЖЕНИЯ ОХОТНИЧЬИХ И ...

Александр
Иванович
Фальц-Фейн

Памятная виньетка членов
Днепровского отдела,
сделанная в честь 20-летия Общества

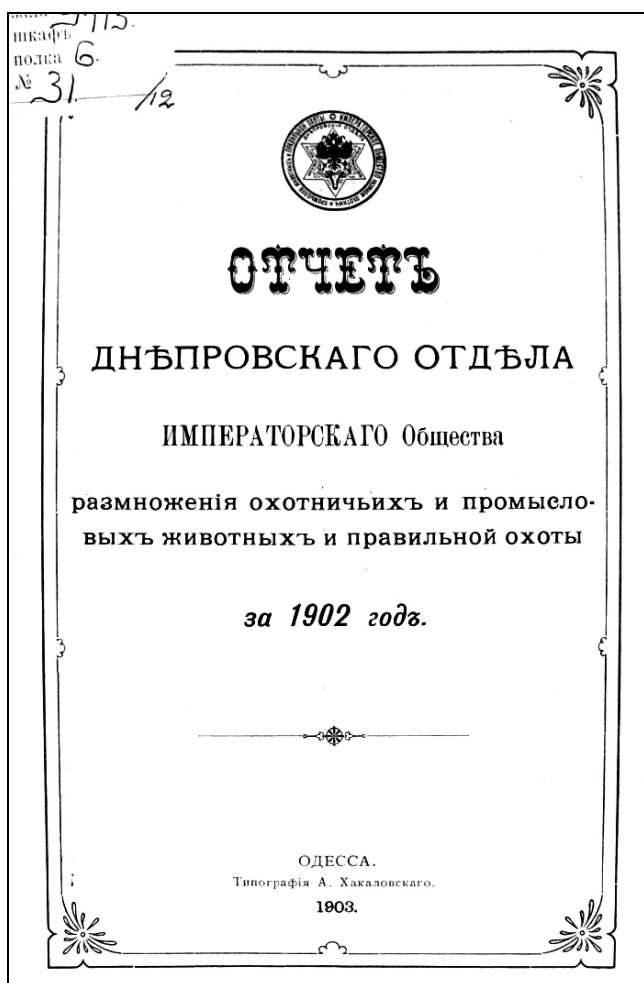

Члены Днепровского отдела перед охотой

Члены Днепровского отдела после удачной охоты

Призовой жетон охотничьих
испытаний, 1903 год

Титульный лист
Отчета Днепроовского
отдела Общества за 1902 год

Днепровский отдел охоты располагал обширными охотничьими угодьями, в которые назначался свой распорядитель. Изначально эти угодья были предоставлены самим председателем общества и состояли из трех дач – Черноморской, Александровской и Капкарской экономий. Уже через три года с начала существования общества стало очевидно, что этих территорий для проведения охот уже недостаточно. В результате список дач, состоявших в распоряжении Днепровского отдела для охоты, значительно увеличился.

Отдел согласно его уставу занимался ограждением дичи от истребления вообще и во время выводов в особенности. Проводил мероприятия к охранению дичи и развитию правильной охоты, прекращению браконьерства. В случаях, когда дичи становилось в избытке, общество устраивало экстренные охоты, по особому постановлению общего собрания.

Проведение охоты строго регламентировалось правилами общества. Например, охота по перу начиналась в дачах, подведомственных Отделу с 15 июля и продолжалась до 1-го марта, а на прочих местах в указанное законом время. В остальное же время охота всякого рода, кроме истребления хищных птиц, строго воспрещалась. Охота по зайцам с ружьем и вообще, с гончими и борзыми собаками и по остальному зверю разрешалась только с 1-го сентября по 1-е февраля. Причем оговаривалось, что «охота по зайцу в засидки ночью воспрещалась во всякое время года». Охота по куропаткам в дачах Отдела определялась ежегодно. А вот «убивать мартинов, чаек и вообще подобным им птиц, как весьма полезных и необходимых для уничтожения всякого рода вредных насекомых, в особенности саранчи и пруса и истреблять их яйца, строго воспрещалось во всякое время года» [7, с. 1–4].

На всех участках, где проводились охоты, имелись специальные распорядители, выбиравшиеся из членов клуба. Они должны были собирать сведения от господ охотников о количестве убитой дичи и зверя в угодьях отдела для помещения этих данных в ежегодно издаваемых отчетах. Кроме того, члены отдела должны были сообщать распорядителям обо всех замеченных случаях беспорядков: браконьерстве, охоте в недозволенное время, неисправности сторожей и т.п. Во время охоты все члены должны были иметь при себе членский билет и охотничье свидетельство, дававшее право на охоту в обозначенном месте.

Ежегодно в сентябре месяце в Черноморье проводились охотничьи съезды, которые служили цели единения членов отдела, и «вызывали вместе с тем тут же, во время охоты, живой обмен мыслей о нуждах и пользах любимого спорта». Проходили они обычно в три дня, каждый из которых был отведен под свой вид охоты или состязаний.

Организацией и обустройством этих охот занимался сам хозяин имения, тщательно продумывая каждый из этапов охотничьего съезда. Его внимание и забота об участниках охот начинала чувствоваться с самого начала. Прежде всего, им были предусмотрены все условия для благоприятнейшего прибытия на территорию имения. Между Херсоном и Голой Пристанью циркулировал специальный катер, а затем гости в Черноморье доставлялись на собственных лошадях А. И. Фальц-Фейна. Охотники расселялись в специально оборудованной «гостинице».

Первые два дня были посвящены собственно охоте, а на третий день устраивались голубиные садки. Распорядителем охот выступал сам хозяин Черноморья. Он заботился о правильной расстановке охотников по местам, давал сигналы к началу загона и к окончанию охоты. В середине дня обычно устраивался ланч и распитие кофе с десертами, после чего начинался следующий этап охотничьего съезда – состязание в стрельбе пульей. Фальц-Фейны были одними из первых, кто устраивал такие состязания в Российской империи.

Для проведения такого рода состязаний и тренировок в стрельбе членов общества отдел имел специальный хорошо оборудованный стенд и павильон для стрельбы. Он был построен заботами и трудами действительного члена, казначея и члена правления отдела, Густава Ивановича Шпехта, положившего немало старания и усилий для успешного окончания всех работ. Архитектором этого сооружения выступил член отдела архитектор Семен Андреевич Ландесман. Затраты на его строительство составили сумму в 2383 руб. 40 коп., но они компенсировались тем, что «по удобствам и изящной простоте своей павильон и стенд могли поспорить со многими стендами в России» [8, с. 5].

Охотничьи дни завершались обычно хорошо организованными праздниками с представлением любительского цирка. Весь день охот сопровождался игрой оркестра.

Третий день был посвящен так называемым голубиным садкам. «Порядок производства стрельбы и работа секретариата были безупречны. Каждый стрелок при записи вносил подписку и покупал «марки на голубей». Когда подходила его очередь стрелять, он опускал за предстоящего голубя марку в кружку, висевшую на груди у егеря и запертую на замочек, и только тогда становился на стрелковый номер. Как только призовая стрельба завершалась, приз и подписные деньги тут же вручались победителю» [9, с. 215]. Кроме того, по итогам садовых стрельб было принято составлять таблицы, в которых по порядку заносились результаты.

Призовой фонд предполагал денежные призы и памятные вещи. Он формировался как отделом, так и частными лицами. Неоднократно Фальц-Фейны выступали в качестве учредителей того или иного приза или предоставляли ценные вещи для него. Например, в юбилейный 1900 г. А. И. Фальц-Фейн выделил для приза серебряный подстаканник, серебряный альбом и винтовку; К. Э. Фальц-Фейн – ружье; В. Э. Фальц-Фейн – лошадь; Н. Э. Фальц-Фейн – два револьвера [5, с. 12–13]. Известен и призовой жетон состязаний в стендовой стрельбе по голубям «II приз А. И. Фальц-Фейна». Изготовлен он был из золота, серебра и эмали. Жетон имел вес 15,81 г. и размеры 32,0x27,0 мм. Согласно легенде на самом жетоне он принадлежал Н.Н.де Лакуру. На оборотной стороне жетона в центральном медальоне надпись в четыре строки на фоне эмали сиреневого цвета: «ВЗЯЛЪ / Н.Н.де ЛАКУРЪ / 7го ОКТЯБ. / 1903». Необходимо отметить, что бывали случаи когда не весь призовой фонд разыгрывался, в таком случае все оставшиеся призы оставались на будущий год [10, с. 65].

Известны случаи, когда призы на садовой стрельбе учреждались имени какого-либо члена общества или представителя рода Фальц-Фейнов. Например, в 1901 г. с целью увековечить память был учрежден приз имени умершей жены председателя Отдела Софии Степановны Фальц-Фейн, не мало потрудившейся на пользу отдела и

покойного члена отдела И. О. Аванцо [11, с. 5], а в 1909 г. был учрежден приз в память самого покойного председателя отдела А. И. Фальц-Фейна [12, с. 22].

Днепровский отдел охоты работал очень активно вплоть до 1914 года, когда с началом Первой мировой войны «двадцать четвертый год существования отдела, прошел в первый раз, со дня основания тихо и спокойно, без обычного многолюдного сентябрьского съезда членов в имении Черноморье; охота и садки, по случаю войны, были отменены, а подписные деньги на Черноморский приз, в сумме 1000 р, были пожертвованы в пользу жертв войны» [13, с. 4]. В последующие годы, ситуация в обществе не изменилась. От проведения празднеств по случаю юбилея общества в 1915 году пришлось отказаться, общественных охот не проводилось. 1917 год по вполне понятным причинам положил конец существованию в Таврической губернии Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты.

Список использованных источников и литературы

1. Задерейчук А. А. Фальц-Фейны в Таврии / А. А. Задерейчук. – Симферополь : ДОЛЯ, 2010. – 192 с.
Zadereychuk A. A. Falts-Fejny v Tavrii / A. A. Zadereychuk. – Simferopol : DOLYA, 2010. – 192 s.
2. Отчет Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты за 1892 год. – Одесса : Центральная типография, 1893. – 30 с.
Otchet Dneprovskogo otdela imperatorskogo obschestva razmnoveniya ohotnichih i promyislovyih jivotnyih i pravilnoy ohoty za 1892 god. – Odessa : Tsentralnaya tipografiya, 1893. – 30 s.
3. Отчет Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты за 1904 год. – Одесса : тип. А. Хакаловскаго, 1905. – 27 с.
Otchet Dneprovskogo otdela imperatorskogo obschestva razmnoveniya ohotnichih i promyislovyih jivotnyih i pravilnoy ohoty za 1904 god. – Odessa : tip. A. Hakalovskago, 1905. – 27 s.
4. Отчет Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты за 1896 год. – М. : Общедоступная американская типо-литография, 1897. – 31 с.
Otchet Dneprovskogo otdela imperatorskogo obschestva razmnoveniya ohotnichih i promyislovyih jivotnyih i pravilnoy ohoty za 1896 god. – M. : Obschedostupnaya amerikanskaya tipo-litografiya, 1897. – 31 s.
5. Отчет Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты за 1900 год. – Одесса : тип. А. Хакаловскаго, 1901. – 24 с.
Otchet Dneprovskogo otdela imperatorskogo obschestva razmnoveniya ohotnichih i promyislovyih jivotnyih i pravilnoy ohoty za 1900 god. – Odessa : tip. A. Hakalovskago, 1901. – 24 s.
6. Отчет Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты за 1908 год. – Одесса : тип. А. Хакаловскаго, 1909. – 32 с.
Otchet Dneprovskogo otdela imperatorskogo obschestva razmnoveniya ohotnichih i promyislovyih jivotnyih i pravilnoy ohoty za 1908 god. – Odessa : tip. A. Hakalovskago, 1909. – 32 s.
7. Список мест Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты на 1902 год. – Одесса : тип. А.Л. Хакаловскаго, 1902. – 27 с.
Spisok mest Dneprovskogo otdela imperatorskogo obschestva razmnoveniya ohotnichih i promyislovyih jivotnyih i pravilnoy ohoty na 1902 god. – Odessa : tip. A.L. Hakalovskago, 1902. – 27 s.
8. Отчет Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты за 1905 год. – Одесса : тип. А. Хакаловскаго, 1906. – 30 с.
Otchet Dneprovskogo otdela imperatorskogo obschestva razmnoveniya ohotnichih i promyislovyih jivotnyih i pravilnoy ohoty za 1905 god. – Odessa : tip. A. Hakalovskago, 1906. – 30 s.
9. Касаткин И. А. Слово о Ф. Э. Фальц-Фейне / И. А. Касаткин // Охотничьи просторы. –2007. – № 4 (54). – С. 192–224.
Kasatkin I. A. Slovo o F. E. Falts-Fejne / I. A. Kasatkin // Ohotnichi prostoriy. –2007. –№ 4 (54). – S. 192–224.

10. Задерейчук А. А. Создавая рай. История рода Фальц-Фейнов / А. А. Задерейчук, В. В. Климов. – Херсон : Надднепряночка, 2014. – 208 с.

Zadereychuk A. A. Sozdavaya ray. Istoriya roda Falts-Feynov / A. A. Zadereychuk, V. V. Klimov. – Herson : Naddnepryanochka, 2014. – 208 s.

11. Отчет Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты за 1901 год. – Одесса : тип. А. Хакаловскаго, 1902. – 29 с.

Otchet Dneprovskogo otdela imperatorskogo obschestva razmnoveniya ohotnichih i promyislovyih jivotnyih i pravilnoy ohoty za 1901 god. – Odessa : tip. A. Hakalovskago, 1902. – 29 s.

12. Отчет Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты за 1909 год. – Одесса : тип. А. Хакаловскаго, 1910. – 29 с.

Otchet Dneprovskogo otdela imperatorskogo obschestva razmnoveniya ohotnichih i promyislovyih jivotnyih i pravilnoy ohoty za 1909 god. – Odessa : tip. A. Hakalovskago, 1910. – 29 s.

13. Отчет Днепровского отдела императорского общества размножения охотничьих и промысловых животных и правильной охоты за 1914 год. – Одесса : тип. А. Хакаловскаго, 1915. – 17 с.

Otchet Dneprovskogo otdela imperatorskogo obschestva razmnoveniya ohotnichih i promyislovyih jivotnyih i pravilnoy ohoty za 1914 god. – Odessa : tip. A. Hakalovskago, 1915. – 17 s.

Zadereychuk A. A. To the history of creation and activity of the «Dnepr department of emperor's society of reproduction of hunting and commercial animals and correct hunt» / A. A. Zadereychuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 24–33.

The article is devoted to history of creation and activity of the «Dnepr department of emperor's society of reproduction of hunting and commercial animals and correct hunt». Historiography of a problem is analyzed and basic sources are named. The special attention is paid to the structure and leadership of this organization. It is defined that composition of society was heterogeneous, plugging in itself mainly all representatives of large landownership of the Tavricheskaya province. The quantity of members of society remained practically unchanging during all period of existence of the Dnepr department of hunt. In addition the territorial parcels of land belonging to the society and control order are educed. Concrete tasks that were laid on the managers of areas and also their role in a fight against poaching on the territory belonging to the Department are shown. Primary purposes and tasks of society and also the real ways of their realization by the members of the Dnepr department of hunt are marked. It is pointed on the existence of strict regulations in regard to a hunt worked-out with taking into account of regional features.

The activity of a leadership of the society in regard to organization and realization of public hunts and sporting shootings is analysed in the article. The ways of forming of prize funds are described. The features of passing of annual hunting conventions in the estate of a leader of the Department Chernomorje are illustrated. On the whole the information about history of creation and activity of sport-hunting club on the territory of Tavricheskaya province are generalized here.

94 (477.75): 18

ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Кравчук А. С.

*Таврический университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: alexandrkravchuk@ukr.net*

На основе формулярных списков и других источников восстановлены основные карьерные вехи таврических губернаторов первой половины XIX века. Проведен анализ логики их назначений. Рассмотрены причины увольнения или перевода губернаторов на другие должности. Показано двойственное положение высшего административного лица Таврической губернии. Являясь чиновником Министерства внутренних дел, правитель Тавриды был непосредственным подчиненным Бессарабского, а позже Новороссийского, генерал-губернатора. Такое положение способствовало скорейшему решению дел, но вызывало ряд затруднений, связанных с разграничением полномочий и увеличением отчетной документации. Показана роль личностных взаимоотношений губернатора с генерал-губернатором. Последний из чиновников, часто участвовал в подборе кандидатов на главный пост в губернии. Проведен сравнительный анализ уровня подготовки Таврических губернаторов со средними показателями по всей империи. Практика показывает – часто назначаемые на столь высокую административную должность не имели должного уровня подготовки.

Ключевые слова: Таврическая губерния, таврический губернатор, Г. П. Милорадович, Д. Б. Мертваго, А. М. Бороздин, А. С. Лавинский, А. Н. Баранов, Н. И. Перовский, Д. В. Нарышкин.

Одной из важнейших проблем исследования губернаторского корпуса Российской империи, является логика назначения чиновников на пост губернатора и эффективность их деятельности. Для изучения этой проблемы необходимо провести глубокое изучение личностей губернаторов, их количественно-качественный анализ. Одним из важнейших источников информации для подобного исследования служат формулярные списки губернаторов. Эта категория источников содержит информацию об основных вехах карьеры государственных служащих, их социальном происхождении, вероисповедании, звании, пребывании в отпусках или отставке, семейном положении, нахождении под судом или взыскании штрафов, награждениях, поощрениях и выговорах, участии в военных компаниях, имущественном положении.

Формулярные списки появились благодаря указу 31 января 1764 г. «О присылке в Сенат из всех присутственных мест послужных списков чиновников чрез каждые полгода по приложенной форме» [17]. После этого формуляры становятся основным документом, в котором фиксировалась служебная деятельность государственных служащих. Впервые к этой группе источников обратились досоветские исследователи, занимавшиеся изучением жизни и деятельности наиболее выдающихся деятелей Российской Империи. В советской историографии их активно использовали в своих работах П. А. Зайончковский [7, с. 9–10], С. М. Троицкий [30], Н. П. Ерошкин [6]. Систематический анализ с использованием ЭВМ впервые был проведен С. В. Мироненко совместно с И. Н. Киселевым [11]. Из современных ра-

бот в этом направлении стоит выделить исследования В. А. Иванова [9] и Л. М. Лысенко [13].

В изучаемый нами период – от создания губернии 8 октября 1802 г. и до начала Крымской войны 1853–1856 гг. – должность губернатора занимало 11 человек: Григорий Петрович Милорадович (13 декабря 1802 – 2 августа 1803 гг.), Дмитрий Борисович Мертваго (26 декабря 1803 – 28 октября 1807 гг.), Андрей Михайлович Бороздин (2 ноября 1807 – 20 июля 1816 гг.), Александр Степанович Лавинский (20 июля 1816 – 28 декабря 1819 гг.), Александр Николаевич Баранов (28 декабря 1819 – 19 апреля 1821 гг.), Николай Иванович Перовский (25 февраля 1822 – 16 октября 1823 гг.), Дмитрий Васильевич Нарышкин (16 октября 1823 – 17 апреля 1829 гг.), Александр Иванович Казначеев (17 апреля 1829 – 13 февраля 1837 гг.), Матвей Матвеевич Муромцов (22 февраля 1837 – 19 января 1843 гг.), Виктор Яковлевич Рославец (19 января 1843 – 22 января 1845 гг.), Владимир Иванович Пестель (22 января 1845 – 11 ноября 1854 гг.) [5, с. 284–285].

Анализ губернаторского корпуса Российской Империи показывает, что традиционно губернаторами назначались лица, имеющие чин не ниже четвертого класса по «Табели о рангах», которому соответствовали действительный статский советник и генерал-майор. В большом количестве встречаются чины третьего класса – тайные советники и генерал-лейтенанты. Реже – чины второго класса – действительные тайные советники и полные генералы. Вместе с тем, в отдельные периоды встречались и исключения из правил – губернаторами, а чаще исполняющими обязанности губернаторов, определялись чиновники пятого класса – статский советник и полковник.

Обращаясь к назначениям в Таврической губернии, следует отметить, что трое из губернаторов были назначены в должность в ранге статского советника – это Н. И. Перовский, А. И. Казначеев, М. М. Муромцов. Пятеро в звании действительного статского советника – Д. Б. Мертваго, А. С. Лавинский, А. Н. Баранов, Д. В. Нарышкин, В. Я. Рославец. В. И. Пестель был назначен в звании генерал-майора. Один тайный советник – Г. П. Милорадович. Его назначение было вызвано необходимостью административного строительства в губернии, сразу после ее образования. Г. П. Милорадович имел большой опыт организации работы различных ведомств, что называется «с нуля». А. М. Бороздин был назначен в звании генерал-лейтенанта.

В годы правления Александра I сохранились тенденции, которые начали проявляться в начале века при Павле I, когда все главы губерний имели гражданские чины и именовались гражданскими губернаторами. Проведя ликвидацию института генерал-губернаторов и наместников, а также чистку среди екатерининских губернаторов, Павел I сделал ставку на гражданские чины. Существенно возросло число губернаторов имевших чин тайного советника и выше. Александр I в целом продолжал политику своего предшественника в этой области. Только к 1825 году появилась небольшая прослойка военных чинов (около 5%) среди губернаторов. Однако при Александре I резко понизилось число чиновников III и II классов (действительных тайных советников и тайных советников) в корпусе губернаторов: с 35 % в 1803 г. до 2,7% в 1825 г [13]. Последний показатель стал выражени-

ем кризиса местной системы власти, приведший к нежеланию родовитых дворян служить губернаторами.

В изучаемый период времени гражданская служба вообще не пользовалась популярностью, клички «приказный», «чернильная душа», «крапивное семя» и т. п., употреблялись со времени А. П. Сумарокова и Д. И. Фонвизина и наглядно свидетельствуют о пренебрежительном отношении к людям, которые осуществляли государственное управление. Для дворянина вступление в ряды чиновников считалось неуместным и взгляд этот поддерживался иногда указаниями высших правительственных лиц [3, с. 15]. Министр внутренних дел В. П. Кочубей отмечал в своей докладной записке от 28 марта 1806 г.: «... может ли быть удивительно, что звание начальников губерний столь мало ныне уважается и что люди благонамеренные и способные не только не ищут сих мест, но даже и те, кто теперь их занимают, часто покушаются их оставить» [28, с. 3–4].

Во время правления Александра I большая часть чиновников прошла Отечественную войну 1812 года и уже после 1815 г. именно из числа выдвинувшихся на войне черпались кадры правительственного аппарата. Многие молодые генералы стали членами Государственного совета, министрами и губернаторами. Это подтверждают данные о количестве чиновников, принимавших участие в сражениях. Обработка сведений формулярных списков за 1825 г. свидетельствует, что 42,1% высшей бюрократии в прошлом были участниками военных действий [11]. Все таврические губернаторы кроме В. Я. Рославца состояли на военной службе хоть какое-то время.

Первый губернатор – Г. П. Милорадович в 8 лет был записан в первый Гренадерский полк сержантом. В 1774 г. числился адъютантом, а в 1779 г. поручиком в Рижском пехотном полку, позже ординарцем у графа П. А. Румянцева-Задунайского. После окончания учебы за границей, получил звание капитана и был определен в Курский пехотный полк 24 ноября 1781 г. Военная служба продолжалась недолго, уже в 1786 г. получил увольнение по состоянию здоровья в чине майора [15, с. 95–96].

Приемник Григория Петровича на должности таврического губернатора – Д. Б. Мертваго начал военную службу в Преображенском полку. Вот что он написал по этому поводу в своих мемуарах: «[...] в 1775 году записали меня унтер офицером в гвардию и прислали паспорт на два года. В начале 1777 г. я должен был явиться в Петербург» [14, с. 41]. В 1779 г. он получил звание каптернамуса, через год – сержанта [20, л. 14–15]. С 1782 по 1797 продолжал службу по гражданскому ведомству, поступил членом Провиантской экспедиции в звании военного советника. Это звание присваивалось гражданским чиновникам во время службы в военном ведомстве. После отставки с поста таврического гражданского губернатора с 1807 по 1810 гг. был генерал-провиантмейстером. Это была одна из высших воинских должностей в Российской императорской армии.

А. М. Бороздин начал службу в 1773 году каптернамусом в Семеновском полку. Участник военных походов 1773 г. в Молдавию, Валахию и за Дунай. Участвовал в 1789 г. во взятии Аккермана и Бендер. В 1784 г. получил звание прапорщика, воевал против шведов в 1789 и 1791 гг., в 1796 г. получил звание полковника. Вышел из

гвардии с получением звания генерал-майора, 5 марта 1798 г. был назначен шефом Троицкого мушкетерского полка, 5 февраля 1800 г. получил звание генерал-лейтенанта. Был уволен с военной службы по собственному прошению с ношением мундира 28 октября 1804 г. Во время войны с французами в 1806 г. служил поветовым начальником под руководством князя А. А. Прозоровского в киевской милиции, Чигиринского повета [24, л. 2–4].

Четвертый губернатор – А. С. Лавинский начал службу гвардии сержантом в 1778 г., в армию был выпущен капитаном 11 июня 1791 г. В 1790 г. участвовал в компании против шведов. Участник военных действий 1791 и 1795 гг. в Молдавии, где получил в 1795 г. звание майора, и 1796 г. Польше. С военной службы был уволен 31 декабря 1797 г. по собственному желанию [19, л. 3–4].

Н. И. Перовский службу начал по гражданскому ведомству. В 1807 г. был определен в Сумской гусарский полк корнетом. В этом же году участвовал в военной компании против французов. Участник сражения при местечке Бутитал в Восточной Пруссии, состоявшегося 24 мая 1807 г., где был ранен и по ранению уволен с причислением к Коллегии иностранных дел [21, л. 140–143].

Д. В. Нарышкин был зачислен в 1810 г. в лейб-гвардии Семеновский полк подпрапорщиком, 8 марта 1812 г. получил звание прапорщика и был назначен адъютантом к генерал-лейтенанту Н. Н. Раевскому. С началом Отечественной войны 1812 года был адъютантом у М. С. Воронцова. Участвовал в Бородинском сражении, за что был награжден орденом св. Анны 4 класса. Участник заграничного похода против французов, во время которого получил французский орден св. Людовика, прусский орден «Pour le Mérite» [«За заслуги»] и шведский Орден Меча. С 1813 по 1816 гг. прошел путь от поручика до капитана, 8 июля 1819 г. получил звание полковника и был переведен в Новоингерманландский пехотный полк, расквартированный в Херсоне. Был уволен с военной службы для определения к гражданским делам 26 июня 1823 г. [24, л. 2–3].

А. И. Казначеев начал службу в гражданском ведомстве в канцелярии попечительства Санкт-Петербургского учебного округа. Участник Отечественной войны 1812 г., исполнял должность ординарца при М. И. Кутузове. Принимал участие в Бородинском сражении, за что получил орден св. Анны 4 степени на шпаге. Участник заграничного похода против французов. В 1815 г. был адъютантом у начальника главного штаба армии генерал-лейтенанте И. И. Дибиче, в этом же году старшим адъютантом в дежурстве Его Императорского Величества, позже был переведен в лейб-гвардии Павловский полк. В 1815 г. служил старшим адъютантом в Отдельном корпусе во Франции, в 1816 г. получил звание полковника. В 1819 г. был назначен дежурным штаб-офицером в Гвардейском отдельном корпусе. Был переименован в статские советники в 1824 г. Участвовал в сражениях при Тарутино, осаде Дрездена, в битве при Борне и Лейпциге [26, л. 1–5].

М. М. Муромцов поступил в лейб-гвардии Измайловский полк подпрапорщиком в 1807 г. Участник Бородинского сражения, за что был награжден орденом Св. Владимира 4 степени с бантом. Принимал участие в заграничном походе против французов. Участвовал в сражении под Бауценом и Кульмом, за что был награжден прусским орденом «Pour le Mérite» [«За заслуги»] и орденом св. Анны 2 класса. В

1816 г. в чине полковника был назначен в Кабардинский пехотный полк. В январе 1817 г. был уволен со службы из-за ранений с пенсионом и мундиром [25, л. 1–5].

Одиннадцатый таврический губернатор – В. И. Пестель 13 июня 1813 г. [в возрасте 16 лет] был произведен корнетом и зачислен в Кавалергардский Ее Величества полк. С 1813 по 1824 гг. дослужился до звания полковника и 14 июня 1826 г. был назначен флигель-адъютантом Его Императорского Величества. 6 октября 1831 г. получил звание генерал-майора и был определен в Кирасирскую дивизию. В 1834 г. ему было приказано состоять при кавалерии. 26 декабря 1836 г. его причислили к Министерству внутренних дел для назначения при вакансии гражданским губернатором с сохранением военного чина и мундира и получаемого содержания по званию бригадного командира. Участвовал в битве под Лейпцигом, Франкфуртом и взятии Парижа. Состоял в войсках, которые принимали участие в подавлении польского восстания 1830–1831 гг., в числе прочих участвовал во взятии Варшавы, находился в военных формированиях подавлявших восстание декабристов на Сенатской площади [22, л. 52–59].

Данные формулярных списков показывают, что служба в армии считалась фактически необходимым условием для занятия высоких гражданских постов. Но необходимо учитывать тот факт, что большинство дворян должны были встать вместе с другими сословиями на защиту Отечества в борьбе с Наполеоном. Таврические губернаторы занимали различные посты в армии. Большинство из них прошли серьезную школу военной подготовки, что, безусловно, помогало им в управлении губернией играющей важное стратегическое значение.

При Николае I берется курс на «милитаризацию» губернаторского корпуса, и к 1837 г. люди с военными чинами занимают уже около трети губернаторских постов. В этот период также происходит явная эволюция института губернаторства, рост числа военных губернаторов и сокращения гражданских. Это явилось последствием милитаристской политики Николая I. Одним из типичных представителей губернаторской власти этой эпохи был В. И. Пестель. Назначенный в должность таврического губернатора в звании генерал-майора, он управлял губернией в течение 9 лет. Занимая пост губернатора, получил звание генерал-лейтенанта. На 1 января 1853 г. в Российской Империи числилось 58 губернаторов, из них 30 (51,7%) были генералами, причем, как правило, «военными и гражданскими». За исключением двух: харьковского губернатора А. С. Траскимна и таврического генерал-лейтенанта В. И. Пестеля. Имея военное звание, они занимали пост гражданских губернаторов [7, л. 150].

Для более глубокого анализа губернаторского корпуса Таврической губернии следует обратиться к возрастным данным о губернаторах. Данные сгруппированы по методике П. А. Зайончковского и представлены в процентном и количественном выражениях. Смотри таблицу 1.

Особое внимание обращает на себя тот факт, что во время правления Александра I все губернаторы Тавриды были в возрасте до 45 лет. А вот во время царствования Николая I возраст назначаемых на эту должность постепенно увеличивается, перемещаясь из группы 41–45 лет, в 46–50. Кроме того отличительной чертой Таврической губернии является тот факт, что в период с 1802 по 1853 год ни одни гу-

бернатор ко времени своего назначения не был старше 50 лет. Это можно объяснить тем, что многие из определяемых на этот пост, рассматривали его как ступеньку в карьерной лестнице. Губернаторы служили под руководством не только Министерства внутренних дел, но и херсонского, а позже новороссийского и бессарабского генерал-губернатора. Чиновники, занимавшие пост генерал-губернатора, были виднейшими государственными деятелями эпохи и могли способствовать быстрому продвижению по карьерной лестнице. Такие генерал-губернаторы как А. Э. Ришелье, М. С. Воронцов, А. Ф. Ланжерон олицетворяли целую эпоху и внесли огромный вклад в развитие страны. В этой связи особое внимание обращает на себя время генерал-губернаторства М. С. Воронцова [8]. Опытнейший администратор играл важную роль в формировании чиновничьего корпуса южных губерний Российской империи. Трое из четырех губернаторов, назначенных в Крым, во время его пребывания в должности новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, получили назначение непосредственно по его протекции. Д. В. Нарышкин, А. И. Казначеев, В. Я. Рославец были лично знакомы с М. С. Воронцовым до своего назначения в Крым. Первый из них был его родственником. На ключевые должности назначались люди, которые либо служили под его начальством в армии, как например А. И. Казначеев, либо были отмечены им во время гражданской службы, как В. Я. Рославец. Этот факт показывает, насколько губернаторы Тавриды зависели от генерал-губернатора и роль механизма протекции при назначении чиновников. На эту особенность административного устройства Российской империи указывал исследователь из США – Джордж Йени. Он утверждал, что «механизм реализации самодержавной власти осуществлялся делегированием власти доверенным лицам на всех уровнях государственного управления» [1, с. 221–228]. Это позволило ему назвать государственный аппарат Российской империи «правительством царских агентов» [1, л. 221–224].

Еще одним немаловажным показателем является время пребывания в должности. Данные представлены в таблице 2.

Из таблицы следует, что показатели разделились примерно равно по всем группам. Если же сравнивать с данными по всей стране, то заметно, что должность губернатора Тавриды чиновники занимали менее продолжительное время. Это подтверждает предположение, что данный пост рассматривали как ступень в карьерной лестнице.

На протяжении двухсотлетнего периода существования губерний, за редким исключением, приоритет отдавался губернаторам с военным образованием. Со второй половины XIX в., серьезное внимание МВД обращалось на приобретение губернаторами университетского и юридического образования, как наиболее отвечающего содержанию данной профессии. Образовательный уровень губернаторов стал серьезным критерием кадровой политики государства, но никогда не являлся приоритетным для определения в должность. Смотри таблицу 3.

В указе 24 января 1803 г. «Об устройстве училищ» говорилось: «Ни в какой губернии спустя пять лет <...> никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище» [16]. Однако данный указ не улучшил ситуации и вызывал

серьезно недовольство в чиновничьей среде. Многие из них не имели возможности учиться или же просто не хотели. В результате появился указ 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские ассессоры и статские советники». Генерал-губернатор А. Ф. Ланжерон 5 декабря 1817 г. обращался к губернатору А. С. Лавинскому с требованием соблюдать данный указ: «Императорский Харьковский университет имеет сведение, что в Таврической губернии в гражданскую службу принимаются люди, не окончившие учения в публичных училищах. [...] Прошу покорнейше вас сделать распоряжение, дабы люди не окончившие какое-либо училище не были принимаемы в гражданскую службу» [2, л. 1–2]. В ответ А. С. Лавинский пытался объяснить, что в губернии просто нет нужного количества чиновников, которые получили бы необходимое образование, на что А. Ф. Ланжерона сообщал: «Я весьма охотно принял бы на себя ходатайство о допущении исключительного права принимать в статскую службу по Таврической губернии людей, не окончивших курса наук в любом общественном училище. Но такое право может дать повод уклоняться некоторым родителям от воспитания детей, ибо полагаю, что означенный в отношении моем от 5 декабря №1936 закон издан для распространения лучшего обучения. Впрочем, вы должны руководствоваться данным указом, для научения канцелярских чиновников» [2, л. 5–6]. Оба эти закона не могли получить должной поддержки в обществе и фактически не исполнялись. Именно поэтому были отменены в 1834 г., когда было издано «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе» [7, с. 153].

Из губернаторов получивших высшее образование нужно отметить нескольких. Г. П. Милорадович был отправлен для получения образования в Германию. Уже в десятилетнем возрасте он оказался в Кенигсберге, вместе со своим двоюродным братом Михаилом Андреевичем Милорадовичем будущим генералом и героем Отечественной войны 1812 года. Сначала они обучались в Кенигсберге на протяжении 4 лет под руководством И. Канта, потом в течение 2 лет в Геттингене. Любимыми предметами будущего губернатора были исторические и политические науки, а так же французский, немецкий и латинский языки. Кроме того они слушали курсы о военном деле и фортификации в Страсбурге, Меце и Париже. Всего за границей он обучался в 9 лет [15, с. 92–94].

Образование высокого уровня для изучаемого периода получил и А. М. Бороздин. Он окончил Кембриджский университет. Сведений о времени его обучения нами не обнаружено. Высокое образование таврического губернатора отмечали все его современники. Его по праву считают одним из первых, кто создал правильно организованные виноградники и сады в Крыму. Кроме того именно во время его губернаторства был создан Никитский ботанический сад. Вот как А. М. Бороздина характеризовал писатель, историк П. П. Свиньин, побывавший в южнобережном имении губернатора: «В Кучук-Ламбате, у Андрея Михайловича Бороздина, самый прихотливый житель столицы может получить понятие о наслаждениях жизни в сем краю, может увидеть соединение изящного вкуса, опытности, просвещения – с прелестною, роскошною природою. Кучук-Ламбат есть будуар всего Крыма! Поймете сие выражение, когда скажу вам, что почтенный владелец

оного получает более десяти журналов (в том числе и иностранные), и помощью сих телескопов, из кабинета своего, из-за неприступной стены Аюдага – видит ход политики и просвещения в целом мире, – есть гражданин вселенной» [29, с. 123–124].

В. Я. Рославец обучался в Московском университетском благородном пансионе и непродолжительное время в самом университете, из-за сложного финансового положения вынужден был начать службу в Министерстве народного просвещения [25, л. 1–2].

Для того, что бы понять каким был профессиональный уровень губернаторов, стоит обратить внимание на то, какие должности они занимали и непосредственно с какого поста получали назначение на должность главы губернии. Обращаясь к этому вопросу, нужно учитывать некоторые факты. Первый – Таврическая губерния являлась пограничной, второе – на развитие данного исторического периода серьезно влияние оказали Наполеоновские войны и постоянная борьба с Османской империей. Третье – непосредственный контроль деятельности таврических губернаторов со стороны херсонского, а позже новороссийского и бессарабского генерал-губернаторов.

Из 11 руководителей Таврической губернии изучаемого периода 3 начинали службу в гражданском ведомстве, остальные в военном. Этот факт характеризует в целом изучаемую эпоху, хоть и во время правления Александра I сокращается численность военных, занимающих гражданские посты. Особый интерес вызывает служебный опыт губернаторов. Двое из 11 губернаторов вообще не имели опыта административной работы – А. М. Бороздин и Д. В. Нарышкин. Первый – сам стремился получить должность в Крыму, второй получил это назначение благодаря своему родственнику М. С. Воронцову. Д. В. Нарышкину был необходим мягкий климат из-за ранений, полученных во время Наполеоновских войн. Остальные имели опыт административной работы на различных должностях.

Пять губернаторов до своего назначения занимали должности, которые позволяли им в той или иной степени познакомиться с крымскими делами. Д. Б. Мертваго занимал пост надзирателя крымских соляных озер, Н. И. Перовский был таврическим вице-губернатором и феодосийским градоначальником. Феодосийским градоначальником был и А. И. Казначеев. Пост херсонского гражданского губернатора до своего назначения в Крым занимали В. Я. Рославец и В. И. Пестель. Последний так же был и херсонским военным губернатором.

Шесть губернаторов, до своего назначения, имели опыт работы в центральных органах власти – Д. Б. Мертваго, А. С. Лавинский, Н. И. Перовский, А. И. Казначеев, М. М. Муромцов, В. Я. Рославец. Половина служивших в органах центральной власти, приходится на период правления Николая I. Это свидетельствует об усилении централизации власти. В период правления Николая I трое из четырех назначенных губернаторов занимали аналогичные посты в других губерниях. Данный факт иллюстрирует усиление роли Министерства внутренних дел и о том что в империи была создана целая система подготовки кадров на должность губернаторов.

Так же следует изучить такие показатели как вероисповедание и национальное происхождение таврических губернаторов. На 1853 г. в сословном отношении все губернаторы Российской империи являлись потомственными дворянами. По веро-

исповеданию 39 губернаторов были православными (83%) и 9 – лютеранами [7, с. 72]. В Таврической губернии все губернаторы, кроме В. И. Пестеля были православными. Владимир Иванович был лютеранином и немцем по происхождению. Три губернатора были выходцами из Украины. Г. П. Милорадович из черниговского дворянства, Н. И. Перовский – внебрачный сын Алексея Кирилловича Разумовского, и В. Я. Рославец был сыном помещика Глуховского уезда Черниговской губернии – Якова Васильевича Рославца. Остальные были дворянами российского происхождения: Д. Б. Мертваго из Оренбургской; А. С. Лавинский – внебрачный сын Степана Сергеевича Ланского и А. Н. Баранов – представители крупного дворянского рода, имеющего имения по всей империи; Д. В. Нарышкин из Калужской; А. И. Казначеев, М. М. Муромцов и А. М. Бороздин из Рязанской, В. И. Пестель из Смоленской губерний.

Рассмотрим финансовое положение губернаторов. По данным «Общего штата губернских и уездных присутственных мест», установленного в 1800 г. для 35 губерний I разряда и 7 губерний II разряда (Петербургской, Литовской, Выборгской, Курляндской, Эстляндской, Лифляндской и Иркутской). В этих губерниях устанавливался повышенный оклад. Так, начальники губерний, относящихся к I разряду, получали 1800 руб. жалованья и 1200 руб. столовых, а II разряда – 2250 руб. жалованья и 1800 руб. столовых. Жалованье вице-губернатора в губерниях I разряда составляло 1200 руб., II разряда – 1875 руб. [7, с. 73–74].

В среде высшей бюрократии возраст, а с ним и продвижение по службе автоматически не обеспечивали возможности обогащения. Основным источником приобретения недвижимого имущества в начале XIX в. было получение его по наследству. Одним из самых богатых губернаторов Тавриды был Г. П. Милорадович. Он покинул гражданскую службу с желанием заняться управлением своими обширными имениями. Владел около 8 тыс. крепостных, доставшихся ему в наследство от отца и матери в Черниговской губернии. Кроме того ему принадлежал город Любеч, в котором он развивал торговлю, а обороты от нее исчислялись сотнями тысяч рублей в год. Сам приобрел земли в Екатеринославской губернии. Д. Б. Мертваго был владельцем небольшого родового села – Мертовщины, в Оренбургской губернии, с 56 крепостными мужского пола. А. М. Бороздин был одним из самых крупных помещиков в Таврической губернии. Его имение Саблы было известно своими садами и промышленными заведениями. Кроме того ему принадлежало имение Кучук-Ламбат на Южном берегу Крыма. На полуострове у него было 184 и в Псковской губернии 328 крепостных крестьян [23, л. 2]. А. С. Лавинский имел в Костромской губернии Буевского уезда в деревнях Любимцовой и Троцкой 80 душ крестьян и каменный дом в Санкт-Петербурге [27, л. 12–13]. Он всю жизнь испытывал финансовые сложности, все его имущество было заложено. Его дочь Елизавета Александровна Лавинская после смерти отца вынуждена была обратиться к Николаю I с просьбой о пансионе. Отец, посвятивший всю жизнь службе государству, не оставил ничего кроме долгов [18, л. 29–30]. О количестве крепостных у Н. И. Перовского информации нет, но известно что он был достаточно состоятельным человеком, после отставки с гражданской службы проживал в своем имении Алькадар в с. Бельбек Симферопольского уезда. Д. В. Нарышкин имел 1300 крестьян мужского

пола [24, л. 2–3]. А. И. Казначеев был хозяином родовых имений в Рязанской и Тверской губерниях с 125 крестьянами, виноградных садов в Судакской долине и Ялтинском уезде при деревне Кизилташ [26]. М. М. Муромцов имел наследственные имения в Рязанской и Тульской губерниях с 940 крестьянами и приобретенные земли в Саратовской губернии. В. Я. Рославец был владельцем земель в Глуховском уезде Черниговской губернии с 203 крестьянами мужского пола [25, л. 1]. В. И. Пестелю принадлежали 300 крестьян в Витебской губернии, заложенных в банк [22, л. 53–54]. Фактор финансового благополучия учитывался при назначении в Крым, т. к. жизнь в этом краю была достаточно дорогой. Например, при назначении А. М. Бороздина центральные власти руководствовались его прочным финансовым положением, т. к. его предшественник – Д. Б. Мертваго постоянно жаловался на недостаток денежного содержания.

Представители высшей бюрократии, начиная от действительного статского советника, часто получали дополнительный вид содержания под названием «аренды». «Аренда» назначалась по «высочайшему повелению» иногда пожизненно, иногда на какой-либо определенный срок. «Аренда» заменяла собой земельные пожалования и представляла собой своеобразную земельную ренту, которую данное лицо получало за якобы пожалованную ему землю. Размеры «аренды» были весьма различны: от нескольких сот руб. до нескольких тысяч, не превышая, как правило, 5 тыс. руб. Эти данные, как и все последующие, характеризуют размер годового содержания. «Аренду» получали Д. Б. Мертваго, А. С. Лавиский, В. И. Пестель. Наряду с «арендой» земельные пожалования, особенно в первой половине века, продолжали существовать главным образом в виде пожалования земель на окраинах или майоратских имений в Царстве Польском. Земельное пожалование получал Д. Б. Мертваго, но т. к. он не владел достаточным количеством крестьян, то вынужден был продать эти земли.

Формулярные списки содержат информацию о том, привлекался ли чиновник к судебным разбирательствам. Ни в одном из формуляров таврических губернаторов нет данных о том, что они находились под следствием. Однако такой прецедент имел место быть. Третий таврический губернатор – А. М. Бороздин за растрату средств, выделенных на строительство Александро-Невского кафедрального собора в Симферополе, был временно отстранен от должности. На время следствия его имущество было арестовано. В конце концов, губернатор был оправдан, но эти события стали поводом к его отставке. Почему данный факт не был занесен в формулярный список неизвестно.

Не менее интересным и важным является вопрос о том, где продолжили службу таврические губернаторы после своей отставки. Г. П. Милорадович – занялся собственным хозяйством и стал одним из самых крупных землевладельцев Черниговщины [15, с. 97–99]. Д. Б. Мертваго покинув Таврическую губернию, продолжил службу с 1807 по 1810 гг. в должности генерал-провиантмейстера. Из-за постоянных конфликтов с А. А. Аракчеевым, занимавшего пост военного министра «в исходе марта месяца 1810 года получил отставку [...] с мундиром и половинным жалованьем» [14, с. 197]. В 1817 г. был назначен сенатором, возглавлял ревизию во Владимирской, Астраханской и Кавказской губерниях [14, с. 219–222]. Продолжил службу

в Сенате после отставки и А. М. Бороздин. С 20 июля 1816 по 2 ноября 1828 гг. он числился в межевом департаменте, однако в Сенате фактически не присутствовал, живя в своих имениях в Крыму [12].

Иначе сложилась судьба А. С. Лавинского. В 1822–1833 гг. он занимал пост Восточно-Сибирского генерал-губернатора. После отставки с этого поста, 6 декабря 1833 г. получил назначение в Сенат. Наивысшую должность в своей карьере получил 1 января 1836 г., когда ему было повелено быть членом Государственного совета по департаменту гражданских и духовных дел. Кроме того он был членом Совета учрежденного при Воспитательном обществе благородных девиц и Санкт-Петербургского Ордена Св. Екатерины; Комитета учрежденного для составления статута Ордена Св. Станислава; членом Думы знака отличия беспорочной службы; почетным опекуном Санкт-Петербургского опекунского совета. Исправлял должность председательствующего и управляющего Санкт-Петербургской Сохранной казной [18, л. 12–19].

Н. И. Перовский после увольнения 24 марта 1825 г. был причислен к ведомству государственной Коллегии иностранных дел. Но уже 25 ноября 1841 г. «высочайше повелено по неимению им в Министерстве иностранных дел занятия в ведомстве оного больше не считать» [21, л. 146]. Д. В. Нарышкин после отставки службу не продолжал. А. И. Казначеев 22 февраля 1845 г. был утвержден предводителем дворянства Таврической губернии. С 1848 по 1854 гг. занимал пост градоначальника Одессы. С 29 ноября 1856 г. был членом комиссии, наблюдавшей за постройкой храма Христа Спасителя в Москве. Завершающей вехой его карьеры стало занятие поста управляющего сохранной и сберегательной кассой при Московском Воспитательном Доме [26, л. 1–5]. М. М. Муромцов после отставки сосредоточился на управлении собственным имением [4, с. 31–40]. В. Я. Рославец в 1845–1848 гг. продолжил службу Херсонским гражданским губернатором [5, с. 234]. В. И. Пестель после увольнения с должности губернатора получил назначение в Сенат [22, л. 59].

Проведенный анализ показывает, что тенденции в Таврической губернии соответствовали общеимперским. Продолжала существовать практика назначения в должность губернатора людей, не имеющих опыта административной работы. Уровень образования губернаторов оставлял желать лучшего. Среди всех губернаторов Тавриды изучаемого периода не было ни одного с юридическим образованием. Именно изучение юриспруденции считалось оптимальным для чиновников занимавших высшие административные посты. Но, несмотря на это, общий уровень профессиональной подготовки был достаточным. Факт того, что в изучаемый период в Таврическую губернию не было отправлено ни одной сенатской ревизии, говорит о том, что в губернии не было серьезных нарушений, а центральные власти доверяли Таврическим губернаторам. (Оговорим, что ревизия, проводимая в 1822 г. В. И. Брозиным в Таврической и Екатеринославской губерниях, была направлена на поиски путей к улучшению продовольственного положения населения [10, с. 505]). Отсутствие сенатских ревизий можно объяснить и тем, что губернатор контролировался херсонским, а позже Новороссийским и Бессарабским генерал-губернатором.

Особенностью высшей административной должности в Таврической губернии было то, что одни из губернаторов рассматривали пребывание в Крыму как работу

**ГУБЕРНАТОРСКИЙ КОРПУС ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА**

на завершающем этапе своей службы, другие как шаг по карьерной лестнице. Большая часть губернаторов были в среднем моложе, чем в целом по стране. Администраторы на юге России должны были проявлять незаурядную гибкость, инициативу и трудолюбие для решения сложных проблем. Их деятельность должна была способствовать быстрому развитию юга Российской империи.

Таблица 1.
Возрастная характеристика губернаторского корпуса

возраст	Возраст губернаторов									всего
	до 40	41-45	46-50	51-55	56-60	61-65	66-70	более 70	н/д	
Количество губернаторов	5	3	3	-	-	-	-	-	-	11
в процентном соотношении	46%	27%	27%	0%	0%	0%	0%	0%	0%	100%
Показатели по империи на 1825 г.	14%	30%	30%	14%	8%	0%	0%	0%	5%	100%
Показатели по империи на 1837 г.	9%	17%	22%	22%	4%	0%	0%	0%	26%	100%

Таблица 2.
Срок пребывания губернаторов в должности

Период/лет	Срок пребывания в должности							всего
	Менее 1	1-2	3-4	5-8	9-15	Более 15		
По Таврической губернии	2	2	2	3	2	-	11	
В процентном соотношении	18%	18%	18%	28%	18%	0%	100%	
Показатели по империи в 1825 г.	0%	6%	29%	21%	32%	12%	100%	
Показатели по империи 1837 г.	0%	0%	26%	32%	21%	21%	100%	

Таблица 3.
Образовательный уровень губернаторов

	Образование губернаторов				всего
	домашнее	начальное	среднее	высшее	
По Таврической губернии	2	1	5	3	11
В процентном соотношении	18%	9%	45%	28%	100%
Показатели по империи 1825 г.	14,3%	0%	21,4%	64,3%	100%
Показатели по империи 1837 г.	0%	0%	0%	100%	100%

Список использованных источников и литературы

1. Yaney G.L. The systematization of Russian government; social evolution in the domestic administration of Imperial Russian, 1711–1905. Urbana, 1973. 324 p.
2. ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3204.
3. Государственная канцелярия (1802–1902). СПб., 1902.

- Gosudarstvennaja kanceljarija (1802–1902). SPb., 1902.
4. Грачева И. В. «В полях забытые усадьбы...». Баловнева и его владельцы// Наука и жизнь. 2002. №4. С. 31–40.
- Gracheva I. V. «V poljah zabytye usad'by...». Balovneva i ego vladel'cy// Nauka i zhizn'. 2002. №4. S. 31–40.
5. Губернии Российской империи. История и руководители, 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 343 с.
- Gubernii Rossijskoj imperii. Istorija i rukovoditeli, 1708–1917. M.: Ob#edinennaja redakcija MVD Rossii, 2003. 343 s.
6. Ерочкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России: Учебник для студентов высших учебных заведений по специальности «Историко-архивоведение». 3-изд, перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1983. 352 с.
- Eroshkin N. P. Istorija gosudarstvennyh uchrezhdenij dorevoljucionnoj Rossii: Uchebnik dlja studentov vysshih uchebnyh zavedenij po special'nosti «Istoriko-arhivovedenie». 3-izd, pererab. i dop. M.: Vysshaja shkola, 1983. 352 s.
7. Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978. 288 с.
- Zajonchkovskij P. A. Pravitel'stvennyj apparat samoderzhavnoj Rossii v XIX v. M., 1978. 288 s.
8. Захарова О. Ю. Светлейший князь М. С. Воронцов. Симферополь: Бизнес-информ, 2004. 320 с.
- Zaharova O. Ju. Svetlejshij knjaz' M. S. Voroncov. Simferopol': Biznes-inform, 2004. 320 s.
9. Иванов В. А. Губернское чиновничество 50–60-х гг. XIX в. в России. Историко-источниковедческие очерки. Калуга, 1994. 232 с.
- Ivanov V. A. Gubernskoe chinovnichestvo 50–60-h gg. XIX v. v Rossii. Istoriko-istochnikovedcheskie ocherki. Kaluga, 1994. 232 s.
10. История Правительствующего Сената за 200 лет, 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 4. 724 с.
- Istorija Pravitel'stvujushhego Senata za 200 let, 1711–1911 gg. SPb., 1911. T. 4. 724 s.
11. Киселев И. Н., Мироненко С. В. О чем рассказали формулярные списки // Число и мысль. Сборник. Вып. 9. М.: Знание, 1986. С. 6-31.
- Kiselev I. N., Mironenko S. V. O chem rasskazali formuljarnye spiski // Chislo i mysl'. Sbornik. Vyp. 9. M.: Znanie, 1986. S. 6-31.
12. Линниченко И. А. К биографии Таврического губернатора генерал-лейтенанта Андрея Михафловича Бороздина// ИТУАК. 1913. №. 50. С. 191–201.
- Linnicheko I. A. K biografii Tavricheskogo gubernatora general-lejtenanta Andreja Mihaflovicha Borozdina// ITUAK. 1913. №. 50. S. 191–201.
13. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII –начало XX в). М. изд-во МПГУ, 2001. 358 с.
- Lysenko L. M. Gubernatory i general-gubernatory Rossijskoj imperii (XVIII –nachalo XX v). M. izd-vo MPGU, 2001. 358 s.
14. Мертваго Д. Б. Записки (1760–1824) / подг. С. Д. Дзюбанов, Г. Г. Мартынов. СПб.: Русская симфония, 2006. 368 с. (Серия: «Книжные памятники из фондов Библиотеки Академии наук»).
- Mertvago D. B. Zapiski (1760–1824) / podg. S. D. Dzubanov, G. G. Martynov. SPb.: Russkaja simfoniya, 2006. 368 s. (Serija: «Knizhnye pamjatniki iz fondov Biblioteki Akademii nauk»).
15. Милорадович Г. А. О роде дворян и графа Милорадович. К., 1871. 159 с.
- Miloradovich G. A. O rode dvorjan i grafa Miloradovich. K., 1871. 159 s.
16. П.С.З., 1, Т. 27, №20597.
- P.S.Z., 1, T. 27, №20597.
17. П.С.З., Т. 16., №12030.
- P.S.Z., T. 16., №12030.
18. РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 277.
- RGIA, f. 1162. op. 6, d. 277.
19. РГИА, ф. 1249, оп. 4, д. 219.
- RGIA, f. 1249, op. 4, d. 219.
20. РГИА, ф. 1286, оп. 1, д. 108.
- RGIA, f. 1286, op. 1, d. 108.
21. РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1688.

RGIA, f. 1349, op. 3, d. 1688.

22. РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1692.

RGIA, f. 1349, op. 3, d. 1692.

23. РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 117.

RGIA, f. 1349, op. 4, d. 117.

24. РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 199.

RGIA, f. 1349, op. 4, d. 199.

25. РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 432.

RGIA, f. 1349, op. 4, d. 432.

26. РГИА, ф. 1349, оп. 4, д. 442.

RGIA, f. 1349, op. 4, d. 442.

27. РГИА, ф. 1349, оп. 5, д. 595.

RGIA, f. 1349, op. 5, d. 595.

28. РГИА, ф. 1162, оп. 6, д. 277.

RGIA, f. 1162, op. 6, d. 277.

29. РГИА, ф. 660, оп. 1, д. 144.

RGIA, f. 660, op. 1, d. 144.

30. Свиньин П. П. Знакомства и встречи на южном берегу Тавриды// Отечественные записки. 1825. № 66. С. 124–123.

Svin'in P. P. Znakomstva i vstrechi na juzhnom beregu Tavridy// Otechestvennye zapiski. 1825. № 66. S. 124–123.

31. Троицкий С. М. Русский абсолютизм и дворянство в XVIIIв.: формирование бюрократии. М.: Наука, 1974. 397 с.

Troickij S. M. Russkij absoljuzizm i dvorjanstvo v XVIIIv.: formirovanie bjurokratii. M.: Nauka, 1974. 397 s.

Kravchuk A. S. The corps of Taurida governors in the first part of XIX century / A. S. Kravchuk // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 34–48.

Approach in the selection of officials for the post of governor is extremely important. The study of this process will help in understanding the reasons for the rapid development of the southern Russian Empire. One of the most important sources of information for this study are the official lists of governors. This source category includes information about the major milestones of career civil servants, their social background, religion, rank, stay on vacation or retirement, marital status, being under court or collecting penalties, rewards, promotions and reprimand, participation in military campaigns, property status. In the period under study - from the creation of the province in October 8, 1802 and before the start of the Crimean War in 1853-1856. The position of the governor took 11 people.

During the reign of Alexander I, most of the officials held Patriotic War of 1812, and after 1815 it was nominated from among the war scooped footage of the government apparatus. These formulary lists show that military service was considered virtually a prerequisite for a class of high civic positions. Under Nicholas I, taken a course on the "militarization" of governors, and in 1837 people with military officials already occupy about a third of governorships.

Governors received higher education is necessary to note a few. G. P. Miloradovich studied at the University of Königsberg, Göttingen, Strasbourg and Paris. A. M. Borozdin graduated from Cambridge University. High education Taurida governor noted all his contemporaries. V. Y. Roslavetz studied at Moscow university boarding school and a short time at the university, because of the difficult financial situation had to start service in the Ministry of Education.

From 11 leaders of the Taurida province study period 3 began service in the civil department, and the rest in the military. Five governors until his appointment held positions that allowed them to some extent to meet with the Crimean affairs.

The analysis shows that the trends in the Taurida province corresponded empire-wide. Continued to exist in the practice of appointing as governor of people who do not have administrative experience. Level of education governors left much to be desired. Among all the governors of Taurida study period there were no with

a legal background. It is the study of jurisprudence was considered optimal for officials occupying senior administrative positions.

In the Taurida province was not sent to any revision of the Senate, said that in the province have been no serious violations, and the central government distrusted Taurida governors in the study period.

Feature of the higher administrative positions in the Taurida province was that some of the governors consider staying in the Crimea as a job at the final stage of his life, the other as a step on the career ladder. Most of the governors were on average younger than the national average.

Keywords: Taurida province, Governor of Taurida, G. P. Miloradovich, D. B. Mertvago, A. M. Borozdin, A. S. Lavinsky, A. N. Baranov, N. I. Perovsky, D. V Naryshkin.

УДК 622.33(477):930

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ УГОЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА (СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)

Марциновский П. Н.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: pnmartz@mail.ru*

Проведен критический обзор историографии угольной промышленности Донбасса в советский период. Определены основные направления исследовательской работы, анализируются общие положения и выводы, сделанные историками промышленности. Рассматривается современное историографическое описание угледобывающих предприятий Донецкой, Луганской и Днепропетровской областей (1917–1991 гг.). Отмечено влияние политического, идеологического, организационно-хозяйственного и административного факторов на развитие современной украинской историографии региона.

Ключевые слова: историография, история Украины, угольная промышленность, Донбасс.

Угольная промышленность Украины, лидирующая отрасль топливно-энергетического комплекса страны, представлена предприятиями Донецкого, Львовско-Волынского каменноугольных и Днепровского бурогоугольного бассейна. Изучение истории добычи угля на территории Донецкой, Луганской и Днепропетровской областей, а также анализ наиболее острых проблем угольной промышленности с последующим выявлением перспективных направления развития последней остаются актуальными на протяжении длительного периода.

Объект настоящего исследования – актуальные проблемы современной украинской историографии угольной промышленности Донбасса советского периода, предмет – изучение постсоветского периода изучения истории промышленного развития Украины в целом. Хронологически исследование ограничено 1991–2013 годами.

К задачам исследования отнесены:

1) выявление основных направлений современного историографического описания угледобывающих предприятий Донецкой, Луганской и Днепропетровской областей (1917–1991 гг.);

2) анализ влияния политического, идеологического, организационно-хозяйственного и административного факторов на развитие современной украинской историографии региона.

В 90-х гг. XX века имеет место оживление украинской исторической науки, возрастает интерес к ранее закрытым для исследователей темам. Так исторической необходимостью становится изучение сложного политико-социального феномена – сталинизма, а также его проявлений в сфере промышленного производства.

Обращение к названной теме в украинской историографии угольной промышленности Донбасса можно с уверенностью назвать инновационным: во-первых, по причине ограниченной разработанности проблемы, во-вторых, на том основании, что исследователями была пересмотрены когнитивные схемы изучения вопроса.

Бегло проанализировав изменения в макрополитической структуре общества, В. М. Даниленко, Г. В. Касьянов и др. определили своей задачей изучение негативного воздействия власти на различные социальные группы (интеллигенцию, рабочий класс и др.), т.е. приблизились к «человеку в истории» [1; 2].

Схожие методы раскрытия темы были использованы в своих работах З. Г. Лихолобовой и Р. Д. Ляхом, чьи работы также отличает высокий профессионализм подачи материала и широкое привлечение архивных документов [3; 4].

Преодолевая кажущуюся тематическую удаленность от анализируемой нами проблемы исторического развития угольной промышленности, монография З. Г. Лихолобовой «Сталінський тоталітарний режим та політичні репресії кінця 30-х років в Україні» одним из своих разделов, посвященных социально-экономическому положению Донецкого региона, обозначила точку приложения исследовательских усилий, направленных на воссоздание искаженной репрессиями действительности. Так человекоцентричность становится лейтмотивом всей книги: именно обращенность на человека объединяет социально-экономические, политические, историко-технические и прочие аспекты исследования, «работает» на целостность монографии.

Несколько иное направление историко-аналитической работы было избрано В. Н. Никольским, который, идя по пути обобщения статистических данных, так же обратился к теме репрессий в угольной промышленности, избрав в качестве первоочередной задачи изучение деятельности органов государственной безопасности СССР в Украине [5; 6]. Отдав должное особому значению обозначенной темы, автор не ограничился исследованием репрессивной деятельности властных структур, включив в сферу своих интересов социальную политику советского государства и принципы ее реализации в Донбассе, т.е. темы, косвенно относящиеся к истории промышленного развития региона

На изучении особенностей модернизации угольной промышленности Донбасса в 1925–1941 гг. в своем диссертационном исследовании сосредоточился В. С. Бондаренко. Отказавшись от оценки идеологического импульса реформирования производственного процесса, ученый использовал методы количественного анализа преобразований, видоизменивших угольную промышленность (что не исключило обращение автора к теме политического воздействия на население региона в отдельных своих работах). Особое внимание исследователем было уделено изучению кадрового состава предприятий тяжелой промышленности, выявлению предпосылок так называемого движения новаторов и ударнического движения [7].

В. С. Бондаренко также осветил тему прогрессивных преобразований в регионе, обусловленных социалистической модернизацией Советского Союза. Автор сосредоточился на поиске и оценке количественных показателей, которые свидетельствовали бы в пользу произошедших в 20-х–40-х гг. XX века изменений в области материальной культуры угольного Донбасса [8].

Следует отметить, что видение стахановского движения в целом несколько изменилось. Ожидаемый всплеск интереса к названной теме пришелся на начало 90-х гг. XX века и был напрямую связан с ощутимой стагнацией в сфере промышленного производства. Отказавшись от апологетики в пользу критического отношения, ис-

следователи сумели остаться на верных этических позициях и дополнить общую картину периода отдельными эпизодами и деталями, важными для понимания общественно-политического и социального значения ударничества [9].

В середине 90-х гг. XX века ранее единичные исследования по истории управления промышленностью и социальной составляющей промышленной политики оформились в отдельное историографическое направление.

Исторический опыт управления промышленностью (в том числе, угольной) был обобщен и проанализирован А. Н. Бутом [10]. Исследователь принял во внимание наработки своих предшественников и предложил отличный от традиционного взгляд на события 20–30 гг. XX века. Такие феномены, как «экономическая контрреволюция» и сталинизация промышленности, в изложении автора значительно выигрывают в полноте изложения и глубине анализа.

История инжиниринга в угольной промышленности, а именно его предвоенный период (1938 – июнь 1941 гг.), стал объектом диссертационного исследования В. Н. Касперовича [11]. Такие вопросы, как подготовка рабочих кадров и выполнение плановых задач предприятиями тяжелой промышленности, процесс подготовки специалистов и рабочих были полно и объективно освещены исследователем, а сделанный вывод о том, что формы и методы повышения продуктивности труда и управления промышленным развитием носили волюнтаристский характер, – подкреплен документально. Интересными представляются замечания диссертанта об спорной эффективности командно-нажимного стиля управления промышленностью, избранного партийно-государственным руководством страны в предвоенный период. Автором исследования представлены убедительные аргументы в пользу использования терминов «военная мобилизация» и «трудовая армия» при описании ситуации, которая сложилась в тяжелой промышленности Донбасса в 1938–1940 гг. В. Н. Касперовичем также был отмечен положительный характер рационализаторских потуг производственников, чьи попытки устранить дефекты производства, снизить аварийность и простой оборудования зачастую не находили поддержки со стороны руководства, видевшего первоочередные задачи в поиске «шпионов-диверсантов», «вредителей» и «врагов».

В область научных интересов ряда ученых в середине 90-х гг. также уверенно вошли следующие темы: источники формирования инженерно-технической интеллигенции, численность, структура и состав технических кадров, производственная активность технической интеллигенции и условия труда специалистов угольной отрасли [12; 13; 14]. Следует отметить высокую научную значимость подобной историографической реабилитации инженерно-технической интеллигенции как самостоятельной социально-профессиональной группы: во-первых, хронология ряда статей относилась к ранее обойденным вниманием 20–30-х гг. XX века, во-вторых, обращение к социокультурным парадигмам методологически развило исследовательские навыки авторов работ.

Общий интерес к объекту исследования, т.е. инженерно-технической интеллигенции Донбасса, ее профессиональной и общественной деятельности можно назвать основанием для выделения диссертационных работ С. П. Гнитько и А. В. Струченкова в единый исследовательско-информационный блок [12; 13]. Оба

автора высоко оценили вклад нового поколения технической интеллигенции в осуществление индустриализации, изучив условия труда и быта специалистов, сделали определенные выводы относительно уровня жизни техперсонала. Также были изучены причины и последствия политических репрессий против интеллигенции, обозначены регионально обусловленные особенности ее жизненного уклада, выявлены источники формирования названной социальной группы формы и методы подготовки производственно-технических кадров.

Тема формирования кадровой базы предприятий угольной промышленности также фигурировала в работах Ю. Н. Красноносова и С. А. Куглера, связавших пополнение кадрового потенциала с обострением социально-политической ситуации в селе [15; 16]. В результате исследования преобразований в сфере материально-технического развития региона, а также изучения положения рабочего класса и инженерно-технических кадров ученым удалось демифологизировать отдельные аспекты истории «всесоюзной кочегарки» (в частности, особое внимание было уделено осмыслению феномена движения новаторов производства), подвергнуть анализу процесс сталинизации угольной промышленности, выявить причины, по которым за Донбассом был закреплен особый статус «полигона» по внедрению и апробации методов командно-административного управления угольной промышленностью. Руководствуясь принципом объективности, исследователями был сделан вывод о парадоксально низкой экономической эффективности авторитарно-нажимных методов управления промышленными объектами, отмечен спорных характер внедрения моральных стимулов повышения продуктивности труда и намеренной недооценки материальной составляющей процесса производства.

В отличие о вышеупомянутых исследователей, хронологически ограничивших свои работы 1-2-мя десятилетиями, Н. Н. Шевченко сконцентрировалась на изучении социальных проблем угольной промышленности Украины в 1965–2000 гг. [17]. Изучив положение дел в угледобывающих регионах страны, автор проследила, как на протяжении вынесенного в название диссертационного исследования периода изменялись условия жизни и труда шахтеров, обоснованно связала рост промышленного производства с возникновением и усугублением экологических проблем, а также обозначила истоки шахтерского забастовочного движения конца 80-х – начала 90-х гг. XX века.

Также Н. Н. Шевченко было исследовано влияние отдельных политических сил (в частности, Народного Руха Украины) на развитие шахтерского забастовочного движения, определена степень воздействия национальных и экономических факторов на процесс создания независимого украинского государства.

Тематически близки исследованиям Н. Н. Шевченко работы В. Ф. Бурносова, в которых автор связывает напряжение в угольной отрасли с ростом напряжения в социальной сфере, пишет о проблемах, тормозивших развитие монопромышленных шахтерских городов в конце 80-х – начале 90-х гг. XX века [18]. Так ученым в ряд факторов, негативно сказавшихся на развитии тяжелой промышленности, были включены прекращение дотирования отрасли государством, невыполнение договорных обязательств, закупка угля по оптовым ценам, которые существенно отставали от расчетных и т.д.

Что касается исследований, посвященных историографии рабочего класса, в 90-х–2000-х гг. была преодолена ранее наметившаяся тенденция к утрате актуальности. В пользу этого тезиса свидетельствует тот факт, что именно в этот период были защищены кандидатские диссертации В. Ф. Колесником («Рабочий класс Украины в конце 20–30-е гг. Историография», 1991 г.) и И. Ф. Шаровым («Рабочий класс Украины в сфере производства в условиях формирования и осуществления командной экономики (конец 20-х–30-е гг.): историографический анализ», 1996 г.) [19; 20]. Названные исследователи, проанализировав традиции изучения социальной политики в отношении рабочего класса Донбасса в специальной исторической литературе, делают вывод о необходимости изменения теоретических представлений историков об аксиологическом содержании этого явления и усиления историографической проработки проблемы.

Одним из ведущих направлений историографии угольной промышленности является также изучение разрушительного воздействия событий 1941–1945 гг. на развитие отрасли и анализ особенностей восстановления промышленных регионов Украины в послевоенный период. Обозначенные проблемы, а также многие другие вопросы новейшей истории Донецкого бассейна наиболее полно раскрыты в работах А. М. Михненко, вклад которого в развитие украинской исторической регионалистики сложно переоценить [21]. Оборона Донбасса и немецко-оккупационный режим, возрождение социальной инфраструктуры края, подпольное и партизанское движение – все эти вопросы были вынесены в названия статей и докладов ученого.

Авторство многочисленных историографических работ, посвященных в частности историографии истории региона в Великой Отечественной войне, истории развития народного образования Донбасса в советской историографии и др., также принадлежит А. М. Михненко [22].

Не менее интересны публикации Л. И. Суюсанова, которым в 2002 году была завершена работа над масштабным исследованием, также посвященным угольной промышленности и шахтерам Украины в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.) [23]. Кроме тем, ставших исследовательской классикой, ученым были обозначены такие нетривиальные аспекты проблемы, как деятельность шахтеров в эвакуации, пополнение шахтерских рядов Донбасса за счет государственных трудовых резервов в предвоенные годы, работа выходцев из Западной Украины, Северной Буковины и Бессарабии на шахтах региона в предвоенный период и др.

Таким образом, можно выделить несколько тем, разработка которых активизировалась или была начата впервые после 1991 года, т.е. под непосредственным влиянием политического, идеологического, организационно-хозяйственного и административного факторов:

- 1) репрессии в угольной промышленности в 20-х–30-х гг. XX века, механизм работы карательного аппарата;
- 2) социалистическая реконструкция угольной промышленности Донбасса как составляющая модернизации страны;
- 3) Великая Отечественная война в истории Донбасса и восстановление предприятий угольной промышленности в послевоенный период.

Список использованных источников и литературы

1. Даниленко В. М. Сталінізм на Україні : 20–30-ті роки / В. М. Даниленко, Г. В. Касьянов. – К. : Либідь, 1991. – 344 с ; Касьянов Г. В. Сталінізм і українська інтелігенція (20-ті – 30-ті роки) / Г. В. Касьянов, В. М. Даниленко. – К. : Либідь, 1991. – 342 с.
Danilenko V. M. Stalinizm na Ukraїni : 20–30-ti roki / V. M. Danilenko, G. V. Kas'janov. – K. : Libid', 1991. – 344 s ; Kas'janov G. V. Stalinizm i Ukraїns'ka inteligencija (20-ti–30-ti roki) / G. V. Kas'janov, V. M. Danilenko. – K. : Libid, 1991. – 342 s.
2. Касьянов Г. В. Інтелігенція Радянської України 1920-х – 30-х років. Соціально-історичний аналіз : автореф. дис. ... д-ра іст. наук / Г. В. Касьянов. – К., 1993. – 32 с.
Kas'janov G. V. Inteligencija Radjans'koї Ukraїni 1920-h – 30-h rokiv. Social'no-istorichnij analiz : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk / G. V. Kas'janov. – K., 1993. – 32 s.
3. Лихолобова З. Г. Сталінський тоталітарний режим та політичні репресії кінця 30-х років в Україні / З. Г. Лихолобова. – Донецьк : ДонДУ, 1996. – 144 с.
Liholobova Z. G. Stalins'kij totalitarnij rezhim ta politichni represii kincja 30-h rokiv v Ukraїni / Z. G. Liholobova. – Doneck : DonDU, 1996. – 144 s.
4. Лях Р. Д. Репресії за колективізації на Донеччині // Тези доп. і повідом. П'ятої Всеукр. наук. конф. Розвиток історичного краєзнавства в контексті національного і культурного відродження України / Р. Д. Лях. – К. ; Кам'янець-Подільський, 1991. – С. 278–280.
Ljah R. D. Represii za kolektivizacii na Donechchini // Tezi dop. i povidom. P'jatoї Vseukr. nauk. konf. Rozvitok istorichnogo kraeznavstva v konteksti nacional'nogo i kul'turnogo vidrozhennja Ukraїni / R. D. Ljah. – K. ; Kam'janec'-Podil's'kij, 1991. – S. 278–280.
5. Нікольський В. М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.). Історико-статистичне дослідження : автореф. дис. ... д-ра іст. наук : 07.00.01 / В. М. Нікольський. – Донецьк : ДонНУ, 2003. – 38 с.
Nicol's'kij V. M. Represivna dij'al'nist' organiv derzhavnoї bezpeki SRSR v Ukraїni (kinec' 1920-h – 1950-ti rr.). Istoriko-statistichne doslidzhennja : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.01 / V. M. Nicol's'kij. – Doneck : DonNU, 2003. – 38 s.
6. Нікольський В. М. Соціальна політика радянської держави та її реалізація в Донбасі (сер. 1960-х – сер. 1980-х рр.) / В. М. Нікольський, О. В. Шимко. – Донецьк : ДонНУ, 2012. – 220 с.
Nicol's'kij V. M., Shimko O. V. Social'na politika radjans'koї derzhavi ta її realizacija v Donbasi (ser. 1960-h – ser. 1980-h rr.) / V. M. Nicol's'kij, O. V. Shimko. – Doneck : DonNU, 2012. – 220 s.
7. Бондаренко В. С. Вугільна промисловість Донбасу в умовах радянської модернізації країни (1925–1941 рр.) : Дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / В. С. Бондаренко. – Донецьк : ДонНУ, 2004. – 222 с.
Bondarenko V. S. Vugil'na promislovist' Donbasu v umovah radjans'koї modernizacii kraїni (1925–1941 rr.) : Dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.01 / V. S. Bondarenko. – Doneck : DonNU, 2004. – 222 s.
8. Он же. Кількісні виміри прогресивних перетворень у матеріальній культурі виробництва вугільного Донбасу за добу соціалістичної модернізації СРСР (1925/26–1941 р.) / В. С. Бондаренко // Історичні і політологічні дослідження. – 2004. – № 1 (19). – С. 55–63.
On zhe. Kil'kisni vimiri progresivnih peretvoren' u material'nij kul'turi virobництва vugil'nogo Donbasu za dobu socialistichnoї modernizacii SRSR (1925/26–1941 r.) / V. S. Bondarenko // Istorichni i politologichni doslidzhennja. – 2004. – № 1 (19). – S. 55–63.
9. Примуш Н. В. Ударничество: миф и реальность / Н. В. Примуш. – Донецк, 1990. – С. 49. ; Троян Н. П. «Мы покоряем время...» : Стахановское движение : взгляд с порога 90-х / Н. П. Троян // Донбасс. – 1990. – № 1. – С. 67–80.
Primush N. V. Udarnichestvo: mif i real'nost' / N. V. Primush. – Doneck, 1990. – S. 49. ; Trojan N. P. «My pokorjaem vremja...» : Stahanovskoe dvizhenie : vzgljad s poroga 90-h / N. P. Trojan // Donbas. – 1990. – № 1. – S. 67–80.
10. Бут О. М. Проблеми управління промисловістю : історичний досвід і уроки / О. М. Бут – К. : Либідь, 1990. – 225 с. ; Бут О. М. «Економічна контрреволюція» в Україні в 20–30-ті роки ХХ століття : від нових джерел до нового осмислення. 2-е доп. і випр. вид. / О. М. Бут. – Донецьк : УкрНТЕК, 2002. – 315 с. ; Бут О. М. Стаханівський рух : змагання чи новаторство / О. М. Бут // Історичні і політологічні дослідження. – Донецьк : ДонНУ, 2003. – № 3/4. – С. 146–154.
But O. M. Problemi upravlinnja promislovistju : istorichnij dosvid i uroki / O. M. But – K. : Libid', 1990. – 225 s. ; But O. M. «Ekonomichna kontrevoljucija» v Ukraїni v 20–30-ti roki HH stolittja : vid novih

dzherel do novogo osmislennja. 2-e dop. i vibr. vid. / O. M. But. – Doneck : UkrNTEK, 2002. – 315 s. ; But O. M. Stahaniv'skij ruh : zmagannja chi novatorstvo / O. M. But // Istorichni i politologichni doslidzhennja. – Doneck : DonNU, 2003. – № 3/4. – S. 146–154.

11. Касперович В. М. Адміністративно-командне керівництво важкою промисловістю Донбасу у 1938 – червні 1941 років : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / В. М. Касперович. – Донецьк, 2002. – 19 с.

Kasperovich V. M. Administrativno-komandne kerivnictvo vazhkoju promislovistju Donbasu u 1938 – chervni 1941 rokiv : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.01 / V. M. Kasperovich. – Doneck, 2002. – 19 s.

12. Моисеева Т. Н. Подготовка квалифицированных кадров : опыт и уроки (1933–1941 гг.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Т. Н. Моисеева. – Одесса, 1992. – 18 с.

Moiseeva T. N. Podgotovka kvalificirovannyh kadrov : opyt i uroki (1933–1941 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.01 / T. N. Moiseeva. – Odessa, 1992. – 18 s.

13. Гнітько С. П. Інженерно-технічна інтелігенція Донбасу в 1920-ті – на початку 1930-х років : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / С. П. Гнітько. – К., 1996. – 274 с.

Gnit'ko S. P. Inzhenerno-tehnichna inteligencija Donbasu v 1920-ti – na pochatku 1930-h rokiv : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.01 / S. P. Gnit'ko. – K., 1996. – 274 s.

14. Струченков О. В. Інженерно-технічна інтелігенція Донбасу (кінець 1920-х – 1930-і роки) : формування, умови життя, діяльність : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / О. В. Струченков. – Донецьк, 2008. – 277 с.

Struchenkov O. V. Inzhenerno-tehnichna inteligencija Donbasu (kinec' 1920-h – 1930-i roki) : formuvannja, umovi zhittja, dijal'nist' : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.01 / O. V. Struchenkov. – Doneck, 2008. – 277 s.

15. Краснонос Ю. М. Формування кадрів робітників вугільної промисловості України (1926–1939 рр.) : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Ю. М. Краснонос. – Донецьк, 1995. – 23 с.

Krasnonosov Ju. M. Formuvannja kadrov robotnikov vugil'noi promislovosti Ukraïni (1926–1939 rr.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.01 / Ju. M. Krasnonosov. – Doneck, 1995. – 23 s.

16. Куглер С. О. Проблеми підготовки робітничих кадрів для промисловості і транспорту України в 1921–1941 рр. (на матеріалах партійних та суспільних організацій України) / С. О. Куглер. – Дніпропетровськ, 1994. – 24 с.

Kugler S. O. Problemi pidgotovki robotnichih kadrov dlja promislovosti i transportu Ukraïni v 1921–1941 rr. (na materialah partijnih ta suspil'nih organizacij Ukraïni) / S. O. Kugler. – Dnipropetrovs'k, 1994. – 24 s.

17. Шевченко Н. М. Соціальні проблеми вугільної промисловості України в 1965–2000 рр. : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Н. М. Шевченко. – Донецьк, 2005. – 271 с.

Shevchenko N. M. Social'ni problemi vugil'noi promislovosti Ukraïni v 1965–2000 rr : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.01 / N. M. Shevchenko. – Doneck, 2005. – 271 s.

18. Бурнос В. Ф. Соціально-економічний стан Донбасу на межі 80–90-х років / В. Ф. Бурнос // Новые страницы в истории Донбасса : ст. кн. 4 / сост. З. Г. Лихолобова. – Донецк, 1995. – С. 157–188.

Burnosov V. F. Social'no-ekonomichnij stan Donbasu na mezhi 80–90-h rokiv / V. F. Burnosov // Novye stranicy v istorii Donbassa : st. kn. 4 / sost. Z. G. Liholobova. – Doneck, 1995. – S. 157–188.

19. Колесник В. Ф. Рабочий класс Украины в конце 20–30-е годы : историография : автореф. дис. ... д-ра іст. наук : 07.00.01 / В. Ф. Колесник. – К., 1991. – 49 с.

Kolesnik V. F. Rabochij klass Ukrainy v konce 20–30-e gody : istoriografija : avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk : 07.00.01 / V. F. Kolesnik. – K., 1991. – 49 s.

20. Шаров І. Ф. Робітничий клас України в сфері виробництва в умовах формування і здійснення командної економіки (кінець 20-х–30-ті роки) : історіографічний аналіз : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / І. Ф. Шаров. – К., 1996. – 21 с.

Sharov I. F. Robotnichij klas Ukraïni v sferi virobництва v umovah formuvannja i zdijsnennja komandnoi ekonomiki (kinec' 20-h–30-ti roki) : istoriografichnij analiz : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.01 / I. F. Sharov. – K., 1996. – 21 s.

21. Михненко А. М. Історія Донбасу (1861–1945 рр.) : навч. посібник / А. М. Михненко. – Донецьк : Юго-Восток, 1999. – 464 с.

Mihnenko A. M. Istorija Donbasu (1861–1945 rr.) : navch. posibnik / A. M. Mihnenko. – Doneck : Jugovostok, 1999. – 464 s.

22. Он же. Донбас в роки Великої Вітчизняної війни (1941–1945) / А. М. Михненко. – Донецьк : Юго-Восток, 2000. – 153 с.

On zhe. Donbas v roki Velikoi Vitchiznjanoi vijni (1941–1945) / A. M. Mihnenko. – Doneck : Jugo-Vostok, 2000. – 153 s.

23. Суюсанов Л. І. Вугільна промисловість і шахтарі України в роки Другої світової війни (1939–1945 рр.) : дис. ... канд. іст. наук : 07.00.01 / Л. І. Суюсанов. – Донецьк, 2002. – 199 с.

Sujusanov L. I. Vugil'na promislovist' i shahtari Ukraїni v roki Drugoi svitovoi vijni (1939–1945 rr.) : dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.01 / L. I. Sujusanov. – Doneck, 2002. – 199 s.

Martsynovsky P. N. Modern historiography of the coal industry of Donbass (the soviet period) / P. N. Martsynovsky // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 49–56.

In the article the critical survey of ukrainian historiography of the coal industry of Donbass of the soviet period is conducted. The main directions of the research work are defined. The analysis of the general provisions and findings of historians is made. The modern historiographical description of coal mines in Donetsk, Luhansk and Dnipropetrovsk regions (1917–1991) is considered. The influence of political, ideological, organizational, administrative and economic factors on the development of modern ukrainian historiography of the region is noted. Ukraine's coal industry, the leading sector of the fuel and energy complex, represented by enterprises of Donetsk, Lviv-Volyn coal and Dnieper lignite basin. Study of the history of coal mining in the Donetsk, Luhansk and Dnipropetrovsk regions, as well as analysis of the most problems of the coal industry, followed by the identification of promising directions of development of the latter remain relevant for a long period. The object of this study – actual problems of modern ukrainian historiography Donbass coal industry of the soviet period, the subject – the study of the post-soviet period, the study of the history of industrial development of Ukraine. Chronologically, the study is limited to the years 1991–2013. In the 90-ies of the XX century the revival of Ukrainian historical science began. Interest in previously closed to researchers topics increased. So it becomes a historical necessity to study the complex political and social phenomenon - Stalinism and its manifestations in the field of industrial production. The study of this topic in Ukrainian historiography of coal industry of Donbass can safely be called innovation: first, because of the limited problem elaboration, secondly, on the ground that the researchers had revised cognitive schemes of the study the issue. We can identify several topics, the development of which was initiated or intensified for the first time since 1991, under the direct influence of political, ideological, organizational, economic and administrative factors: 1) repression in the coal industry in the 20s-30s. XX century, the mechanism of the punitive apparatus; 2) the socialist reconstruction of the coal industry of Donbass as part of the modernization of the country; 3) The Great Patriotic War in the history of the Donbass and the recovery of the coal industry in the postwar period.

Key words: historiography, history of Ukraine, coal industry, Donbass.

УДК 908: 021.9 (477.75)

КНИЖНЫЕ РАРИТЕТЫ «КАРАЙ-БИТИКЛИГИ»: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НА ПРИМЕРЕ «СПИСКА М. С. САРАЧА»

Парафило Д. М.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: denis_parafilo@mail.ru*

На основе синтеза неизвестных архивных и опубликованных источников предпринята попытка реконструкции книжного и рукописного фонда «Карай-Битиклиги» на основе «Списка М. С. Сарача». Освещается процесс создания библиотеки и дальнейшее пополнение коллекции частными книжными собраниями. Особое внимание уделено научному описанию раритетов «Карай-Битиклиги» из «Списка М. С. Сарача».

Ключевые слова: «Карай-Битиклиги», библиотека, раритеты, книжные памятники, коллекция, С. С. Ельяшевич, М. С. Сарач

Одной из задач современного источниковедения и книговедения является исследование частных коллекций, в том числе – утраченных. Важным источником для реконструкции книжного фонда частных собраний и библиотек являются списки их фондового имущества. Благодаря привлечению этих документов возможно установить количество книг, их ценность, автора, год издания, провести качественный анализ коллекции. Выявить наиболее ценные издания – раритеты.

Книжные раритеты, старопечатные издания в широком понимании относятся к книжным памятникам. Согласно современному пониманию, книжные памятники – это книги (рукописные и все виды печатных изданий) и книжные коллекции, которые имеют заслуженные духовные, эстетические и (или) документальные особенности, что обособляется в общем книжном фонде страны и охраняется специальным законодательством [1, с. 110]. Книжные памятники делятся, на несколько категорий: мирового уровня, национального, регионального, местного. К памятникам мирового уровня относят все рукописные книги и старопечатные издания до XVI в., включительно; отдельные рукописные книги и старопечатные издания по 1830 г., и книжные коллекции мирового значения, отдельные ценные и редкие книги XIX–XX вв. К памятникам национального уровня принадлежат книги, что имеют первоначальное значение для познания и развития отечественной истории и культуры: рукописные книги до XVIII в. включительно, старопечатные издания до 1830 г.; отдельные образцы рукописей и изданий XIX–XX вв., а также коллекции национального значения, архивы национальной печати. К памятникам регионального и местного уровня принадлежат книги, ценность которых обозначается их исторической и культурной значимостью для исследуемого региона или местности [2, с. 250].

На данный момент известно о двух каталогах уникальной караимской книжной коллекции «Карай-Битиклиги». Первый – «Список М. С. Сарача», хранящийся в Евпаторийском краеведческом музее [3]. Второй – составленный известным советским ученым-гебраистом М. Н. Соколовым (1890–1937) перечень – «Инвентарные

списки рукописей на древнееврейском языке, хранящиеся в Караимской национальной библиотеки Карай-Битиклиги в г. Евпатории» отложившийся в фондах архива Санкт-Петербургского института Восточных рукописей РАН [4, с. 203].

Библиотека «Карай-Битиклиги» возникла в июне 1916 году, на базе существовавшего в Евпатории при Караимском духовном правлении книгохранилища, по личному распоряжению караимского гахама Серайи Марковича Шапшала (1873–1961). Первым заведующим библиотеки стал М. Я. Фиркович (1846–1916) [5, с. 8]. Первоначально коллекция включала нескольких книг, принадлежащих караимской общине – 400 томов с печатями покойного Нисан Давидовича Кокизова (1843–1908), [5, с. 9].

Библиотека состояла из 11 отделов: 1) произведения религиозного характера; 2) философия; 3) этика, нравственная философия; 4) история караимов и израильского народа; 5) изящная словесность; 6) сочинения по истории караимского языка и письменности; 7) комментарии на тексты Ветхого Завета; 8) физика; 9) астрономия; 10) математика; 11) словари и справочники [5, с. 9].

В годы гражданской войны происходило дальнейшее пополнение фондов библиотеки путем пожертвований книг и целых частных собраний от известных и богатых караимов. Как отмечал М. Я. Фиркович, «после смерти гахама Самуила Моисеевича Пампулова его семьей были пожертвованы два ящика ценных книг, принадлежавших покойному. Их примеру последовали и другие караимы. Семья покойного Барахи Моисеевича Шишмана принесла в дар 40 томов. Таким образом, на июнь 1917 г. в библиотеке наличествовало до 1200 томов книг и рукописей [5, с. 9].

Уже в ноябре 1917 г. численность книг в «Карай-Битиклиги» возросла до 2266 томов [6, с. 43]. По сведениям М. Я. Фирковича, «особенно ценным приобретением для библиотеки являлись книги, пожертвованные Моисеем Савватьевичем Луцким, в количестве 400 томов. 340 томов представляют собой старинные печатные книги по различным отраслям наук, изданные в г. Венеции, остальные 60 – рукописи. По распоряжению гахама [С. М. Шапшала] были приобретены 75 томов редких книг, из которых 15 – рукописи от вдовы покойного настоятеля караимской кенасы в г. Екатеринославле С. Ш. Пигита» [6, с. 43].

В библиотеку вошли также коллекции Б. С. Ельяшевича и собрание книг и рукописей, оставленное С. М. Шапшалом после его эмиграции в Турцию в январе 1920 г. К концу 1920 г. библиотека «Карай-Битиклиги» завершила свое организационное оформление и включала в себе более 500 рукописей и 8000 томов разнообразных книг по истории караимов и зарубежных изданий, в частности 500 книг на арабском языке [7, л. 221].

Одно из самых крупных пожертвований в национальную библиотеку являлся дар наследников одесского караимского купца Моисея Симовича Сарача его личной библиотеки. Как отмечал С. С. Ельяшевич, в библиотеку в июле 1918 г. поступило крупнейшее пожертвование от наследников Моисея Симовича Сарача – Лазаря и Самуила (Одесса) от которых было получено 440 книг [8, с. 12].

С. С. Ельяшевич составил опись полученных книг, которая на данный момент хранится в фондах Евпаторийского краеведческого музея. Дата составления описи неизвестна, но можно предложить, что это июль 1918 г. в – время поступления соб-

рания в библиотеку «Карай-Битиклиги» [9]. Официальное название документа «Опись библиотеки Моисея Симовича Сарача, пожертвованной Лазарем и Самуилом Сарачами (Одесса)» [3] Список рукописный, первоначально включал в себя 19 листов, 408 номеров описывающих 440 книг. К настоящему времени сохранилось 18 листов. Не хватает листа № 6 и номеров списка с 119 по 168. Соответственно можно проследить описание 390 книг из 440. Опись составлена в виде трех столбцов. В первом указывается номер тома, во втором количество томов, в третьем приводятся краткие библиографические данные (фамилия авторов, место и год издания, примечания).

По тематическому признаку «Список М. С. Сарача» можно разделить на шесть частей. Первая часть представлена литературой религиозного содержания 131 том – 33% от общего количества книг, соответствуют номерам с 1 по 118 и 169 – 175 [3, л. 1–7] Можно предположить, что недостающие номера также включают в себя литературу религиозного содержания. Данный раздел условно делится на две части. Первая часть включает в себя Библии на разных языках (караимском, турецком, древнееврейском, русском, немецком, итальянском языках), всего 44 тома. Из них к разряду раритетов относятся 4 книги. Библия изданная в Париже на арабском языке в 1827 г., два экземпляра Пятикнижия изданных в Венеции в 1740 г., характеризовались очень плохим состоянием, о чем и сообщал в примечаниях С. С. Ельяшевич. Наиболее значимым старопечатным памятником является Пятикнижие, на караимском языке, изданное в Константинополе в 1798 г. Вторая часть состоит из произведений экзегетов, средневековых и современных М. С. Сарачу комментаторов Ветхого завета всего 87 томов. Были представлены как местные караимские авторы, печатавшиеся в Евпатории в XIX в. – И. И. Казас, Д. М. Кокизов и др., так и зарубежные, в основном представители еврейской религиозной мысли XIII – XIX вв.: М. Маймонид, Моше-Хаим Луцатто (известен под аббревиатурой «Рамхаль»; 1707–1746), и др. Старопечатные книги представлены в семи экземплярах, изданных в западноевропейских странах в XVII – нач. XIX в. Среди раритетов выделяется «Комментарии на книги Пророков», издание напечатано в Гамбурге в издательстве братьев Атиасов в 1687 г. [3, л. 3].

Вторая часть списка представлена еврейскими журналами «ХаАсмал», «Хахеиф», «Ха-Йасир», выходившими в Варшаве и «Миуна», печатавшимся в Санкт-Петербурге в конце XIX начале XX вв. Всего выявлено 18 еврейских изданий – 5% от общего количества книг, номера с 179 по 191 [3, л. 7].

Третья часть включает в себя сочинения по истории караимов, евреев и всемирной истории. Всего 48 томов, 12% от общего количества изданий, номера с 192 по 238. [3, л. 7–8] Представлены сочинения немецких историков по истории еврейской религии XIX в. Соломона Ганса «Цемах Давид» «Росток Давида» (1592 г.), переизданная в Варшаве в 1878 г., Генриха Греца «История евреев от древнейших времен до настоящего» (т. I–VII.), напечатанные в Варшаве в 1890–1902 гг. Сочинения караимские историков и просветителей Исаака Иосифовича Синани «История возникновения и развития Караимизма» (в 2-х ч.). И. И. Казаса «Цицерон», (Одесса, 1908 г.) А. С. Фирковича «Сэфер Авнэ-Зиккарон», «Книга памятных камней» (Вильно, 1872 г.).

Четвертая часть отображена еврейской светской литературой, это романы, стихотворения, переводы других авторов на иврит. Всего 152 тома, 39% от общего количества изданий, номера по списку с 239 по 372 [3, л. 8–14]. Представлены такие известные еврейские и караимские писатели XIX в. как И. Б. Левинзон (акроним Рибал; 1788–1860), Е. Е. Гурвич, Готлобер Аврахам Бер (псевдоним Махалалель), М. И Бердичевский и другие. В основном польские еврейские писатели, издававшиеся в Варшаве с 1872 по 1904 гг.

Пятая часть – словари, пособия, учебники по еврейской и караимской грамматике, переводы на русский язык догматических книг караимов, рукописные сочинения. Всего 38 томов, 10% от общего количества книг, номера по списку с 373 по 418 [3, л. 14–16]. Особый интерес представляют рукописные сочинения караимских авторов – уникамы и старопечатные европейские издания второй половины XVIII в., всего 9 экземпляров. Например, под № 406 значится «Меджума» – сборник фольклорных рассказов, песен, сказаний собранных автором (М. С. Сарачем) с 1882 г. Немаловажное значение имеет рукописный список произведений караимского просветителя И. И. Казаса с собственными пометками автора.

Таким образом, книжное собрание Моисея Симовича Сарача, являвшееся частью «Карай-Битиклиги», согласно «Списку М. С. Сарача» представляло собой обширную частную коллекцию представителей купеческого сословия караимов второй половины XIX в. Большинство изданий посвящены вопросам эсхатологии и экзегетики, «национальному еврейскому вопросу», истории караимизма, еврейской публицистики и романистики. Что характеризует мировоззрение Моисея Симовича Сарача и сферу его предпочтений в области собирательства книг. Редкие издания, книжные памятники относились к памятникам национального уровня и составляли не более 5% от всего количество книг и рукописей, но их ценность несомненна. «Список М. С. Сарача» позволяет реконструировать часть фондов «Карай-Битиклиги» и является важнейшим источником для получения информации о качественном и количественном составе коллекции.

Список использованных источников и литературы

1. Яцунок Е. И. Современная постановка проблемы сохранения книжных памятников и пути ее решения / Е. И. Яцунок // Государственная политика в области сохранения библиотечных фондов: Материалы Всерос. совещ. руководителей федер. и центр. субъектов РФ 10-14 апр. 2000 г. – СПб. – 2000. – С. 109–114.
2. Ковальчук Г. И. Книжные памятники (редкие и ценные книги) в библиотечных фондах / Г. И. Ковальчук. – К.: НБУВ, 2004. – 435 с.
3. Евпаторийский краеведческий музей, фонды. – д. 5483. (Список книг С. М. Сарача; 1921). – 18 л. Евпаторийский краеведческий музей. – Фонды. – Д. 5483. (Spisok knig S. M. Saracha; 1921). – 18 l.
4. Непомнящий А. А. Утраченная коллекция : новые документы о судьбе караимского книжного собрания Карай-Битиклиги / А. А. Непомнящий // Стародруки і рідкісні видання в університетській бібліотеці : матер. Міжн. книгознавчих читань, м. Одеса 14–16 вер. 2009 р. : зб. ст. / упор. : О. В. По-

**КНИЖНЫЕ РАРИТЕТЫ «КАРАЙ-БИТИКЛИГИ»: ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ
НА ПРИМЕРЕ «СПИСКА М. С. САРАЧА»**

левщикова, В. А. Самодурова, О. В. Суворовцева ; Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова. – Одеса : Астропринт, 2010. – С. 199–217.

Nepomnyaschiy A. A. Utrachennaya kolleksiya : novyye dokumenty i o sudbe karaimskogo knizhnogo sobraniya Karay-Bitikligi / A. A. Nepomnyaschiy // Starodruki i ridkicni vidannya v universitetskiy bibliotetsi : mater. Mizhn. knigoznavchih chitan, m. Odesa 14–16 ver. 2009 r. : zb. st. / upor. : O. V. Polevschikova, V. A. Samodurova, O. V. Suvorovtseva ; Odes. nats. un-t im. I. I. Mechnikova. – Odesa : Astroprint, 2010. – S. 199–217.

5. Фиркович М. [Я.] Национальная караимская библиотека при Духовном Правлении «Карай Битиклиги» / М. Я. Фиркович // Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления. – 1917. – № 2. – Июнь. – С. 8–9.

Firkovich M. [Ya.] Natsionalnaya karaimskaya biblioteka pri Duhovnom Pravlenii «Karay Bitikligi» / M. Ya. Firkovich // Izvestiya Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravleniya. – 1917. – № 2. – Iyun. – S. 8–9.

6. Фиркович М. [Я.] Национальная караимская библиотека при Духовном Правлении «Карай Битиклиги» / М. Я. Фиркович // Известия Таврического и Одесского караимского духовного правления. – 1917. – № 5/6. – Ноябрь. – С. 41–43.

Firkovich M. [Ya.] Natsionalnaya karaimskaya biblioteka pri Duhovnom Pravlenii «Karay Bitikligi» / M. Ya. Firkovich // Izvestiya Tavricheskogo i Odesskogo karaimskogo duhovnogo pravleniya. – 1917. – № 5/6. – Noyabr. – L. 41–43.

7. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. Р-138, (Евпаторийский краеведческий музей), оп. 1, д. 1. (Протоколы заседаний сотрудников, удостоверения служащих, переписка по личному составу; 03. 12. 1920–15. 12. 1921), 221 л.

Gosudarstvennyiy arhiv Respubliki Kryim (GARK), f. R-138, (Evpatoriyskiy kraevedcheskiy muzey), op. 1, d. 1. (Protokolyi zasedaniy sotrudnikov, udostovereniya sluzhaschih, perepiska po lichnomu sostavu; 03. 12. 1920–15. 12. 1921), 221 l.

8. Ельашевич С. С. Карай-Битиклиги // Известия Караимского духовного правления. – 1918. – № 2. – Декабрь. – С. 11–13.

Elyashevich S. S. Karay-Bitikligi // Izvestiya Karaimskogo duhovnogo pravleniya. – 1918. – № 2. – Dekabr. – S. 11–13.

9. Парафило Д. М. К биографии заведующего библиотекой «Карай-Битиклиги» С. С. Ельашевича / Д. М. Парафило // Матеріали 9-ї Всеукр. наук. конф. : «Актуальні питання історії науки і техніки». м. Житомир, 7–9 жовт. 2010 р. / Центр пам'яткознавства НАН України і УТОPIK. – К., 2010. – С. 348–350.

Parafilo D. M. K biografii zaveduyuschego bibliotekoy «Karay-Bitikligi» S. S. Elyashevicha / D. M. Parafilo // Materlali 9-Yi Vseukr. nauk. konf. : «Aktualni pitannya Istoriyi nauki i tehniki». m. Zhitomir, 7–9 zhovt. 2010 r. / Tsentr pam`yatkoznavstva NAN Ukraini i UTOPIK. – K., 2010. – S. 348–350.

Parafilo D. M. Book rarities «Kara-Bitikligi»: the experience of reconstruction of the example of the «List of M. S. Sarach» / D. M. Parafilo // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 57–62.

In the first time on the basis of a synthesis of unknown archival and published sources, the picture is restored reconstruction of the book and manuscript collection «Kara-Bitikligi» for example, «List of M S Sarach. The first period in the history library from 1916 to 1920 years, associated with the names of the first two custodians M. J. Firkovich and S. S. El'yashevich - representatives Karaitе intellectuals of the late 19th century, early 20th century. It was thanks their diligence has been working on the primary part private collections in cataloging, admitted to «Kara-Bitikligi» Published archival documents on the history of the Karaitе community in the XIX century.

One of the directions of scientific work S. S. El'yashevich was compiling inventories of private collections, the library received from philanthropists. S. S. El'yashevich was inventory the private collection of M S. Sarach received books, which is currently stored in the funds Evpatorian Regional Museum. Handwritten list originally included 19 sheets, 408 rooms describing 440 books. To date, survived 18 sheets. Not enough sheet number 6 and Room 119 on the list with 168 Accordingly it is possible to trace the description of 390 books of

440 Inventory drawn up in three columns. The first indicates the number of volumes in the second number of volumes in the third summarizes the bibliographic information (author's name, place and year of publication, notes).

Thematically «List M S Sarach» can be divided into six parts. The first part consists of religious literature is 131 - 33% of the total number of books, correspond to the numbers from 1 to 118 and 169 – 175. The second part of the list presented by Jewish magazines «HaAsmal», «Ha heif», «Ha Yasir». The third part includes essays on the history of the Karaites, Jewish and world history. A total of 48 volumes, 12% of the total number of publications, with 192 rooms on 238. The fifth part - dictionaries, manuals, books on Jewish and Karaite grammar, translations into Russian Karaites dogmatic books, handwritten essays. A total of 38 volumes, 10% of the total number of books on the list of numbers from 373 to 418 The fourth part is displayed Jewish secular literature, are novels, poems, translations of other authors into Hebrew. Total of 152 volumes, 39% of the total number of publications on the list of numbers from 239 to 372

Keywords: «Karai-Bitikligi», library, rarities book monuments, collection, S. S. El'yashevich, M. S. Sarach

УДК 94(477.75):351.746.1

ЖАНДАРМЕРИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Пасечников И. А.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
E-mail: info_ingvar@list.ru*

Рассматривается организация и деятельность жандармерии Таврической губернии в первой половине XIX века. Показаны причины формирования первых жандармских подразделений на территории Крымского полуострова. Анализируется их работа в составе Отдельного корпуса внутренней стражи. Особое внимание уделено предпосылкам и непосредственному превращению жандармских команд в орган политической полиции Российской империи. Отдельно отмечена структура жандармерии в рамках всего государства и Таврической губернии в частности. Представлен штат сотрудников политической полиции и их финансирование. Также указаны требования к кандидатам на службу в Корпус жандармов. Дается характеристика условиям, особенностям и проблемам службы. Выделены наиболее яркие эпизоды участия органов политической полиции в поддержании государственных устоев и порядка на вверенной им местности. Освещается деятельность чинов Корпуса жандармов накануне Крымской войны 1853–1856 гг. Предпринята попытка определения роли органов государственной безопасности царской России в историческом процессе на территории Крыма и Северной Таврии в указанный период.

Ключевые слова: Таврическая губерния, политическая полиция, Корпус жандармов, жандармские команды, III Отделение.

ВВЕДЕНИЕ

Среди большого количества служб и ведомств государственного аппарата Российской империи, действовавших в XIX веке на территории Таврической губернии, особое место занимает царская жандармерия – орган политической полиции, являвшийся одним из столпов, поддерживавших и охранявших существовавшие устои во вверенной ему местности.

В настоящее время в историографии организация и деятельность жандармерии Крыма и Северной Таврии на начальном этапе её существования остается практически неизученной. Среди исследователей, обращавшихся к проблеме функционирования Корпуса жандармов на территории Севастополя, можно выделить С. В. Бородина, В. И. Королёва, В. В. Крестьянникова, А. Р. Кучеренко. Однако тема деятельности органов политической полиции в XIX веке в их работах не освещена, либо затрагивается лишь фрагментарно [1]. Подобное положение дел приводит к неточностям и прямым ошибкам при описании исследователями более поздних периодов истории жандармерии Таврической губернии.

Таким образом, главной целью нашего исследования является изучение организации и деятельности органов политической полиции Таврической губернии в период её становления и первоначального развития в первой половине XIX века.

1. ПОЯВЛЕНИЕ ПЕРВЫХ ЖАНДАРМСКИХ КОМАНД (1817–1826)

Возникновение жандармских частей на территории Таврической губернии связано с утверждением 1 февраля 1817 года императором Александром I положения

«Об учреждении жандармов внутренней стражи», разработанного генералом А. А. Аракчеевым, возглавлявшим Государственный совет и Комитет министров [2, л. 2]. Среди причин формирования нового подразделения в официальном распоряжении указывалась полная зависимость существовавших ранее полицейских драгунских команд от гражданского ведомства, имевших одинаковую с внутренней стражей обязанность службы, что создавало сильные неудобства [2, л. 8]. Согласно императорскому указу, в 56 губернских, и некоторых портовых городах Российской империи, в составе Корпуса внутренней стражи учреждались жандармские конные команды. Непосредственно на территории Таврической губернии были сформированы Симферопольская губернская и Феодосийская портовая жандармские команды. Первая состояла при местном гарнизонном батальоне и насчитывала 30 чинов (1 обер-офицер, 1 вахмистр, 3 младших унтер-офицера, 24 рядовых и 1 нестроевой кузнец-коновальный), вторая – при инвалидной команде и насчитывала 15 чинов (1 вахмистр, 1 младший унтер-офицер, 12 рядовых и 1 нестроевой кузнец) [3]. При этом указывалось, что начальники жандармов обязаны были служить губернскому начальству и получать приказы от командиров тех воинских подразделений, при которых состояли вверенные им команды [2, л. 7, 9].

В исполнение особой инструкции от 9 февраля 1817 года командирам жандармских частей предписывалось набирать в свои ряды только «исправнейших и способнейших чинов, преимущественно служивших в кавалерии» [2, л. 8]. Сама служба чинов новых подразделения в период с 1817 по 1827 год во многом совпадала с обязанностями внутренней стражи, которые делились относительно воинского и губернского начальства. Отличия заключались в том, что хотя жандармы не собирали податей и не охраняли острогов и присутственных мест, но, в то же время, обязаны были сопровождать важные экипажи, доставлять секретные пакеты губернаторам, градоначальникам и полицмейстерам [2, л. 9]. Ярким примером высокого доверия к чинам жандармерии со стороны властей на этом этапе может служить тот факт, что уже в 1818 году именно они сопровождали важнейшие грузы, среди которых были и денежные суммы, достигавшие 100 тысяч рублей [4, л. 1].

Таким образом, начальный этап в истории жандармерии Таврической губернии был связан со службой под контролем начальников внутренней стражи, и не был напрямую связан с охраной государственной безопасности. Однако именно в этот период жандармские чины привлекли к себе внимание, как наиболее пригодные для выполнения столь ответственной задачи, которую в будущем возложит на них новый император и генерал А. Х. Бенкендорф.

2. ЖАНДАРМЕРИЯ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ КАК ОРГАН ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ (1827–1852)

В истории российской жандармерии 1827 год ознаменовался важнейшим событием, обусловившим весь период её дальнейшего существования. 28 апреля был издано подписанное императором Николаем I положение о создании Корпуса жандармов, ставшего исполнительным органом III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Фактически это означало превращение данного подразделения в орган государственной безопасности империи – высшую полицию,

хотя окончательное выделение жандармских частей из состава внутренней стражи произошло лишь в 1836 году [5, с. 250]. Согласно проекту первого Шефа жандармов генерала А. Х. Бенкендорфа, вся территория российского государства была поделена сначала на пять, а затем на восемь жандармских округов, в каждый из которых входило от пяти до восьми губерний. Таврическая губерния с 1827 по 1832 год входила в состав IV, а с 1832 – V жандармского округа, во главе которого стоял генерал, подчинявшийся непосредственно Шефу жандармов [6, с. 112]. В губернию назначался штаб-офицер в чине от майора до полковника, главной задачей которого являлся контроль и руководство основными структурными единицами жандармерии – губернскими командами. На территории Крыма и Северной Таврии в середине XIX века существовало 3 жандармских команды, общей численностью 91 человек (включая нестроевых чинов: писарей, кузнецов, коновалов, денщиков): Симферопольская, Севастопольская (учреждена в качестве портовой команды приказом Военного министра от 14 июня 1837 года) и Феодосийская (в связи с упразднением Феодосийского градоначальства, приказом от 27 ноября 1838 года команда была переведена в Керчь и переименована в Керченскую портовую жандармскую команду) [6, с. 113]. Следует также отметить, что первыми идею о необходимости учреждения отдельных жандармских частей в таких стратегически важных пунктах, какими являлись города Керчь и Севастополь, выдвигали еще в конце 1820-х годов генерал-губернатор Новороссии граф М. С. Воронцов, командир Отдельного корпуса внутренней стражи граф Е. Ф. Комаровский и командующий Черноморским флотом адмирал А. С. Грейг [7, л. 2; 8, л. 2]. Однако, из-за бюрократических проволочек, их предложения были учтены и осуществлены лишь спустя многие годы.

Процесс комплектования портовых и губернских команд органов политической полиции был отмечен определенными особенностями. Все изъявившие желание служить в Корпусе жандармов должны были пройти строгий отбор. В частности, в указе императора Николая I от 25 марта 1835 года говорилось, что на жандармскую службу следует принимать людей «здорового телосложения, роста не менее 2 аршин 4 вершков (около 160 см.) и благовидной наружности, неукоризненной нравственности, сметливых и расторопных, состоявших в военной службе не менее 5 лет, основательно знающих кавалерийскую службу при способности к оной». Еще более строгий отбор проходили кандидаты на офицерские должности. Ими могли быть офицеры с 25 лет, трезвого поведения, не имеющие долгов, принадлежавшие к дворянскому сословию. Важнейшим условием была политическая благонадежность. Не допускались в офицеры Корпуса жандармов лица, женатые на католичках, а также евреи (даже крещенные). Дополнительную проверку проходили поляки. Благоприятные перспективы были у тех, кто имел сильную протекцию или отличные рекомендации. Обязательной была подписка о непринадлежности к тайным обществам [5, с. 251]. Примером столь тщательного отбора может служить характеристика начальника Симферопольской жандармской команды М. Н. Озерова. Он происходил из дворян Пензенской губернии, служил капитаном в Белостокском пехотном полку, в 1813–1814 гг. участвовал в походе в Польшу, Пруссию и Саксонию, принимал непосредственное участие в сражениях, и к 30 годам дослужился до звания майора [9, л. 16].

В то же время, несмотря на столь высокие требования к кандидатам, общее положение рядовых чинов политической полиции мало отличалось от других военно-служащих. Так, как сообщал в своих донесениях губернатору штаб-офицер полковник П. И. Вадов, в Симферопольской жандармской казарме было так тесно, что с большим трудом позволяло разместить там основной штат вверенной ему команды [10, л. 1]. Кроме того, не хватало даже простых котлов, годных для приготовления пищи [11, л. 1]. Положение жандармских офицеров в Крыму было более комфортным. Они получали от местной казенной палаты квартирные деньги в сумме до 1000 руб. в год, а также средства на наём помещения и содержание управления и канцелярии губернского штаб-офицера [12, л. 1]. Согласно указам Правительствующего Сената, денежные выплаты должны были осуществляться и на различные служебные командировки чинов жандармерии, однако они не всегда вовремя доходили до своего прямого адресата, что вынуждало сотрудников политической полиции оплачивать необходимые поездки за свой счет [13, л. 2].

Касательно жалования чинов Корпуса жандармов, то оно было достаточно высоким на фоне других воинских подразделений Российской империи. Так начальник жандармской команды получал 800 рублей в год, унтер-офицер – от 30 до 40 руб. (в зависимости от оклада), рядовой – от 15 до 25 руб. Из нестроевых чинов писарь зарабатывал 60 рублей в год, коновал – 20 руб., кузнец – 20 руб., а денщик – 7 руб. 40 коп. К тому же за образцовую службу сотрудники жандармерии нередко получали премии и вознаграждения [14].

На заре своей деятельности чинам новообразованной политической полиции губернии пришлось столкнуться с антиправительственным проявлением на вверенной им территории. Во время так называемого Чумного бунта в Севастополе в 1830 году, представители Корпуса жандармов, в лице губернского штаб-офицера майора Локателли, принимали активное участие в его подавлении, розыске мятежников и последующих расследованиях [15, с. 90, 109, 110]. Однако, с окончанием этих трагических событий, практическая деятельность крымских «голубых мундиров» (прозванных так за характерный цвет униформы), в связи с относительным политическим спокойствием в губернии, на долгие годы свелась к понуждению к исполнению законов и приговоров судов. Чины ее посылались на поимку беглых крестьян, задержание беспаспортных лиц, на преследование воров, контрабандистов, «запрещенных скопищ», препровождение важных преступников и арестантов, участие в рекрутских наборах, расследование крупных пожаров и преступлений [16, с. 63]. Жандармы присутствовали в качестве временных комендантов на ярмарках (на Никольской в Каховке и Покровской в Симферополе), торжищах, церковных и народных празднествах, гуляньях [17, л. 1]. Одним из направлений деятельности сотрудников политической полиции губернии стали проверки качества работы представителей местной администрации, в частности, общей полиции, с которой жандармам, согласно указаниям, необходимо было сотрудничать [18, л. 2]. Наибольшую активность в подобных наблюдениях проявил начальник Феодосийской жандармской команды капитан А. Е. Адияевич. Только в течение 1836 года им было составлено 4 рапорта, в которых он указывал губернатору на нерегулярность ночных полицейских обходов, резкий рост преступности, увеличение числа беспаспортных лиц в

Рис. 1. Рядовой жандармских команд (1817 г.)

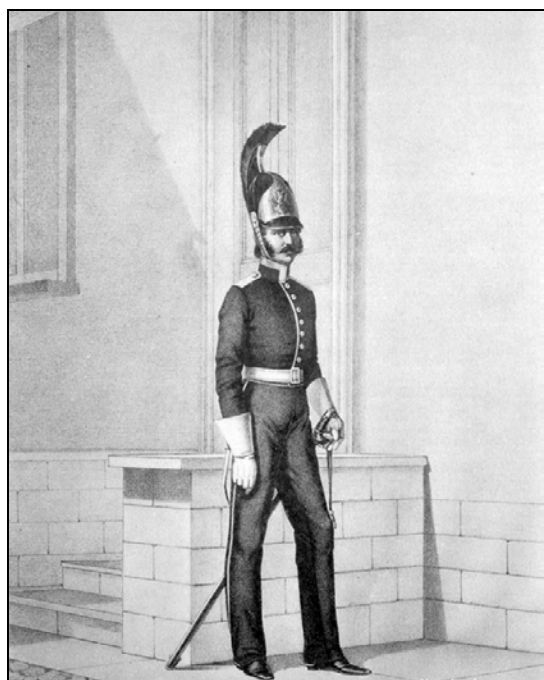

Рис. 2. Унтер-офицер жандармских команд (1826 г.).

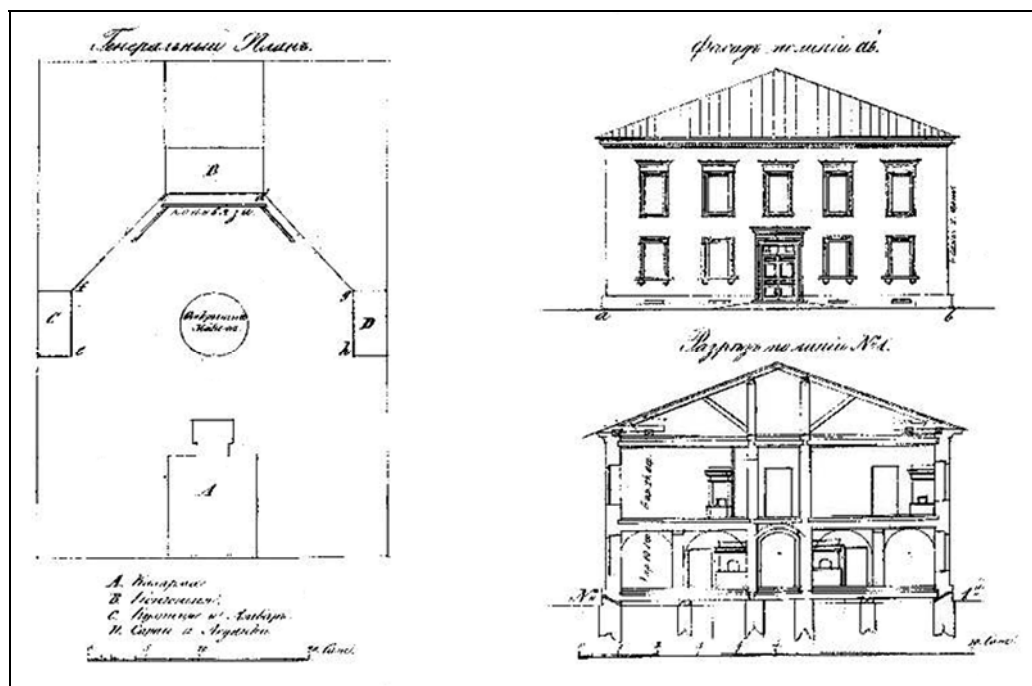

Рис. 3. Проект на постройку казармы и канцелярии жандармской команды в Керчи (1844 г.)

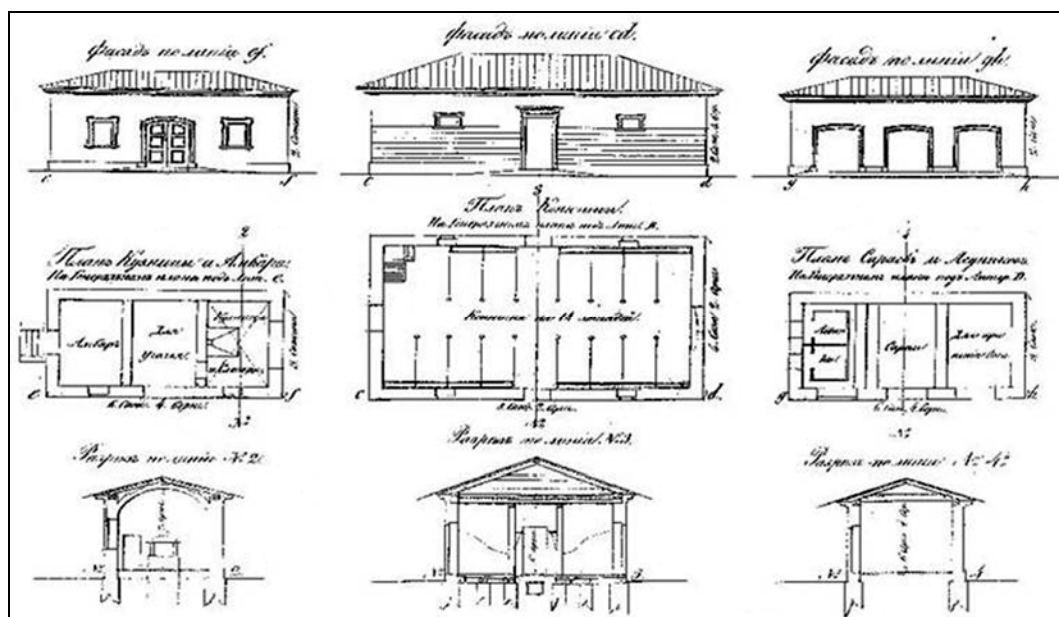

Рис. 4. Проект на постройку конюшни и служб при жандармской команде в Керчи (1844 г.)

Феодосии [19, л. 3, 11]. Адияевич также упоминал о том, что из-за недостаточной бдительности городской полиции на рынках и в питейных заведениях мошенники безнаказанно производят обмеры покупателей. Все свои рапорты капитан писал непосредственно на имя гражданского губернатора, что вызывало крайнее раздражение местного руководства общей полиции, протестовавшего против подобного своеволия жандармов [19, л. 2]. Однако последнее слово в данном споре осталось за губернатором, который полностью поддержал Адияевича, и просил его и впредь сообщать о подобных вещах [19, л. 5].

Помимо своих прямых обязанностей, чины политической полиции Таврической губернии выполняли и особые распоряжения глав местного госаппарата. Так, в августе 1842 года Таврический губернатор М. М. Муромцев просил губернского штаб-офицера подполковника Схалеева принять участие в расследовании громкого дела о попытке похищения его дочери Елизаветы [20, с. 177]. Проведенное жандармами дознание выявило двух подозреваемых – местного крымского татарина, а также ранее работавшего в доме правителя Тавриды учителя музыки, который якобы питал к Елизавете любовные чувства и планировал бежать с ней за границу. Однако полную вину ни одного из них доказать так и не удалось, а потому дело вскоре закрыли [20, с. 197]. Другой губернатор – В. И. Пестель в сентябре 1846 года обращался к штаб-офицеру полковнику А. Ф. Боасселю с тем, чтобы тот назначал жандармов для борьбы с «кулачниками и барышниками», которые перекупали привозимые в Симферополь жизненные припасы, и с которыми общая полиция справиться не могла [21, л. 1].

Самым громким делом «голубых мундиров» Таврической губернии в первой половине XIX века стал розыск разбойника Алима Азамат-оглу, который на протяжении 1848–1849 годов терроризировал губернию своими нападениями на экипажи и дома состоятельных господ [22, л. 17]. Чины жандармских команд принимали активное участие в его поимке, однако из-за первоначальных неудач руководству местной политической полиции даже грозили из Санкт-Петербурга серьезными взысканиями и снятием с должностей [22, л. 20]. Но после того как «крымский Робин Гуд» был наконец-то арестован, и отправлен в 1850 году под конвоем на каторгу в Сибирь, жандармам была выражена личная благодарность Таврического губернатора за особое усердие в работе [22, л. 44].

ВЫВОДЫ

Первую половину XIX века в истории жандармерии Таврической губернии можно назвать периодом становления и первоначального развития. За эти годы были заложены основы организации и практической деятельности, обеспечивший её быстрый переход от элитного подразделения внутренней стражи к органу политической полиции империи, который взял под свой контроль практически всю территорию Крыма и Северной Таврии. В то же время, данный период характеризовался относительной стабильностью и отсутствием серьезных потрясений, что резко изменилось с началом Крымской войны, ставшей настоящим испытанием для чинов политической полиции Таврической губернии.

Список использованных источников и литературы

1. Бородин С. В. Севастопольское жандармское управление в борьбе с революционным движением в 1905 году / С. В. Бородин // Культура народов Причерноморья. – 1999. – № 6. – С. 283–287 ; Королёв В. И. Действовать энергично и по закону. История политической полиции Крыма / В. И. Королёв. – Симферополь : АнтикВА, 2007. – 196 с. ; Он же. Жандармы Крыма. Кто они? / В. И. Королёв // Историческое наследие Крыма. – 2007. – № 17. – С. 56–61 ; Крестьянников В. В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX – нач. XX века / В. В. Крестьянников // Историческое наследие Крыма. – 2008. – № 21. – С. 85–89 ; Кучеренко А. Р. Діяльність адміністративно-поліцейських органів Таврійської губернії на рубежі XX ст. / А. Р. Кучеренко // Культура народов Причерноморья. – 2006. – № 96. – С. 117–120 ; Он же. Полиция Таврической губернии на спаде революции (1906–1907 гг.) / А. Р. Кучеренко // Культура народов Причерноморья. – 2007. – № 122. – С. 25–29.
- Borodin S. V. Sevasto-pol'skoe zhandarmskoe upravlenie v bor'be s revoljucionnym dvizheniem v 1905 godu / S. V. Borodin // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 1999. – № 6. – S. 283–287 ; Koroljov V. I. Dejstvovat' jenergichno i po zakonu. Istorija politicheskoj policii Kryma / V. I. Koroljov. – Simferopol' : AntikvA, 2007. – 196 s. ; On zhe. Zhandarmy Kryma. Kto oni? / V. I. Koroljov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2007. – № 17. – S. 56–61 ; Krest'jannikov V. V. Organy politicheskogo syska v Sevastopole v konce XIX – nach. XX veka / V. V. Krest'jannikov // Istoricheskoe nasledie Kryma. – 2008. – № 21. – S. 85–89 ; Kucherenko A. R. Dijal'nist' administrativno-policejs'kih organiv Tavrijs'koj gubernii na rubezhi XX st. / A. R. Kucherenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2006. – № 96. – S. 117–120 ; On zhe. Policija Tavricheskoj gubernii na spade revoljucii (1906–1907 gg.) / A. R. Kucherenko // Kul'tura narodov Prichernomor'ja. – 2007. – № 122. – S. 25–29.
2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК), ф. 26 (Канцелярия Таврического губернатора), оп. 1, д. 2628.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. 26 (Kanceljarija Tavricheskogo gubernatora), op. 1, d. 2628.
3. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. 1649 – 1825 : в 45 т. – СПб. : Тип. 2 Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 43. Ч. 2. Книга штатов. Продолжение отд. 1. – 1830. – № 26650.
Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZ RI). Sobr. 1. 1649 – 1825 : v 45 t. – SPb. : Tip. 2 Otd. Sobstvennoj E. I. V. kanceljarii, 1830. – T. 43. Ch. 2. Kniga shtatov. Prodolzhenie otd. 1. – 1830. – № 26650.
4. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 3389.
GARK, f. 26, op. 1, d. 3389.
5. Измозик В. С. Политический розыск ведет Третье Отделение (1826–1880 годы) / В. С. Измозик // Жандармы России / сост. В. С. Измозик. – СПб. : Нева ; М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2002. – С. 248–278.
Izmozik V. S. Politicheskij rozysk vedet Tret'e Otdelenie (1826–1880 gody) / V. S. Izmozik // Zhandarmy Rossii / sost. V. S. Izmozik. – SPb. : Neva ; M. : OLMA-PRESS, 2002. – S. 248–278.
6. Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск : в 19 ч. / А. В. Висковатов. – СПб. : тип. В. С. Балашев и Ко, 1899. – Ч. 19 : 1825–1855. – 1902. – 348 с.
Viskovatov A. V. Istoricheskoe opisanie odezhdy i vooruzhenija rossijskih vojsk : v 19 ch. / A. V. Viskovatov. – SPb. : tip. V. S. Balashev i Ko, 1899. – Ch. 19 : 1825–1855. – 1902. – 348 s.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 110 (Штаб Отдельного корпуса жандармов), оп. 2, д. 145. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), f. 110 (Shtab Otdel'nogo korpusa zhandarmov), op. 2, d. 10.
8. Ibid, д. 145.
Ibid, d. 145.
9. Ibid, д. 271.
Ibid, d. 271.
10. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 11364.
GARK, f. 26, op. 1, d. 11364.
11. Ibid, д. 12187.
Ibid, d. 12187.
12. Ibid, д. 10816.
Ibid, d. 10816.
13. Ibid, д. 20440.

Ibid, d. 20440.

14. ПСЗ РИ. Собр. 2. 12 декабря 1825 – 28 февраля 1881 : в 55 т. – СПб. : тип. 2 Отд. Собственной Е. И. В. канцелярии, 1830. – Т. 11 : 1836. отд. 2. – 1837. – № 9355. PSZ RI. Sobr. 2. 12 dekabrja 1825 – 28 fevralja 1881 : v 55 t. – SPb. : tip. 2 Otd. Sobstvennoj E. I. V. kanceljarii, 1830. – T. 11 : 1836. otd. 2. – 1837. – № 9355.

15. Полканов А. И. Севастопольское восстание 1830 года : по арх. материалам / А. И. Полканов. – Симферополь : Гос. изд-во Крым. АССР, 1936. – 147 с.

Polkanov A. I. Sevastopol'skoe vosstanie 1830 goda : po arh. materialam / A. I. Polkanov. – Simferopol' : Gos. izd-vo Krym. ASSR, 1936. – 147 s.

16. Абакумов О. Ю. «Око земного бога» (Корпус жандармов на рубеже 50–60-х гг. XIX в. : традиции и новации) / О. Ю. Абакумов // Освободительное движение в России. – 2000. – Вып. 18. – С. 61–78.

Abakumov O. Ju. «Oko zemnogo boga» (Korpus zhandarmov na rubezhe 50–60-h gg. XIX v. : tradicii i novacii) / O. Ju. Abakumov // Osvoboditel'noe dvizhenie v Rossii. – 2000. – Вып. 18. – С. 61–78.

17. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 15168.

GAARK, f. 26, op. 1, d. 15168.

18. Ibid, д. 15420.

Ibid, d. 15420.

19. Ibid, ф. 45 (Канцелярия Феодосийского градоначальника), оп. 1, д. 493.

Ibid, f. 45 (Kanceljarija Feodosijskogo gradonachal'nika), op. 1, d. 493.

20. Маркевич А. И. Дело о похищении губернаторской дочери / А. И. Маркевич // ИТУАК. – 1919. – № 56. – С. 177–198.

Markevich A. I. Delo o pohishhenii gubernatorskoj dochki / A. I. Markevich // ITUAK. – 1919. – № 56. – С. 177–198.

21. ГАРК, ф. 26, оп. 1, д. 15345.

GARK, f. 26, op. 1, d. 15345.

22. ГАРФ, ф. 109 (III Отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии), оп. 188, д. 198.

GARF, f. 109 (III Otdelenie Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva kanceljarii), op. 188, d. 198.

Pasechnikov I. A. The gendarmerie of Taurida governorate in the first half of the XIX century / I. A. Pasechnikov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 63–72.

The article examines the organization and activities of the gendarmerie of Taurida Governorate in the first half of the XIX century. Special attention was paid to the reasons of the formation of the first gendarme units on the Crimean peninsula. The structure of the gendarmerie throughout the State and the Tauride province in particular had been analyzed. The staff of the political police and its financing had been represented. The requirements for candidates to serve in the Corps of Gendarmes had been identified. The most vivid episodes of participation of the political police in maintaining the public order had been selected. The activities on the eve of the Crimean War 1853–1856 have been separately marked. An attempt to determine the role of the gendarmerie in the historical process in the Crimea and Northern Tavria was made. The Special Corps of Gendarmes was the uniformed security police of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries. Its main responsibilities were law enforcement and state security. The responsibilities of the Gendarmes also included the execution of court orders, pursuit of fugitives, riot control, and detainment of «unusual» criminals. Gendarmes could also be assigned to assist local police and officials. Following the 1825 revolt, the new tsar, Nicholas I, created the office of the Chief of Gendarmes in July 1826 and appointed General Count Alexander Benkendorf to it; all of the Gendarmes were subordinate to the Chief. Benkendorf was also appointed Executive Director of the newly created Third Section of the Imperial Chancellery, although the office of the Head of the Third Section was not formally merged with Chief of Gendarmes until 1839. In 1827, the Gendarmerie was transformed into the Special Corps of Gendarmes, under the Chief of Gendarmes. The Commander of the Corps and Chief of Staff of the Corps were also Directors of the Third Section under the Executive Director. The Corps was divided

into seven territorial Districts, six of them located in Russia and one in the Kingdom of Poland, each having a Directorate. The Main Directorate, along with additional Gubernial Directorates, was also created. In the article the little-known sources and archival documents had been used.

Keywords: The Taurida Governorate, the political police, The Corps of gendarmes, gendarme squads, Third Section of the Imperial Chancellery.

РЕЦЕНЗИИ

УДК 281.9+323.35:351.853(477.75)

НЕ ЛУЧШЕ ЛЬ НА СЕБЯ, МОЙ ДРУГ, ОБОРОТИТЬСЯ...: ОТВЕТ НА РЕЦЕНЗИЮ Н. И. ХРАПУНОВА*

Калиновский В. В.

*Таврический национальный университет имени В. И. Вернадского,
Симферополь, Российская Федерация
E-mail: kalinovskiy@ukr.net*

Статья является ответом на предвзятую и некомпетентную рецензию сотрудника Института востоковедения (г. Симферополь) Н. И. Храпунова на монографию В. В. Калиновского. Рецензент, не будучи специалистом в церковной истории, пытается в поучительном тоне критиковать недостатки книги, преимущественно мнимые. Ответ обосновывает неуместность подобного подхода. Желание рецензента лишней раз поддеть критикуемую монографию приводит к обратному эффекту – Н. И. Храпунов демонстрирует незнание норм орфографии русского языка и полное отсутствие представлений о церковной терминологии. Самостоятельно придумав за автора задачи исследования, Никита Игоревич «с успехом» обосновывает их несостоятельность. Граничит с саморекламой желание критика упрекнуть В. В. Калиновского в игнорировании ссылок на записки британских путешественников по Крыму, над переводами которых уже много лет работает рецензент и которые никоим образом не относятся к церковному крымоведению. Курьезом выглядит претензия Н. И. Храпунова к отсутствию упоминания немецкого перевода книги екатеринбургской исследовательницы А. И. Романчук при наличии ссылки на оригинальный русскоязычный текст ее работы. Анекдотично смотрятся и упреки по отношению к иллюстрациям монографии, предъявленные соавтором «Краткой истории Крыма», известной многочисленными ошибками, в том числе в иллюстративной части. В заключение приведен список рецензий на монографию В. В. Калиновского.

Ключевые слова: церковное крымоведение, критика, источниковедение.

Поэт Сергей Владимирович Михалков в одной из басен представил на читательский суд такую историю: слон написал пейзаж и перед отправкой картины на вернисаж пригласил других зверей, чтобы те оценили получившееся произведение. Животные принялись давать советы, которые, по их мнению, могли улучшить полотно. К примеру, свинья предложила добавить на холст изображение желудей. Слон постарался угодить всем, и когда он снова позвал гостей, те взглянули на картину и произнесли: «Ералаш!». Мораль такова: «На всех друзей не угодишь, себе же только навредишь».

С момента публикации басни прошло много лет, а желание давать советы и ценные указания у многих только усилилось. Особенно это касается мира науки, где люди, далекие от тематики публикаций, считают необходимым навязчиво предлагать снисходительно-поучительные советы коллегам. Для наглядности по-

* Храпунов Н. И. Рец. на: Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непечатый уголок»: Церковное крымоведение (1837–1920). – Киев; Симферополь: Антикава, 2012. – 340 с., ил. // Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды и Крымское отд. Ин-та востоковедения НАН Украины. – Симферополь; Керчь, 2014. – Вып. 19. – С. 516–525.

зволю себе немного осовременить сюжет указанной басни. В этот раз слон подготовил монографию по церковному крымоведению – первое в своем роде исследование, не лишённое, наверное, отдельных недоработок. Данная публикация была благосклонно принята рецензентами – авторитетами в области археологии и истории церкви. И вдруг о себе напомнили герои михалковской басни, решившие показать слону, как надо писать книги и на кого надо ссылаться: крокодил–знаток устройства администрации византийского Херсона; тюлень, специализирующийся на переводах записок путешественников, и крот, известный как соавтор скандально известной книги по «очень краткой» истории Крыма – с обилием грубых ляпов и опечаток, в том числе – на обложке. Вся эта компания, воплощенная в одном лице, решила самовыразиться посредством рецензии. Впрочем, на этот раз трудно будет ждать от слона беспрекословного следования советам, как трудно будет ждать и безропотного молчания.

Вернемся в мир деятелей науки. В девятнадцатом выпуске «Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии» на мою книгу решил обрушиться сотрудник Крымского отделения Института востоковедения Никита Игоревич Храпунов. С некоторыми его рекомендациями можно согласиться, на отдельные – безапелляционные и граничащие с домыслами и саморекламой – позволю себе ответить.

Уже первые абзацы рецензии Н. И. Храпунова демонстрируют новаторский подход рецензента к обзору книг. Он сам формулирует и намеренно искажает задачи рассматриваемого издания, чтобы потом упрекнуть автора в их невыполнении. Итак, по мнению Н. И. Храпунова, задача монографии – «освятить деятельность представителей церкви по изучению и охране памятников древности в Крыму, а также их взаимодействию со светскими научными учреждениями» [1, с. 516]. Оставим на совести рецензента неуместность употребления в данном контексте глагола «освятить», дело в другом. Н. И. Храпунов не пожелал увидеть важной ремарки: в предисловии нами отдельно оговорено, что задача монографии – максимально полно осветить все аспекты взаимодействия духовенства и светских ученых, не забывая свершений, но и не замалчивая негативных явлений [2, с. 17]. Где здесь поставленное мне в укор «желание автора позитивно оценить вклад церкви» [1, с. 523]? Поверхностно ознакомившись с предисловием и самостоятельно придумав задачи для нашей монографии, Н. И. Храпунов начал предъявлять во многом надуманные претензии. Так, его раздражает наличие в книге биографий священнослужителей, чья деятельность была связана с изучением прошлого, хотя наличие такой задачи отдельно оговаривается автором [2, с. 16]. Ответим просто – история без персоналий невозможна.

Еще один абсолютно выпущенный Н. И. Храпуновым момент – указание нами в предисловии к монографии на ключевой методологический подход, основанный на двойственной трактовке понятия «церковная история» и родственной ему дефиниции «церковное краеведение» [2, с. 17]. Данные термины подразумевают в первую очередь анализ развития церковных структур и действий отдельных представителей духовенства, а также изучение феноменов, возникших непосредственно внутри церкви. В связи с этим церковное краеведение рассматривается на фоне процессов в общественной жизни, культуре и науке. Иными словами, церковное краеведе-

ние – явление в большей степени «церковное», нежели «научное». А потому значительная часть замечаний Н. И. Храпунова, ввиду его некомпетентности в проблеме упорно не желающего видеть этой разницы, выглядит в значительной степени необоснованно.

Не отрицая общих познаний рецензента в истории археологического изучения Крыма, замечу, что от вопросов, связанных с церковью, он крайне далек. Так, Храпунов утверждает, что мое исследование «фактически начинается с рукоположения Херсонского и Таврического епископа Иннокентия в 1848 г.» [1, с. 517]. Но понимает ли Н. И. Храпунов смысл слова «рукоположение» («хиротония»)? Скорее всего, нет. Поскольку в таком случае он не перепутал бы назначение иерарха на Херсонско-Таврическую кафедру с возведением в сан. Рукоположением называется таинство священства, в котором, согласно канону, христианину сообщается особая благодать для учения и священнодействий, т.е. он наделяется правом совершать таинства и обряды. Православие допускает три степени священства для монашества: иеродиакон, иеромонах и епископ (архиерей). Архиепископ Иннокентий (Борисов) был рукоположен во иеродиакона 10 декабря 1823 года, иеромонахом стал 29 декабря того же года, а в сан епископа был хиротисан 21 ноября 1836 года в Казанском соборе Санкт-Петербурга. Впрочем, Н. И. Храпунову для того, чтобы невежественно свысока поучать коллег, знать такие детали вовсе необязательно. Не меньше вопросов вызывает и совершенно некорректное понятие «крымская православная церковь», также им употребленное [1, с. 524].

Еще один укор рецензента – отсутствие ссылок на труды католиков и протестантов [1, с. 517]. Во введении к нашей монографии несколько раз делается акцент, что она посвящена деятельности именно ПРАВОСЛАВНОГО духовенства. Складывается впечатление, что абзац с перечислением священнослужителей написан Н. И. Храпуновым для того, чтобы лишний раз сослаться на собственный перевод записок протестантского миссионера Стевена Греллета (сам себя не похвалишь – никто не вспомнит). В другой части текста рецензент рекомендует мне обогатить сюжет о поиске места крещения князя Владимира Великого сведениями о том, как представляли себе это место путешественники конца XVIII – первой половины XIX веков [1, с. 519]. Откуда я могу об этом узнать? Естественно, из статьи самого Никиты Игоревича. Откуда же еще?! Другое дело – насколько в нашем исследовании действительно нужен этот сюжет?

Еще один казус находим в обзоре историографии, «глубокой проработкой» которой удивляет рецензент. Н. И. Храпунов упрекает нас в незнании немецкого издания книги Аллы Ильиничны Романчук, первая глава которой посвящена истории исследования Херсонеса [1, с. 518]. Предложу читателям, владеющим простейшими логическими приемами и небольшими знаниями немецкого языка, простую задачу. Имеем: книгу известной екатеринбургской исследовательницы А. И. Романчук «Очерки истории и археологии византийского Херсона», на которую, в рецензируемой монографии ссылки, конечно, имеются, и труд того же автора на немецком языке «Studien zur Geschichte und Archäologie des byzantinischen Cherson». Внимание, вопрос: насколько, судя по названию, отличается первая монография от второй? Ответ очевиден. А потому «удивлять и настаивать» отсутствие немецкого перево-

да может только Н. И. Храпунова, который кичливо выпячивает свои познания в языках.

Поверхностное знакомство рецензента с текстом монографии наглядно демонстрирует утверждение, что исследование фактически начинается с 1848 года [1, с. 517]. Обращаю внимание «дотошного» критика и «знатока» церковной истории, что события до этого времени рассмотрены в разделе, посвященном работе православного духовенства в научных обществах [2, с. 280–281]. Это объясняется тем, что работы архиепископа Гавриила (Розанова) о христианских древностях Крыма, ставшие его главным вкладом в церковное краеведение, публиковались на страницах «Записок Одесского общества истории и древностей».

Одно из ключевых слов рецензии Н. И. Храпунова – «непонятно», причем «непонятны» ему чаще всего очевидные утверждения. В качестве примера разберу судьбу Церковного историко-археологического общества Таврической епархии (кстати, его название в рецензии искажено). Никите Игоревичу «понять невозможно» наполнились ли намерения его организаторов реальным содержанием [1, с. 522]. На страницах монографии указано, что с отъездом из епархии в 1913 году главного инициатора создания общества архимандрита Вениамина (Федченкова) организация прекратила активную работу, деятельных преемников не нашлось, а сложные социально-экономические условия того времени, в частности начавшаяся через год Первая мировая война, не позволяли поддерживать деятельность объединения. Неужели этого недостаточно для понимания? [2, с. 321].

Значительная часть упреков рецензента связана с рассмотрением сюжета о проекте архиепископа Иннокентия (Борисова) «Русский Афон», который был связан с восстановлением средневековых монастырей и основанием новых обителей. Ссылаясь на работу североамериканской исследовательницы Мары Козелски, Н. И. Храпунов утверждает, что «амбициозный план архиепископа Иннокентия не ориентировался на изучение прошлого», а «был устремлен в будущее» [1, с. 518]. По его мнению, проект должен был утвердить Россию в качестве покровителя христиан, в том числе живших на территории Османской империи. Интерпретация М. Козелски, которая является догмой для рецензента, далеко не стала такой для большинства исследователей проблемы. Так, общепризнанный авторитет в вопросах взаимоотношений духовенства Таврической епархии и археологов, работавших с крымскими памятниками, екатеринбуржец Андрей Васильевич Шаманаев считает, что связь Русского Афона с внешнеполитическими планами Российской империи не вполне очевидна, а ссылки на перспективы проекта как средства идеологического позиционирования государства в Черноморско-Балканском регионе требуют дополнительного обоснования [3, с. 284–285]. Более того, знакомство с составленной владыкой Иннокентием «Запиской о восстановлении древних святых мест по горам крымским» и перепиской иерарха прямо указывают, что проект архиепископа во многом ориентировался именно на актуализацию истории христианства на полуострове [2, с. 76–77, 83–84].

В критическом раже Н. И. Храпунов несколько раз пытается поставить нам в вину незнание работ коллег, в первую очередь А. В. Шаманаева, отсутствие ссылок на его статьи и публикацию документов. Что ж, упрек абсолютно голословный. В

разделе, посвященном историографии вопроса [2, с. 40–41], я подробно останавливаюсь на многочисленных работах уважаемого екатеринбургского исследователя. В тех случаях, когда в публикациях повторялись какие-либо полнотекстовые документы по взаимодействию Херсонесского монастыря с археологами из Одесского общества истории и древностей и императорской Археологической комиссии, я сознательно не упоминал их в обзоре, поскольку принципиально нового в историю исследования темы они добавить не могли. Более того, я ни в коем случае не посягал на первенство Андрея Васильевича в деле введения в научный оборот некоторых источников, связанных с проведением раскопок в Херсонесе. Этот момент специально оговаривается в монографии [2, с. 128]. Там же объясняется и отсутствие ссылок на работы А. В. Шаманаева по причине выявленных разночтений между текстами архивных документов и публикациями. Важно знать, что данное обоснование не вызвало вопросов у самого Андрея Васильевича (См. рецензию А. В. Шаманаева, кстати, положительную, на нашу монографию [3]).

Еще один сюжет, который, с точки зрения Н. И. Храпунова, значительно обогатил бы рецензируемую монографию – это попытка искусственного удревнения утверждения христианства на Крымском полуострове [1, с. 523]. По мнению рецензента, подобного рода мифы укоренились в общественном сознании в результате деятельности духовенства. В качестве примера развенчания неоправданных с позиций науки датировок он приводит работу Александра Львовича Бертье-Делагарда о Георгиевском монастыре в Балаклаве. Не отрицая справедливости данных высказываний и признавая важность исследований такого рода, отмечу, что подобное предложение выходит далеко за рамки моей работы. Более того, снова имеем дело с поверхностным прочтением Н. И. Храпуновым текста монографии. Сюжет о праздновании предполагаемого тысячелетия Георгиевской обители в 1891 году рассмотрен в книге [2, с. 245–248]. В нем отмечены и значение исследования А. Л. Бертье-Делагарда, и нежелание епископа Таврического Мартиниана (Муратовского) поддерживать инициативу настоятеля монастыря Никандра (Чуватина) о проведении юбилейных торжеств «за отсутствием научных оснований». Внимательный читатель согласится, что последний факт идет вразрез с утверждениями рецензента об исключительно мифотворческой деятельности клира.

Удивительными представляются нам претензии Н. И. Храпунова к иллюстративному сопровождению текста монографии [1, с. 522], которое другие рецензенты уже успели отнести к «несомненным достоинствам книги». Так, Храпунову кажется опять таки непонятным и не имеющим прямого отношения к теме наличие в работе изображения памятника В. М. Долгорукову. Однако если именно служитель церкви подготовил описание данного объекта, то логично сопроводить данный факт соответствующей иллюстрацией. Тем более странно слышать поучения о правильном подборе наглядного материала от соавтора небезызвестной «Краткой истории Крыма», отличающейся безалаберным отношением создателей книги к этой важной части любого издания. Так, известный симферопольский краевед Олег Владимирович Широков в своем обзоре презентации указанной работы указывает на ряд ошибок и мнимых «открытий» авторов именно к иллюстративному материалу. Сюда же следует отнести и подписи к ри-

сункам, которые часто удалены на несколько страниц от изображения, и курьезы, возникающие из-за неудачного оформления. В частности, на странице 170 «Краткой истории Крыма» картину битвы сопровождает подпись «Крещение русского князя» [4]. Еще красноречивее оценка данной книги известного военного историка Сергея Викторовича Ченныка. По его мнению, «Уже первые фразы показали, что авторы далеки от знания темы военной истории вообще и Крымской войны в частности «как от Луны», и более того, совершенно не могут расставить приоритеты важности событий, «утонув» в бессмысленных мелочах и запутавшись во второстепенных деталях». Вердикт С. В. Ченныка о подборе иллюстраций не менее суров и справедлив: «Почти все они подписаны с ошибками, часто совершенно неправильно. Так, изображенный солдат Кавказского корпуса в летнем обмундировании, к Крыму отношения не имевший, «обозван» рядовым пехотного полка в зимнем обмундировании» [5]. В этой связи и «советы» Н. И. Храпунова выглядят смешными. Перед раздачей подобных «рекомендаций», рецензенту стоило бы задать себе вопрос, впервые сформулированный медведем-героем басни Ивана Андреевича Крылова: «Не лучше ль на себя, <...>, оборотиться?».

В своей «Самой тихой песне» Андрей Вадимович Макаревич заметил: «Лишь тот, кому нечего сказать, громче всех кричит». Говоря иначе, чем менее человек компетентен в проблеме, чем менее он замечен в современной крымоведческой историографии, тем более ему хочется обратить на себя внимание, тем более громкими и безапелляционными будут его оценки. Предлагаю простой пример. Вот так характеризует мою книгу далекий от вопросов церковного крымоведения Н. И. Храпунов: «Рецензируемое издание – это подборка сведений о жизни и деятельности крымских священнослужителей, а также светских археологов, не всегда связанных с заявленной темой. Пожалуй, самое ценное в нем – это опубликованные впервые и переизданные документы и материалы» [1, с. 523–524]. А вот А. В. Шаманаев, научный авторитет которого, кстати, признает и Никита Игоревич, в своей рецензии на мою книгу отметил, что она бесспорно является ценным вкладом в изучение истории Русской православной церкви, Крыма и системы сохранения историко-культурного наследия в Российской империи [4, с. 285]. Чье мнение в данном вопросе более весомо – очевидно, не так ли?

У замечательного испанского писателя Артуро Переса-Реверте есть сборник блестящих эссе под названием «С намерением оскорбить». С подобным посылом, видимо, писалась обзриваемая работа Н. И. Храпунова. Впрочем, оскорбления из некоторых уст звучат как похвала. Полагаю, что это именно тот случай.

Для информации.

Рецензии на монографию В. В. Калиновского:

1. Журба О. И. Церковная историография в региональном измерении // Вісник Дніпропетровського університету. Сер.: «Історія та археологія». – Дніпропетровськ, 2013. – Т. 21, № 1. – С. 239–242.

2. Зозуля С. Ю. «Розвиток біобібліографії кримознавства» // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / НАН України; УТОПІК. – Київ, 2014. – Вип. 25. – С. 302–305.

3. Ковальова І. Ф. Гідне поповнення авторитетної книжкової серії // Праці Центру пам'яткознавства: зб. наук. праць / НАН України; УТОПШК.– Київ, 2012.– Вип. 22.– С. 319–321.

4. Кутайсов В. А. Содержательное исследование по церковному кримоведению // Ученые записки Таврического нац. ун-та им. В. И. Вернадского. сер.: «Исторические науки».– Симферополь, 2012.– Т. 25 (64), № 2.– С. 128–131.

5. Ластовський В. Кримознавство і церква: нова інформація // Болховітіновський щорічник, 2012 / Нац. Києво-Печерський історико-культурний заповідник.– Київ, 2013.– С. 264–266.

6. Севастьянов А. В. Крымский вектор отечественной историографии: фундаментальность традиций и новаторство перспектив: книжная серия «Биобиблиография кримоведения» // Пространство и время.– Москва, 2014.– № 2.– С. 303–306, ил.

7. Шаманаев А. В. Русский Афон архиепископа Иннокентия: два взгляда на историю проекта // Известия Уральского федерального ун-та. сер. 2: гуманитарные науки.– Екатеринбург, 2014.– № 1(124).– С. 280–286.

Список литературы

1. Храпунов Н. И. Рец. на: Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: Церковное кримоведение (1837–1920). – Киев; Симферополь: Антиква, 2012. – 340 с., ил. // Материалы по археологии, истории и этнографии Тавриды. – Симферополь; Керчь, 2014. – Вып. 19. – С. 516–525.

Hrapunov N. I. Rec. na: Kalinovskij V. V. «Drevnostej – i zamechatel'nyh, i interesnyh, i krasivyh – nepochatyj ugolok»: Cerkovnoe krymovedenie (1837–1920). – Kiev; Simferopol': Antikva, 2012. – 340 s., il. // Materialy po arheologii, istorii i jetnografii Tavridy. – Simferopol'; Kerch', 2014. – Vyp. 19. – S. 516–525.

2. Калиновский В. В. «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: Церковное кримоведение (1837–1920) / В. В. Калиновский; под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего.– Киев; Симферополь: Антиква, 2012.– 340 с., ил.– (Серия: Биобиблиография кримоведения ; Вып. 18).

Kalinovskij V. V. «Drevnostej – i zamechatel'nyh, i interesnyh, i krasivyh – nepochatyj ugolok»: Cerkovnoe krymovedenie (1837–1920) / V. V. Kalinovskij; pod red., vstup. st. A. A. Nepomnjashhego.– Kiev; Simferopol': Antikva, 2012.– 340 s., il.– (Serija: Biobibliografija krymovedenija ; Vyp. 18).

3. Шаманаев А. В. Русский Афон архиепископа Иннокентия: два взгляда на историю проекта // Известия Уральского федерального ун-та. сер. 2: гуманитарные науки.– Екатеринбург, 2014.– № 1(124).– С. 280–286.

Shamanaev A. V. Russkij Afon arhiepiskopa Innokentija: dva vzgljada na istoriju proekta // Izvestija Ural'skogo federal'nogo un-ta. ser. 2: gumanitarnye nauki.– Ekaterinburg, 2014.– № 1(124).– S. 280–286.

4. Широков О. «Краткая история» – и одна картина. <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=10201>

Shirokov O. «Kratkaja istorija» – i odna kartina. <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=10201>

5. Ченнык С. Большая версия Крымской войны в «Краткой истории Крыма», или как рождаются мифы. http://warinform.com/?page_id=5725

Chennyk S. Bol'shaja versija Krymskoj vojny v «Kratkoj istorii Kryma», ili kak rozhdajutsja mify. http://warinform.com/?page_id=5725

Kalinovsky V. V. Not better for yourself, my friend, turn...: reply to a review of N. I. Hrapunov / V. V. Kalinovsky // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 73–80.

The article is a response to the biased and incompetent review to the monograph of Vladimir Kalinovsky, by N. I. Hrapunov, an employee of Institute of Oriental Studies (Simferopol). The reviewer, not being an

expert in the church history, is trying to criticize the book's shortcomings, mostly imaginary, in an instructive tone. The answer justifies the inappropriateness of such an approach. The desire of the reviewer to try to criticize the monograph once again has the opposite effect – N. I. Hrapunov demonstrates his ignorance of the rules of spelling of the Russian language and a complete lack of knowledge about church terminology. Devising a research questions independently of the author, Nikita Igorevich "successfully" justifies their insolvency. Claims that V. Kalinovsky ignores references to the notes of the British travelers to the Crimea, on the translation of which the reviewer has spent quite a few years (and by no way related to the church local studies of Crimea) are apparently bordered with the desire of self-promotion. Mentioning the lack of the German translation of the Yekaterinburg researcher A. I. Romanchuk among the references, while the reference to the original Russian text of her work is present, is especially hilarious. Accusations towards monograph illustrations, presented by a co-author of "A Shirt History of Crimea", known for numerous errors, look anecdotically. In conclusion there were presented a list of reviews of the monograph V. Kalinovsky.

Keywords: church local-history studies of Crimea, criticism, source.

УДК 94(477.75)

**ЕЩЕ РАЗ ОБ ИСТОЧНИКАХ И ПРОБЛЕМАХ ИСТОРИИ
ОСМАНСКИХ ВЛАДЕНИЙ В КРЫМУ. РЕЦЕНЗИЯ НА ДИССЕРТАЦИЮ
О.М. КУРНИКОВОЙ «ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ
ОСМАНСКИХ ВЛАДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ КРЫМА В XVI–XVIII ВВ.»**

Рувев В. Л.

***Государственный комитет по охране культурного наследия Республики Крым
E-mail: vl.ruev@gmail.com***

Проанализировано диссертационное исследование О.М. Курниковой «Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI – XVIII вв.». Сделан вывод о несостоятельности ряда позиций, предложенных автором диссертации и возможности использования диссертационных выводов в научной практике.

Ключевые слова: Крым, Османская империя, востоковедение, источниковедение, историография, диссертация, Курникова О.М.

Заявленная тематика диссертации О. М. Курниковой более чем актуальная. Введение в научный оборот новых документальных сведений об истории Крыма в позднесредневековый период, их анализ и составление объективной исторической картины такого важного региона как Крымский полуостров является одной из важнейших задач для специалистов, занимающихся историей Крыма. Именно поэтому диссертация российского специалиста не могла пройти незамеченной, тем более что является в своем роде единственным диссертационным исследованием постсоветского периода, посвященным источниковедению османских владений в Крыму.

С учетом высокой значимости заявленной тематики необходимо детально рассмотреть и проанализировать исследование российского специалиста в отношении целого ряда поднятых проблем, чтобы дать объективную критику указанной работе и предостеречь исследователей от повторения сделанных недочетов.

Диссертация О. М. Курниковой, защищенная в 2009 г. в Институте востоковедения Российской академии наук (г. Москва) состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, приложений [1].

Начнем с введения к работе. Автор выделила для достижения поставленной цели ряд задач, связанных с особенностями административного деления Кефинской ливы (санджака), ее экономическим положением, этноконфессиональным составом на основе различных источников. Однако возникает вопрос о хронологических рамках османских владений в Крыму. Верхнюю дату автор помещает в 1783 г., когда произошло присоединение Крыма к Российской империи. Однако османы были вынуждены оставить Крым еще в 1774 г. по условиям Кучук-Кайнарджийского мирного договора. Кроме того, при описании автором территориальных рамок своего исследования Таманский полуостров у него становится частью Крымского. Именно с этих моментов появляются серьезные вопросы к диссертанту, ставшего кандидатом исторических наук.

Изучив первую главу «Историография истории османских владений на территории Крымского полуострова», совершенно очевидным становится тот факт, что до написания О. М. Курниковой диссертации проблемой изучения османских владений в Крыму практически никто не занимался. И как следствие – автору просто нечем было наполнить страницы своей научной работы. Ведь по другому нельзя объяснить появление в исследовании, к примеру, характеристику компилятивного и крайне примитивного сочинения А. Р. Андреева, которое занимает одну диссертационную страницу. О. М. Курникова заканчивает оценку словами *«Книга интересна и познавательна как большой исторический очерк по военной и политической истории Крыма и содержит документальные архивные материалы. По нашей теме в ней нет никакой информации»* [1, с. 23]. При таком «концептуальном» подходе к своему исследованию для увеличения списка литературы диссертант мог бы взять труды Л. Н. Толстого, Э. Хемингуэя, Ф. И. Тютчева и десятков других авторов, в которых также отсутствуют упоминания об османских владениях в Крыму. Работа получится очень большой по объему, но без содержания информации по теме исследования. Для увеличения количества страниц диссертации автор также ввел пространное описание деятельности А. И. Маркевича [1, с. 15–17], Ю. А. Кулаковского [1, с. 19–21]. В дальнейшем такой прием для показа масштабности исследования применяется весьма часто, особенно во второй главе. Вот яркий пример – видимо, находясь в азарте от погони за объемом, О. М. Курникова уделяет внимание совершенно ненужному в рамках поднятой проблематики пространному цитированию предисловия к труду Ю. А. Кулаковского «Прошлое Тавриды» (впервые издана в 1906 г.) [1, с. 19].

Вывод О. М. Курниковой к первой главе своего исследования о том, что *«в отечественной историографии в отношении изучаемой нами темы, как в дореволюционный, советский, так и в современный период больших изменений не произошло. История османских владений в Крыму остается неисследованной... В зарубежной историографии, напротив – западные и турецкие историки уделяли и уделяют внимание изучению османских владений в Крыму, специально – провинции Кеффе, что особенно становится заметным с середины XX в.»* свидетельствует, что автору так и не удалось в полной мере познать «тайны» «Историографии истории османских владений на территории Крымского полуострова». Тем более что, список трудов *«уделявших и уделяющих внимание изучению османских владений в Крыму западных и турецких историков»* мог быть существенно большим. А вот значительный пласт отечественной литературы советского и постсоветского периода автору остался неизвестным*. Именно поэтому выводы исследователя не в полной мере отражают реальную ситуацию.

Второй раздел содержит семь групп источников по заявленной тематике. Приводя первую группу источников, О. М. Курникова без ссылок на какие-либо источники и литературу отмечает, что дефтеры со сведениями о Кефинском санджаке имеются только в стамбульских архивах – Архиве канцелярии Премьер-министра Турецкой Республики и Архиве дворца Топ-Капы. *«В других архивах Турции деф-*

* К примеру, так и не проведен историографический анализ трудов Ю. Л. Белика, С. А. Беляевой, А. И. Галенко, А. Г. Герцена, А. П. Григорьева, Р. Михневой, С. Ф. Орешковой и др.

теров, содержащих сведения, связанные с Крымским полуостровом не обнаружено» [1, с. 35]. Из этого хочется сделать вывод, что автор исследования владеет староосманским языком и лично посетила целый ряд архивных учреждений Турецкой Республики. Тогда на этом фоне использование в диссертации исключительно известных и опубликованных документов можно объяснить лишь случайностью.

Вторая группа источников называется «Документы, касающиеся провинции Кефе, составленные русской канцелярией», в состав которой входит «Камеральное описание Крыма 1784 г.», включающего в себя информацию о статистических сведениях первого года после присоединения Крыма к Российской империи. Отметим сразу, что к Кефинской ливе, которая к 1783 г. уже 9 лет как перестала существовать, этот документ имеет отношение весьма опосредованное. Удивление вызывает группа источников «Российские исторические сочинения, хроники, летописи, записки путешественников» (кстати, летописей и хроник в этом разделе, к сожалению, не оказалось). В нее О. М. Курникова включает труды исследователей и военных конца XVIII – первой половины XIX в. В их числе – В. Ф. Зуев, К. И. Габлиц, И. М. Берсенев, П. И. Сумароков, П. И. Кёппен, В. Х. Кондараки. Дадим слово О. М. Курниковой: «Сочинения российских исследователей Крыма и путешественников написаны в XVIII в. после присоединения Крыма к Российской империи. Несмотря на это, они содержат много сведений об османском периоде Крыма». В данном случае будет излишним тратить печатное пространство для разъяснения автору разницы между историографией и источниковедением, тем более что диссертационная работа защищена по специальности «07.00.09 – историография, источниковедение и методы исторического исследования». И если бы это разница была изначально ясна исследователю, то не была бы допущена аналогичная путаница между историографией и источниковедением в шестом разделе «Западноевропейские исторические сочинения, хроники, летописи, записки путешественников» (в котором хроник и летописей также нет!), когда в одном ряду в качестве источников по истории османских владений в Крыму стоят как труды М. Броневского, Э. Д. Д'Асколи, Г. Л. де Боплана, так и ученых и путешественников конца XVIII – первой половины XIX в. П.-С. Палласа, Э. Кравен, Э. Кларка, Р. Лайела, М. Гатри, Ж. Ромма, Ф. Дюбуа де Монпере.

Вообще возникает впечатление, что диссертантка периодически теряет нити тематики своего исследования и уходит в иные, совершенно не соприкасающиеся с диссертацией, вопросы истории. И не только истории – ведь раздел о старых картах вызвал бы интерес и у специалистов в области исторической географии. Но как этот раздел помог обогатить источниковедческую базу по истории османских владений в Крыму, осталось не ясно. Зато автор уделил достаточно места в исследовании для таких пояснений и цитат как «...следы вала и рва, который уповательно есть тот самый, о котором пишет Иродот, что сделан был скифскими рабами во время отсутствия господ их в Азию, дабы на обратном их оттоль пути не впустить их в полуостров Таврический...» [1, с. 95]. Для того, чтобы читатель не потерял цепочку рассуждений, следует напомнить, что указанную цитату Н. О. Курниковой замысловатым образом удалось вставить в свою же диссертацию под названием «Доку-

ментальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI–XVIII вв.»!

Суммируя данные второй главы, которая созвучна с ее тематикой основного исследования и занимает основной объем, становится очевидным, что представления автора о документальных источниках по истории османских владений в Крыму весьма туманны. Дальше небольшого количества ранее опубликованных документов исследователь шагнуть не смог. На этом фоне совершенно нелепыми выглядят попытки втянуть в рамки исследуемой темы источники конца XVIII в. российского происхождения. Отметим, что единственным вкладом О. М. Курниковой в источниковую базу по истории османских владений в Крыму являются материалы о военной экспедиции капитана 2-го ранга И. М. Берсенева по Черноморскому побережью (1785), и «Ведомости о приходящих и отходящих в море к портам разных наций купеческих и казенных судах с разными материалами и другими товарами в 1783–1792 гг.». Исходя из времени создания этих документов, совершенно очевидна их низкая значимость, как и вклад автора в изучение, а также расширение документальной базы по истории Кефинской ливы.

Третья глава «Османские владения на территории Крымского полуострова в XVI–XVIII вв.» только подтверждает сделанные ранее критические замечания. Вся эта глава в основном построена на материалах 7 (семи!) источников. Собственно, это количество реально отражает степень подготовки диссертанта. В число этих источников вошли османские дефтеры XVI в. №№214 и 370, «Книга путешествия» Эвлии Челеби (XVII в.), фирман Шагин Гирея, «Камеральное описание Крыма 1784 г.», сочинения И. Э. Тунманна, П. И. Сумарокова. Сразу следует обратить внимание, что данные об османских дефтерах №№214 и 370 с информацией о Кефинской ливе ранее публиковались зарубежными специалистами Г. Вайнштейном и А. Фишером [2; 3 и др.]. При этом у А. Фишера приведены все статистические данные, которые О. М. Курникова использовала для построения своих выводов. Надо отметить и положительный момент – эти данные систематизированы, показано соотношение между ними. Но для диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук этого явно недостаточно, поскольку проведенные математические расчеты хоть и затратны по времени, но отражают хороший уровень школьных познаний. Исследователь вновь применяет свой излюбленный метод пространного цитирования источников (например, выдержка из сочинения Эвлии Челеби (с. 117–120). Однако критика данных этих источников заслуживает отдельного внимания.

Так при подсчете жителей автор без проверки использует приводимые данные и производит расчеты. Так на Мангупе Э. Челеби упоминает о «тысяче иудейских домов». Количество караимских усадеб Мангупа в данном случае завышено, по крайней мере, на порядок*. А итоговые сведения О. М. Курниковой о населении Мангупа в 60-е гг. XVII в. в 5,5 тыс. человек [1, с.121] даже вряд ли применимы к населению этого города в период расцвета в его бытность столицей княжества Феодоро (XIV – XV вв.). При расчете населения Балаклавы автор вместо «50 домов, заселенных солдатами» [1, с. 119], уже использует в своих расчетах число «150» [1,

* Так по подсчетам М. Б. Кизилова в XVII–XVIII вв. численность караимской общины Мангупа составляла около 260–480 человек, которые проживали в 60–80 усадьбах [4, с. 131].

с.121], которое оказывает влияние на итоговый результат. Кстати, учет численности османских гарнизонов в составе городского населения также является дискуссионным вопросом.

Информацию об экономике и населении Кефинской ливы О. М. Курникова приводит по «Камеральному описанию Крыма 1784 г.», сочинениям И. Э. Тунманна и П. И. Сумарокова. Даже если признать хронологическую близость приводимых сведений к османскому периоду, то осуществлять статистические сравнения с данными других периодов является совершенно некорректными действиями. Ведь эти документы отражают ситуацию в Крыму уже после переселения христиан в Приазовье в 1778 г., а также эмиграции татарского населения за пределы Крыма.

Приведенных сведений вполне достаточно, чтобы у специалистов, не ознакомившихся с диссертацией и авторефератом О. М. Курниковой, сложилась определенная позиция. Вопросы о том, как подобного уровня исследование была защищено в 2009 г. в Институте востоковедения Российской академии наук и почему оно было в итоге одобрено научным руководителем Д. Д. Васильевым, оппонентами, членами Ученого совета пока остаются без ответа. Можно лишь сделать вывод, что наука «пополнилась» еще одной малоценной работой. На первый взгляд притягательная и открывающая новые перспективы для специалистов диссертация О. М. Курниковой «Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI–XVIII вв.» оказалась ярким подтверждением поговорки «Не все то золото, что блестит».

Список литературы

1. Курникова О.М. Документальные источники по истории османских владений на территории Крыма в XVI-XVIII вв. : дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09 / Оксана Михайловна Курникова. – М., 2009. – 248 с.

Kurnikova O.M. Dokumental'nye istochniki po istorii osmanskih vladenij na territorii Kryma v XVI-XVIII vv. : dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.09 / Oksana Mihajlovna Kurnikova. – M., 2009. – 248 s.

2. Veinstein G. La population du sud de la Crimée au début de la domination Ottomane / G. Veinstein // *Mémorial Ömer Lûtfi Barkan*. – Paris, 1980. – P. 227–249.

3. Fisher A. The Ottoman Crimea in the Sixteenth Century / A. Fisher // *Harvard Ukrainian Studies*. – Cambridge, 1981. – V.5., №2. – P.135-170.

4. Кизилов М.Б. Крымская Иудея: очерки истории евреев, хазар, караимов и крымчаков в Крыму с античных времен до наших дней / М.Б. Кизилов. – Симферополь: Доля, 2011. – 336 с.

Kizilov M.B. Krymskaja Iudeja: ocherki istorii evreev, hazar, karaimov i krymchakov v Krymu s antichnyh vremen do nashih dnei / M.B. Kizilov. – Simferopol': Dolja, 2011. – 336 s.

Ruev V. L. Once again about the sources of the problems and history by the Ottoman possessions in the Crimea. Review of dissertation research of O. M. Kournikova "Documentary sources for the history of the Ottoman possessions in the Crimea in the XVI – XVIII century" / V. L. Ruev // *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University*. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 81–86.

The dissertation research of O. M. Kournikova "Documentary sources for the history of the Ottoman possessions in the Crimea in the XVI – XVIII century" was analyzed. The structure of the work was consistently revealed. The periodization of the Ottoman possessions in the Crimea looks inappropriate. A dissertation defines that it ended in 1783 year, although the Ottomans left the peninsula in 1774. The ignorance of O.M. Kournikova in historiography questions seems problematic. She mentions the works, not related to the topic of research, and ignores the significant body of Russian literature of the Soviet and post-Soviet periods. So she refers to the compilation work A. R. Andreev, unrelated to the Ottoman presence in the

Crimea, but misses recognized experts' monographs on the issue. The approach to a dissertation paper sources is equally strange. It uses only well-known and published documents, including text materials not related to the subject. Turkish archives with their rich sources were only mentioned, but in no way used. From time to time O.M. Kournikova loses the thread of the narrative and switches to arbitrary questions of history. The third chapter of the dissertation "The Ottoman possessions in the territory of the Crimean Peninsula in the XVI – XVIII c.", is based only on seven sources. The population figures of Crimean settlements, particularly Mangup, given by the researcher, are far from reality. The conclusion of the insolvency of a number of positions proposed by the author of the dissertation, and the possibility of using the dissertation findings in scientific practice, was made.

Keywords: Crimea, the Ottoman Empire, Oriental, source.

УДК 930.253:069 (477.75)

ЗРИМЫЙ ОРИЕНТИР ПОДВИЖНИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЛЯ СОВРЕМЕННОК*

Шик Н. В.

*Межшкольный краеведческий музей им. Е. Н. Овена, Севастополь, Российская Федерация
E-mail: shik.n@bk.ru*

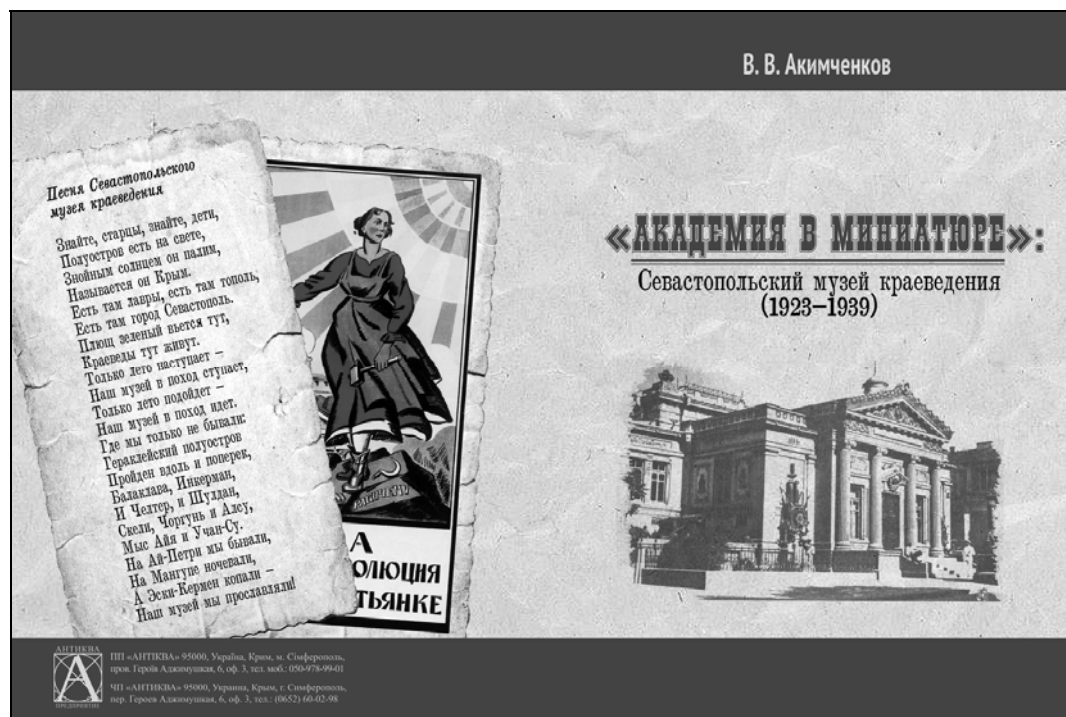
Осуществлен анализ монографии В. В. Акимченкова «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939)». Автор сумел подробно, посредством детального рассказа об отдельно взятом музейном учреждении, охарактеризовать тенденции развития краеведения в 20–30-е годы XX века на территории Крымской АССР. На страницах книги, построенной по очерковому принципу, сюжеты из общей истории развития краеведения получили полноценное освещение. Работа написана легко, но далеко не легким был труд по ее созданию. Это видно из богатейшего научно-справочного, иллюстративного аппарата и источниковой базы исследования. Основа – документы самых разных архивов Москвы, Санкт-Петербурга, Севастополя и Симферополя. В монографии подведены итоги деятельности фактически целого поколения краеведов Севастополя, работавших на разном уровне и выполнявших разные исследовательские задачи. Впервые в историографии проанализировано научное наследие, как самого Музея краеведения, так и наиболее заметных его сотрудников.

Ключевые слова: В. В. Акимченков, В. П. Бабенчиков, П. П. Бабенчиков, Б. В. Веймарн, С. Ф. Стрелецкий, В. Н. Махаев, Севастопольский музей краеведения.

Есть явления, которые, благодаря многоплановости и значимости, волнуют многих, всем знакомы, но, порою, обходятся стороной исследователями. В истории Севастополя первой половины XX века таким явлением стала уникальная в своем роде деятельность Севастопольского музея краеведения (1923–1939). Пожалуй, не было в довоенном Севастополе жителя, который бы не знал о музее и его деятелях, но огненная волна Великой Отечественной войны разметала и собрание музея, и его создателей. Однако, благодаря интересной и строго научной монографии крымского ученого В. В. Акимченкова, история становления и судьбы юных краеведов Севастопольского музея краеведения вернулись в научный оборот. Поэтому сегодня как никогда актуально звучат слова археолога Владимира Петровича Бабенчикова, помещенные в качестве эпиграфа к книге – «Отдать дань уважения, воскресить забытые страницы прошлого нашей молодости, показать научное и воспитательное значение этого эксперимента – такова задача работы». С полной ответственностью можно заявить, что Виктору Владимировичу Акимченкову удалось с достоинством исполнить наказ В. П. Бабенчикова, посредством которого ученый обращался к грядущим поколениям краеведов.

Автор книги поставил задачу собрать воедино всю сохранившуюся информацию о людях и деятельности СМК и это ему удалось. Перед нами на страницах книги проходят судьбы многих членов Музея краеведения (именной

* Рец. на кн.: Акимченков В. В. «Академия в миниатюре»: Севастопольский музей краеведения (1923–1939) / В. В. Акимченков ; под ред. А. А. Непомнящего ; Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского. – К. ; Симферополь : АнтикВА, 2012. – 120 с. – (Серия : «Биобиблиография краеведения» ; вып. 17).

указатель насчитывает более 60-ти фамилий!). Творческой удачей исследователя следует считать название книги – «Академия в миниатюре», которое емко и точно передает сущность подвижнической деятельности Севастопольского музея краеведения. Положительным моментом является тот факт, что значительную часть источниковой базы составляют ранее неопубликованные архивные документы, поисками которых автор занимался скрупулезно в Государственном архиве Российской Федерации, Государственном архиве Республики Крым, Государственном архиве города Севастополя, Научном архиве Крымского филиала Института археологии, архиве Межшкольного краеведческого музея им. Е. Н. Овена и др.

Изучив монографию, становится понятным, что работа с источником для автора носит большую ответственность. Книга наполнена материалом эпистолярного жанра. Здесь можно встретить письма современников тех событий: Г. Д. Белова, С. Н. Бибикова, Е. Б. Демешкан и др. Это позволило восстановить историю нереализованных проектов севастопольских краеведов, а также рассмотреть конкретные результаты их деятельности. Тем самым В. В. Акимченков продолжил работу, начатую еще в 70-е годы XX века Е. В. Веймарном и Е. Б. Демешкан, по восстановлению многоплановой истории СМК. Такой же подход он применяет и в отношении работ своих предшественников. Автор систематизировал историографию по теме исследования, непредвзято провел анализ каждой из работ, сделав при этом замечания на ошибки, которые ему удалось выявить.

Изложение материала построено по хронологическому принципу. Работа состоит из предисловия, пяти глав, заключения и двух приложений. В первой части

книги (вторая–четвертая глава) очень подробно описана история Севастопольского музея краеведения. Это позволяет читателю окунуться в будни севастопольских краеведов 20-х – 30-х годов XX века, проследить их инициативы и начинания, ощутить атмосферу и интеллектуальную напряженность минувшей эпохи. Пятая глава структурирована несколько иначе. Здесь автор разместил очерки о подвижниках изучения Крыма – людях, сумевших своим титаническим трудом собрать, проанализировать и ввести в научный оборот значительные данные по истории, археологии, геологии Крыма, сформировать основу музейных собраний Севастополя и Симферополя (В. П. и П. П. Бабенчиков, А. Н. Бернштам, В. Н. Махаев). Автор с большой ответственностью подошел к выбору названий для каждой из глав. «Вывести науку из тишины кабинетов ученых»... «Ушли в недра музейного архива герои войны, спрятана личность»... Стоит один только раз бегло окинуть взором эти строки и перед глазами читателя вырисовывается не только картина развития отдельно взятого музея, но и панорама жизни всего научного сообщества молодого Советского государства. Достаточно прочесть лишь несколько первых абзацев и погружаешься в эпоху, наполненную небывалым энтузиазмом и светлой верой в победу идей Революции, в период постоянных «конференций», «пленумов» на фоне «доблестной и безуданной» борьбы с «врагами Советской власти»...

Отдельного внимания заслуживают приложения к монографии. Автору принадлежит приоритет в систематизации опубликованных и неопубликованных работ археолога В. П. Бабенчикова. Составление списка неопубликованных работ Владимира Петровича, хранящихся в Научном архиве Крымского филиала Института археологии (именно здесь находится большая часть научного наследия ученого!), является важным звеном в этом процессе. В. В. Акимченкову удалось восстановить список членов Севастопольского музея краеведения, который насчитывает 65 имен. Прделанная работа позволяет проследить дальнейшее деятельное участие юных краеведов в научной жизни Советского Союза второй половины XX века. Таким образом, приложения имеют значительную научную ценность и являются началом для дальнейших научных изысканий автора монографии.

Особую ценность замечательная книга В. В. Акимченкова представляет для нас – сотрудников Межшкольного краеведческого музея им. Е. Н. Овена. Несмотря на то, что материалы и экспонаты, собранные юными краеведами в далекие 20–30-е годы XX века не дошли до нашего времени и не были использованы при создании экспозиции нашего музея, мы считаем себя идейными наследниками Севастопольского музея краеведения. И книга В. В. Акимченкова дает нам зримые ориентиры подвижнической деятельности сотрудников СМК: братьев В. П. и П. П. Бабенчиковых, Б. В. Веймарна, С. Ф. Стржелецкого, В. Н. Махаева.

Благодаря обширности собранного материала автор смог дать развернутую историю краеведческого движения в Севастополе, начиная с ранних этапов формирования школьных краеведческих кружков, и заканчивая последними предвоенными годами. При этом Виктор Владимирович не избегает описания «острых углов», проблем, которые неизбежно возникали в ходе деятельности Музея и судьбах его сотрудников, ведь минувшая эпоха была богата неожиданными поворотами. И поэтому книгу В. В. Акимченкова можно считать документальным памятником далекой

эпохи – эпохи социалистического строительства. Поданная через судьбы и дела обычных детей и педагогов, история предвоенного Севастополя с ее конференциями, «посевной кампанией», «Музейным объединением» становится более понятной, зримой. А как актуально сейчас звучат строки из статьи В. П. Бабенчикова: «Отдых на свежем воздухе имеет очень важное значение для трудящихся... Интересных мест для зимних экскурсий найдется в Крыму немало, дело только за организацией». Географии походов и экскурсий ребят из Музея краеведения, приводящейся на страницах книги, могут позавидовать современные их сверстники – краеведы. Позавидовать и повторить. В этом заключается огромный воспитательный потенциал монографии.

А раз так, то работу Виктора Владимировича Акимченкова следует считать не только научной, но и педагогической удачей. Прочитать ее полезно не только историкам, экскурсоводам, краеведам, но и современным школьникам. Для этого будет полезным переиздать монографию более значительным тиражом. Своей книгой автор закладывает фундамент для дальнейшего изучения наиболее трагичных, но одновременно – чрезвычайно интересных событий и тенденций в истории Севастополя. Уверен, что в скором времени отечественная историография будет пополнена очередной монографией Виктора Владимировича, а история Севастопольского музейного объединения, развернувшего свою деятельность в условиях жесткого идеологического давления, получит достойное освещение.

Chic N. V. The visible reference point of selfless activity for contemporaries / N. V. Chic // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2014. – Vol. 27 (66), No 2. – P. 87–90.

Is carried out the analysis of the monograph of V. V. Akimchenkov «Academy in a miniature»: Sevastopol museum of study of local lore (1923–1939)". The author managed in detail, to characterize by means of the detailed story about separately taken museum establishment tendencies of development of study of local lore in the 20–30th years of the XX century in the territory of Crimean the Autonomous Soviet Socialist Republic. On pages of the book constructed by the ocherkovy principle, plots from the general history of development of a krymovedeniye received full lighting. Work is written easily, but not work on its creation was a lung. It is visible from the richest scientific and help, illustrative device and istochnikovy base of research. A basis – documents of the most different archives of Moscow, St. Petersburg, Sevastopol and Simferopol. In the monograph the results of activity of actually whole generation of the local historians of Sevastopol who were working at different level and carrying out different research tasks are summed up. For the first time in a historiography the scientific heritage, both the Museum of study of local lore, and his most noticeable employees is analysed.

Keywords: V. V. Akimchenkov, V. P. Babenchikov, P. P. Babenchikov, B. V. Veymarn, S. F. Strzheletsky, V. N. Makhayev, Sevastopol museum of local history.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Авсенева Светлана Николаевна	аспирант кафедры истории Древнего мира и Средних веков Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Алиев Решат Диляверович	аспирант кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Дмитрук Светлана Анатольевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии и гуманитарных дисциплин Государственного университета телекоммуникаций (г. Киев, Украина)
Задерейчук Алла Анатольевна	кандидат исторических наук, доцент кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Калиновский Владимир Витальевич	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Кравчук Александр Сергеевич	аспирант кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Марциновский Павел Николаевич	кандидат исторических наук, доцент кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Парафило Денис Михайлович	аспирант кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)
Пасечников Игорь Александрович	аспирант кафедры региональной истории и специальных дисциплин Таврического национального университета имени В. И. Вернадского (г. Симферополь)

**Руев Владимир
Леонидович**

кандидат исторических наук, заведующий отделом
сохранения объектов археологии Государственного
комитета по охране культурного наследия Республики Крым
(Симферополь)

**Шик
Николай Васильевич**

методист Межшкольного краеведческого музея
имени Е. Н. Овена (г. Севастополь)

СОДЕРЖАНИЕ

Авсенева С. Н.	
Крым глазами путешественников первой половины XIX века: новые отрывки из путевых записок Яноша Карой	3
Алиев Р. Д.	
Последствия эмиграции крымских татар в 60-е гг. XIX века: постановка проблемы	10
Дмитрук С. А.	
Помощь Чехословацкой Республики чехам Юга Украины в начале 20-х годов XX века: по материалам Национального архива Чешской Республики в г. Праге	17
Задерейчук А. А.	
К истории создания и деятельности Днепровского отдела императорского Общества размножения охотничьих промысловых животных и правильной охоты	24
Кравчук А. С.	
Губернаторский корпус Таврической губернии в первой половине XIX века	34
Марциновский П. Н.	
Современная историография угольной промышленности Донбасса (советский период)	49
Парафило Д. М.	
Книжные раритеты «Карай-битиклиги»: опыт реконструкции на примере «Списка М. С. Сарача»	57
Пасечников И. А.	
Жандармерия Таврической губернии в первой половине XIX века	63

РЕЦЕНЗИИ

Калиновский В. В.	
Не лучше ль на себя, мой друг, оборотиться...: ответ на рецензию Н. И. Храпунова	73

Руев В. Л.

Еще раз об источниках и проблемах истории османских владений
в Крыму: рецензия на диссертацию О. М. Курниковой
«Документальные источники по истории османских владений
на территории Крыма в XVI – XVIII вв.»81

Шик Н. В.

Зримый ориентир подвижнической деятельности для современников.....87

Сведения об авторах91